ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ХРИСТИАНСТВО И СТРАХ

жизнь без бремени вины и ужаса перед неизвестностью

ОСКАР ПФИСТЕР

Религия. История Бога

Оскар Пфистер

Христианство и страх

«Эксмо»
1944

УДК 27
ББК 86.37

Пфистер О.

Христианство и страх / О. Пфистер — «Эксмо», 1944 — (Религия. История Бога)

Плохие сны и зловещие пророчества, страх нарушить заповеди и церковные догматы, ненависть и жестокость по отношению к еретикам, искушения и одержимость демонами, навязчивые видения, ужас перед проклятиями и порчей – почему религия любви одних верующих сделала светом миру и солью земли, а других превратила в невротиков и жестоких преследователей себе подобных, ревнителей чистой веры, боящихся темного начала? Как умножить число первых и помочь вторым избавиться от уничтожающего страха? «Христианство и страх» – фундаментальный труд швейцарского психоаналитика, ученика Зигмунда Фрейда, педагога и пастора Оскара Пфистера (1873–1956), написанный в 1944 году и впервые издающийся на русском языке.

УДК 27
ББК 86.37

© Пфистер О., 1944
© Эксмо, 1944

Содержание

Оскар Пфистер: пастор, обвенчавший христианство с психоанализом 7
Предисловие 16
Глава 1. Введение: наша задача 20
Содержание и определения 20
Предмет исследования 23
Часть первая 25
Глава 2. Страх: понятие, причины, проявления 25
Понятие страха 25
Причины страха 28
Первое послание Иоанна 28
Сёрен Кьеркегор 28
Мартин Хайдеггер 29
Зигмунд Фрейд 30
Альфред Адлер 31
Взгляд автора 31
Проявления страха 33
Глава 3. Тревожные фантазии. Защита от страха 37
Защита от страха. Снятие напряжения 37
Борьба ума со страхом 39
Интеллектуализация и рационализация страха 39
Осмысление страха и тревожных фантазий 40
Прямое избавление от страха 40
Снятие блоков. Символическое утоление одного из противоречащих влечений. Компромисс 42
Истоки тревожных фантазий 46
Объективация и осмысление тревожных фантазий 48
Вытеснение тревожных фантазий 50
Связь чувств и разума в отторжении страха 51
Фиксация страха на образах 51
Влечение к повторениям 51
Глава 4. Невроз для снижения страха 53
Навязчивые фантазии 53
Связь навязчивых фантазий с разумом и чувствами 53
Истоки компульсий 54
Виды компульсий 55
Навязчивые действия 56
Навязчивые фантазии и действия 56
Магический характер обсессий 58
Компульсии и педантизм 61
Обсессии и инсессии 62
Глава 5. Успехи и неудачи защиты от страха 64
Успехи: снижение страха, сублимация, нравственное развитие. Неудачи: мучения, утрата любви, моральная травма 64
Принципы диагноза 66
Исцеление любовью 66

Анализ подсознания 68
Избавление от страха. Анализ и синтез 68
Страх в коллективной психологии 71
Человек в толпе 71
Человек толпы и невротик. Сходства и различия 73
Значение вождя 74
Возникновение толпы: причины и процесс 75
Смена толпы. Выход из толпы 78
Массовый психоз и невроз как реакция страха 79
Глава 7. Социальная группа 80
Характерные черты 80
Сопротивление страху и неврозам в социальной группе. Принцип прививки 82
Конец социальной группы 83
Глава 8. Защита от страха в обществе без толпы 84
Часть вторая (историческая) 88
Глава 9. Страх и его преодоление в первобытных религиях 89
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Оскар Пфистер
Христианство и страх
Жизнь без бремени вины и ужаса перед неизвестностью

Oskar Pfister
DAS CHRISTENTUM UND DIE ANGST

© Лурье В. М., вступительная статья, 2019
© Шелковникова Е. С., перевод, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Оскар Пфистер: пастор, обвенчавший христианство с психоанализом

От классиков науки остаются, во-первых, идеи, которые живут долго, и, во-вторых, их собственные сочинения, о которых не забывают только историки науки. Геометрию не изучают по «Началам» Евклида, а физику – по «Математическим началам натуральной философии» Ньютона. Но с психоанализом всё не так. Сочинения Фрейда в нем имеют такое же значение, как Священное Писание для средневекового богословия. Психоанализ, как и христианское богословие, говорит и думает цитатами, и каждая новая мысль соотносится (неважно, апологетически или полемически) с какой-нибудь мыслью Фрейда. Кто-то увидит в этом аргумент против научности психоанализа, но кто-то возразит, заметив, что психоанализ, как и медицина, – это не только наука, но и искусство, искусство врачевания.

«Священное писание» психоанализа имеет более сложную структуру, нежели просто собрание сочинений Фрейда. Если проводить параллель с Новым Заветом, то корпус творений Фрейда подобен евангелиям, а сочинения первого, иногда второго поколения его учеников – апостольским посланиям. (Не смог удержаться, чтобы уж заодно не сравнить официальную биографию Фрейда авторства преданнейшего ученика Эрнеста Джонса с Деяниями апостольскими: Джонс тоже писал только из одного угла и нисколько не поддаваясь увлечению историческим объективизмом.)

Однако апостолы Фрейда разошлись в разные стороны не только географически, но и идейно – причем, для развития психологии (даже не только психоанализа) больше сделали те, кто совсем порвал с Учителем. В хронологическом порядке это Альфред Адлер (впоследствии учитель Виктора Франкла; к Адлеру восходят идеи «логотерапии» и многие другие как бы общеизвестные вещи, например понятие комплекса неполноценности), Карл-Густав Юнг, Сабина Шпильрейн[1], Шандор Ференци (впоследствии учитель Мелании Кляйн, к которому восходят идеи контрпереноса и основанной на нем психотерапии), Отто Ранк… Для тех, кто пошел вслед за кем-то из них, даже сегодня остаются актуальными не только их идеи, но и их подлинные слова, то есть их сочинения. Это будет относиться и к Пфистеру, который Фрейду был верен всегда, но при взаимном согласии быть не во всем согласными.

Те, кто оставались до конца лояльными Фрейду, как правило, так и не выходили из его «тени». Их вклад в развитие психоанализа мог быть велик или даже огромен (как в случае того же Джонса), но это вклад в меньшей степени идейный, нежели организационный. Так, Джонс после «отпадения» второго (после Адлера) из ближайших учеников, Юнга, в 1912 году создал вокруг Фрейда «внутренний круг» психоаналитиков, первоначально из пяти, потом шести человек, члены которого, включая Фрейда, носили одинаковые золотые перстни и совместно разрабатывали «внешнюю политику» движения психоаналитиков… Именно «движения», так как термин «научная школа» тут явно недостаточен; впрочем, сама уже принятая в психоанализе модель ученичества, в которой учитель выступает в качестве аналитика, а ученик – в качестве анализанда, более напоминает монашеские духовные школы, нежели научные.

Несмотря на то, что «внутренний круг» распался после «отпадения» двух его членов, Ференци и Ранка, не приходится отрицать его эффективности для пробивания стены отторже-

[1] Подобно Пфистеру (чьи труды по психоанализу религиозных людей успели на нее повлиять), Сабина Шпильрейн (1885–1942) оказалась незаслуженно забыта. Важнейшие ее идеи – прежде всего, относительно влечения к размножению и влечения к смерти как двух сторон одного и того же базового влечения – были использованы Фрейдом без ссылок на автора, но, правда, в модифицированном виде. С точки зрения самой Шпильрейн, как мне кажется, все попытки Фрейда развести в разные стороны «Эрос» и «Танатос» должны были восприниматься как наивные. Мы вернемся к этой теме в самом конце, а пока рекомендуем читателю лишь недавно осуществленное (и только в переводе на русский язык) собрание основных трудов Сабины Шпильрейн: С. Шпильрейн, *Психоаналитические труды.* Пер. с англ., нем. и фр. под ред. С. Ф. Сироткина, Е. С. Морозовой. Ижевск, 2008.

ния психоанализа со стороны психологического и медицинского истеблишмента. Организованному большинству научного и медицинского мейнстрима психоаналитическое движение противопоставило организованное меньшинство – в той же степени уступавшее численно, сколь превосходившее в плотности внутренней организации.

В этом движении Оскар Пфистер (1873–1956) был на особом положении: не из тех, кто носил золотой перстень, но ближе к Фрейду, чем некоторые из тех, кто носил[2]. Эрнест Джонс оставил трогательный рассказ об их дружбе:

> В начале 1909 года Фрейд завел еще одну дружбу, совсем другого рода, безоблачно продолжавшуюся до конца его жизни, – дружбу со священником цюрихского прихода Оскаром Пфистером, с которым он позднее завязал обширную переписку. Фрейд очень хорошо относился к Пфистеру. Он восхищался его высокими этическими нормами, его неисчерпаемым альтруизмом и оптимизмом относительно человеческой природы. Вероятно, Фрейда занимала также мысль о том, что он может находиться в безгранично дружеских отношениях с протестантским священником, к которому мог адресовать письма как к «дорогому служителю Бога» и на чье терпение по отношению к «нераскаявшемуся еретику» – каковым он себя считал – он всегда мог рассчитывать. Пфистер, со своей стороны, ощущал безграничное восхищение и благодарность по отношению к человеку, который, по его мнению, является истинным христианином. Единственной уступкой, какую Фрейд мог сделать в ответ на этот мягкий упрек, было его замечание, что его друг Кристиан фон Эренфельс из Праги, который только что написал книгу по сексуальной этике, окрестил себя и Фрейда «сексуальными протестантами».[3]

Пфистер был заведомо не согласен с Фрейдом в отношении религиозных вопросов, в том числе и имеющих отношение к психоаналитической терапии, но при этом всегда оставался его близким другом. Их доверительная переписка (которую мы также надеемся когда-нибудь издать на русском языке) начинается в год их знакомства и заканчивается в 1939 году со смертью Фрейда[4]. На знаменитую книгу Фрейда о смысле религии – «Будущее одной иллюзии» (1927) – Пфистер ответил остроумной статьей «Иллюзия одного будущего», но эта критическая статья была напечатана в журнале, выходившем под редакцией Фрейда и с открытым письмом автора к Фрейду, неизменно дружеским[5]. Как мы знаем теперь из их переписки, Пфистер написал ее по прямому приглашению Фрейда.

---

[2] Пфистеру среди психоаналитиков его времени довольно много внимания уделяет автор новейшей монографии, Ernst Falzeder, *Psychoanalytic Filiations: Mapping the Psychoanalytic Movement* (The History of Psychoanalysis Series), London, 2015. В качестве общего введения в *интеллектуальную* историю и предысторию психоанализа я бы рекомендовал повествование Генри Элленбергера (1970), продолжительность которого (два тома!) является достоинством по причине его чрезвычайной увлекательности: Г. Ф. Элленбергер, *Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии.* Общ. ред. В. Зеленского. 2 тт. СПб., 2001–2004.

[3] E. Jones, *The Life and Works of Sigmund Freud*, 3 vols., New York, 1953–1957, vol. 2, p. 46. Рус. пер. (с небольшими изменениями) по сокращенному изданию (by Lionell Trilling and Steven Marcus, 1961): Э. Джонс, *Жизнь и творения Зигмунда Фрейда.* Пер. В. В. Старовойтова. М., 1997, с. 219.

[4] Современное научное издание, включающее 80 новооткрытых писем: Sigmund Freud – Oskar Pfister: *Briefwechsel 1909–1939.* Hrsg. von I. Noth, Ch. Morgenthaler. Zürich, 2014. С учетом этих новых данных издатели опубликовали статью о дружбе между Пфистером и Фрейдом (точнее сказать, семьей Фрейда: по свидетельству дочери Фрейда Анны, впоследствии знаменитого психоаналитика, дети никого из постоянных гостей дома так не любили, как Пфистера): I. Noth, Ch. Morgenthaler, "The Friendship between Sigmund Freud and Oskar Pfister as Seen in the Correspondence between the Jewish Atheist Founder of Psychoanalysis and the Swiss Pastor Who Pioneered Pastoral Psychology," *Pastoral Psychology* 63 (2013), 81–90. Английский перевод был сделан с неполного издания 1963 года и появился одновременно с этим немецким изданием: *Psychoanalysis and Faith: The Letters of Sigmund Freud and Oskar Pfister*. Ed. by H. Meng and E. L. Freud. Translated by E. Mosbacher. New York, 1963. Ср. также несколько устаревший, но полезный обзор: S. H. Brown, "A Look at Oskar Pfister and His Relationship to Sigmund Freud," *The Journal of Pastoral Care* 35 (1981), 220–233.

[5] O. Pfister, "Die Illusion einer Zukunft. Eine freundschaftliche Auseinandersetzung mit Prof. Sigm. Freud," *Imago* 14 (1928),

Пфистер был единственным человеком, относительно которого ошибся проницательный Карл Абрахамс, исполнявший роль директора по кадрам в кружке носителей золотого перстня: он предрекал «отпадение» Пфистера вместе с Ференци и Ранком. Фрейд не верил Абрахамсу относительно всех троих, но хотя бы в надежде на Пфистера не ошибся.

Когда в Швейцарии – маленькой, но поэтому тем более не терпящей «возмутителей спокойствия» – тучи над психоанализом сгустились, Юнг «пал», увлекая за собой всех швейцарских психоаналитиков, кроме Пфистера и Людвига Бинсвангера[6]. Пфистеру пришлось занять круговую оборону – против консервативных, особенно религиозных кругов, отрицавших психоанализ на корню, против преуспевающей школы бывших соратников, созданной Юнгом, а также против многолетнего оппонента психоанализа со стороны сразу и психиатрии, и философии Карла Ясперса (жившего в Германии, но очень влиятельного на всем немецкоязычном пространстве).

Пфистер стал вторым после Бинсвангера защитником психоанализа от Ясперса. Почти не читавший Фрейда, но десятилетиями полемизировавший против него Ясперс способствовал закреплению популярного мифа о фрейдизме как учении, низводящем человеческую природу к низменным инстинктам. Пфистер в ответ показывал, что человеческая природа предстала в свете психоанализа не только худшей, чем было принято о ней думать, но и лучшей, и что доводы Фрейда против религии еще более свидетельствуют в ее пользу. В то же время он выражал сомнение в пользе для человечества таких психологов, которые пишут, словно для воспитанниц английского – читай, викторианского – пансионата для благородных девиц[7]. В противостоянии Пфистера (и Бинсвангера) Ясперсу проявилось фундаментальное различие в представлении о человеке. Для психоаналитиков классическая психиатрия и философия (пусть даже представленная, как у Ясперса, не только нелюбимым ими Кантом, но и любимыми Кьеркегором и Ницше) очерчивали края ямы, в которой скрывалось самое важное знание и доступ к которой им пытались преградить психиатры и философы.

Из этих баталий Пфистер вышел не без потерь. Они не повлияли на него лично, так как его характер и жизнеутверждающее мироощущение, скорее всего, было вообще невозможно поколебать. Оно не подтачивалось даже отрицательным отношением к оппонентам (то есть собственной агрессией, исподволь разрушающей человека изнутри) – и этой чертой Пфистера Фрейд, судя по его признаниям в их переписке, мог лишь восхищаться издали. Как будто без всякого усилия, Пфистеру удавалось в своих оппонентах и даже в настоящих злодеях видеть прежде всего хорошее, но при этом нисколько не закрывая глаза на плохое (отчасти об этом свидетельствует и настоящая книга). Однако после смерти Фрейда Пфистер как ученый и терапевт остался без группы поддержки. Психоаналитикам была не нужна его *analytische Seelsorge* («психоаналитическое душепопечение»), а пасторов, желающих осваивать психоаналитическое мышление, оказалось немного.

149–184; англ. пер. с небольшой вступительной статьей: O. Pfister, “The Illusion of a Future: A Friendly Disagreement with Prof. Sigmund Freud. Edited, with an Introductory Note, by Paul Roazen,” *International Journal of Psycho-Analysis* 74 (1993), 557–579. В настоящей книге автор ссылается на основные идеи этой статьи.

[6] Интересен, но, видимо, пока остается открытым вопрос о том, насколько это «боевое братство», объединившее Пфистера и Бинсвангера, влияло на развитие их идей. Пионерская в этом отношении статья Roger Frie, “Psychoanalysis, religion, philosophy and the possibility for dialogue: Freud, Binswanger and Pfister,” *International Forum of Psychoanalysis* 21 (2012), 106–116, показывает Пфистера и Бинсвангера связанными друг с другом не столько напрямую, сколько через их общего старшего друга Фрейда. Пока что каких-либо родственных отношений между психоанализом Пфистера и Dasein-терапией Бинсвангера не выявлено.

[7] O. Pfister, “Karl Jaspers als Sigmund Freuds Widersacher,” *Psyche* 6 (1952), 241–275. Эта стадия полемики Ясперса против психоанализа (начало 1950-х гг.) прослеживается на основании новых архивных данных (включая неопубликованную переписку Пфистера и Ясперса) в: M. Bormuth, *Life Conduct in Modern Times: Karl Jaspers and Psychoanalysis.* (Philosophy and Medicine, 89). Dordrecht, 2006, pp. 112–125. Негодование Ясперса было на этот раз катализировано рассказами его бывшей студентки Ханны Арендт о ситуации с психоанализом в США; эмигрировавшая в США Арендт начиная с 1949 года регулярно посещала Ясперса в Германии.

Отход от «чистого» психоанализа в другие области человеческой культуры, особенно в философию, мог привести тогда к сверхпопулярности – как в случае Бинсвангера и феноменологии или Ясперса и экзистенциализма, – но не в случае Пфистера: Пфистер совершенно не увлекался «Богом философов» и стремился к Богу христианства, но, на беду, этот Бог как раз тогда, в военное и послевоенное время, сильно проиграл в глазах всех лидеров общественного мнения.

В последние лет пятнадцать своей жизни Пфистер не давал о себе забыть своей собственной активностью – пусть и не вполне успешно, но все же весьма неплохо: оригинальное немецкое издание настоящей книги, вышедшее в 1944 году, не было полностью распродано и частично пошло в макулатуру; впрочем, Пфистер заметил не это, а приятно поразившую его заинтересованную реакцию рецензентов. Зато в 1948 году вышел авторизованный английский перевод[8], который нашел свою аудиторию. Но после кончины Пфистера в 1956 году память о нем заглохла.

Новая волна увлечения Пфистером восходит к 1973 году, когда на его родине обстоятельно отпраздновали его столетие. Сначала состоялся симпозиум в Цюрихе с 25 по 27 февраля 1973 года, а потом стали выходить публикации докладов, сделанных на этом симпозиуме[9]. Чуть позже вышло новое немецкое издание «Страха»[10]; в те же годы были защищены три диссертации, только одна из которых и только двадцать лет спустя превратилась в монографию[11].

В последние годы о Пфистере пишут историки психоанализа, раскапывающие архивы и постепенно выясняющие реальный масштаб его влияния на формирование психоаналитического движения. Но мы издаем эту книгу не для того, чтобы пополнить архивы и библиотеки, а для того, чтобы привлечь внимание как практикующих психотерапевтов, так и всех прочих, кому может быть интересна *analytische Seelsorge*.

* * *

Несколько слов о настоящей книге. Написанная в качестве «научного завещания», она отражает, пусть и в разной мере, весь спектр научных и богословских интересов Пфистера. Она состоит из трех частей: довольно сжатого теоретического введения в те разделы психоанализа, которые будут востребованы (главы 1–5), обширного очерка предыстории и истории христианства, написанного с психоаналитических позиций, сформулированных в первом разделе (главы 6–18), и собственной программы автора относительно того, в чем должно состоять «психоаналитическое душепопечение» и заодно – каким вообще надлежит стать христианству (главы 19–23).

Как ни странно, все эти разделы, даже первый, представляют интерес и сегодня; правда, первый раздел нужен просто для коммуникации с автором – чтобы нам понимать, какой именно психоанализ он имеет в виду.

---

[8] O. Pfister, *Christianity and Fear: A Study in History and in the Psychology and Hygiene of Religion.* Tr. by W. H. Johnston. London, 1948. В своем *Preface to the English Edition* (pp. 9-11), датированном июнем 1946 г., Пфистер называет эту книгу своим «научным завещанием» (p. 11).

[9] См., в частности: H. W. Kienast, "The Significance of Oskar Pfister's In-Depth Pastoral Care," *Journal of Religion and Health* 13 (1974), 83–95; Th. Bonhoeffer, "'Christianity and Fear' Revisited," *ibid.*, 239–250; эта статья Томаса Бонхёффера вместе с его же предисловием к переизданию немецкого оригинала книги (см. следующее прим.) особо важна для понимания рецепции Пфистера в позднейшей психологии; собственные взгляды Т. Бонхёффера сформированы под влиянием Хайнца Кохута, в терминологии которого он трактует Бога Пфистера как нарциссический объект.

[10] O. Pfister, *Das Christentum und die Angst*, Olsten, 1975 (с предисловием Т. Бонхёффера, сс. VII–XVIII). Текст этого издания воспроизводит издание 1944 года и не учитывает небольших уточнений, внесенных автором в английский перевод.

[11] См. подробную библиографию в этом труде: Eckart Nase, *Oskar Pfisters analytische Seelsorge. Theorie und Praxis des ersten Pastoralpsychologen, dargestellt an zwei Fallstudien.* (Arbeiten zur praktischen Theologie, 3). Berlin – New York, 1993.

* * *

Казалось бы, исторический раздел должен сегодня читаться как заведомо устаревший и наивный, но даже это не так. В последних его главах, посвященных деятелям Реформации в Швейцарии, Пфистер предпринимает оригинальное историческое исследование, основанное на архивных материалах. Вскоре (в 1947 г.) он посвятит этой эпохе полноценную историческую монографию[12].

Созданный Пфистером психоаналитический портрет Кальвина очень убедителен и, насколько мне известно, не имеет аналогов и в современной науке: психоаналитики больше не обращались к этой фигуре, несмотря на огромный интерес к проблемам нарциссизма, существующий в современном научном сообществе.

В своем психологическом портрете Кальвина Пфистер выходит за пределы тех психоаналитических теорий, которые существовали в его время, и создает описание того, что современные психоаналитики могли бы назвать случаем злокачественного нарциссизма по Кернбергу; Пфистер, следуя своей интуиции психоаналитика, акцентирует внимание точно на диагностически значимых признаках[13]. – И это несмотря на то, что в распоряжении Пфистера не было не только трудов Отто Кернберга, но даже их самых общих теоретических предпосылок в виде теории объектных отношений Мелании Кляйн.

Развитие кляйнианского психоанализа, достигшее серьезных успехов уже в 1930-е годы, Пфистера не затронуло, хотя, в то же время, он и не сражался на стороне Анны Фрейд (выросшей почти что у него на руках) в ее «психоаналитической гражданской войне» с Меланией Кляйн[14].

Можно также оценить научную беспристрастность Пфистера: он ведь был пастором реформатского вероисповедания, основателем которого был именно Кальвин. Для многих верующих людей беспристрастное изучение своих собственных религиозных «предков» воспринимается как грех Хама и поэтому строго табуировано, часто на бессознательном уровне, – но, в понимании Пфистера, именно христианство требовало выяснения истины как она есть.

Исторические главы, посвященные временам, предшествовавшим Реформации, все-таки и на самом деле устаревшие и наивные. Но все равно не бессмысленные – если мы вспомним, для чего они были написаны.

Да, как описание христианского и иудейского миров они неадекватны. Пфистер писал в то время, когда фактически о эпохе происхождения христианства знали настолько мало, что теоретически любые реконструкции были в ходу, будучи ограничены только идеологией. Первые открытия рукописей Мертвого моря пришлись на время жизни Пфистера (1947 г.), но Пфистеру не пришлось увидеть детонированную ими революцию во взглядах историков на иудаизм и христианство. Собственные идеи Пфистера развивались в фарватере довоенного

---

[12] O. Pfister, *Das Eingreifen Calvins in die Hexer- und Hexenprozesse von Peney (1545) nach seiner Bedeutung für Geschichte und Gegenwart. Ein kritischer Beitrag zur Charakteristik Calvins und gegenwärtigen Calvin-Renaissance*, Zürich, 1947.

[13] О «злокачественном нарциссизме» см. О. Кернберг, *Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии.* Пер. с англ. М. И. Завалова под ред. М. Н. Тимофеевой. (Библиотека психологии и психотерапии). М., 2001 (оригинальное изд. 1993); *его же, Агрессия при расстройствах личности.* Пер. с англ. и науч. редакция А. Ф. Ускова. (Библиотека психологии и психотерапии). М., 2001 (оригинальное изд. 1992).

[14] Выражение “Psychoanalytic Civil War” применительно к этому конфликту принадлежит внуку Фрейда Эрнесту (W. Ernest Freud, 1914–2008) – психоаналитику, племяннику Анны Фрейд. Пфистер и Кляйн были шапочно знакомы: по крайней мере, они встречались на психоаналитических конгрессах. Тем не менее никакого взаимного интереса, насколько можно судить по документам, не проявлялось. В Швейцарии школа кляйнианского психоанализа оказалась впервые представленной в 1955 году, когда туда переселилась ставшая ее основательницей Марсель Спира (1910–2006). Недавно обнаруженная переписка Кляйн и Спира (хорошо сохранилась только в части писем Кляйн) не упоминает Пфистера: M. Klein, *Lettres à Marcelle Spira*. Édition critique établie par J.-M. Quinodoz. Paris, 2013; англ. пер.: J.-M. Quinodoz, *Melanie Klein and Marcelle Spira: Their Correspondence and Context.* London – New York, 2015.

общепротестантского мейнстрима, лидером которого был Адольф фон Гарнак с его новым «маркионизмом»: противопоставлением христианского Нового Завета «иудейскому» Ветхому Завету как разных религий разных богов (разумеется, протестантский «маркионизм», в отличие от аутентичного маркионизма II века, не считал еврейского бога Ветхого Завета отдельным от христианского Бога существом, но просто не верил в реальность его существования)[15].

В современной науке формируется консенсус относительно того, что раннее христианство было одной (точнее, даже и не одной) из форм иудаизма эпохи Второго Храма. В нем не было ни богословских, ни ритуальных особенностей, которых бы не разделяли те или иные нехристианские направления иудаизма. Уникально было только признание Иисуса Мессией (Христом). Но, как где-то заметил выдающийся современный ученый Дэниел Боярин, тут ситуация напоминала нынешнее отношение в иудаизме к движению Хабад Любавич: остальные иудеи не верят в то, что скончавшийся в 1994 году любавичевский ребе Шнеерсон был Мессией, но на этом основании никому не приходит в голову не считать «хабадников» иудеями[16].

Современный научный Христос, вероятно, мог бы немного разочаровать Пфистера – как своим недопониманием гуманистических идей (это уж неизбежно, если принять буквально все евангельские слова в духе одобрения Ветхого Завета, особенно Мф. 5:17–18, где говорится о том, что Новый Завет не подразумевает отмены Ветхого, но подразумевает его исполнение), так и своей приверженностью к слишком несовершенным, с точки зрения Пфистера, формам благочестия: например «магическим» жертвоприношениям и безбрачному аскетизму. Для Пфистера, как обычно для протестантов, христианская Евхаристия – что-то вроде поминок, где сходство с жертвоприношением только самое отдаленное; особой роли в христианской жизни, как ее видит Пфистер, она играть не должна. Для исторического Христа и вообще кого-либо из его еврейских современников это вряд ли могло быть так. Для них жертвоприношение оставалось полностью актуальной религиозной практикой, даже если уже начинала практиковаться замена помазания кровью животных вкушением вина[17]. Что касается брака, то Пфистер не одобряет позиции Павла, которая и стала общехристианской, но зато горячо одобряет Христа, забывая при этом истолковать его слова в Мф. 19:27, где за оставление жены (и прочих родственников) обещается в Царствии Небесном в сто раз больше оставленного. Буквально тут сказано о том, что вместо одной оставленной на земле жены будет сто. Вряд ли это стоило бы толковать слишком буквально, то есть в смысле обетования гурий. Но тогда получается, что либо эти (и не только эти) слова Христа «неаутентичны» в смысле радикального противоречия его учению, либо все-таки и Христос недалеко ушел от Павла. Новый Завет подразумевал Новый Исход, так как только во время Исхода возможен новый Синай (которым стал Сион) с его откровением Завета. Но Исход – это священная война и сопутствующие ей аскетические ограничения. Жизнь раннехристианских общин вполне следовала предписаниям

---

[15] В настоящей книге Пфистер неоднократно ссылается на Гарнака. Манифестом такого богословия стала книга A. von Harnack, *Marcion. Das Evangelium vom fremden Gott. Eine Monographie zur Geschichte der Grundlegung der Katholischen Kirche*, Leipzig, 1921 (много переизданий и переводов). После того как такое богословие вошло в резонанс с доктриной немецкого нацизма, оно стало подвергаться «денацифицирующей» цензуре (чаще всего внутренней, то есть обусловленной психологически), но абсолютно непричастный ко всем этим околополитическим процессам Пфистер никакого разлада с совестью не испытывал.

[16] Из современной литературы о соотношении раннего христианства и иудаизма можно особо рекомендовать: J. D. G. Dunn, *The Partings of the Ways between Christianity and Judaism and their Significance for the Character of Christianity*, London, 1991; 2nd ed. 2006; *The Ways that Never Parted: Jews and Christians in Late Antiquity and the Early Middle Ages*, ed. A. H. Becker, A. Yoshiko Reed (Texte und Studien zum antiken Judentum, 95), Tübingen, 2003; D. Boyarin, *Border Lines: The Partition of Judaeo-Christianity*. (Divinations: Rereading Late Ancient Religion). Philadelphia, 2004; в связи с затронутыми Пфистером темами (в частности компульсиями) представляет особенный интерес: I. W. Oliver, *Torah Praxis after 70 CE. Reading Matthew and Luke-Acts as Jewish Texts.* (Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament, II/355). Tübingen, 2013 [ср. мою рец.: *Scrinium* 12 (2016), 391–394].

[17] Относительно отраженных в евангелиях ритуалов эпохи Второго Храма см., в частности, A. Jaubert, *La date de la Cène. Calendrier biblique et liturgie chrétienne.* (Études bibliques). Paris, 1957 (англ. пер.: *The Date of the Last Supper*, Staten Island, NY, 1965), а также, с учетом новейших данных, É. Nodet, “On Jesus’ Last Supper,” *Biblica* 91 (2010), 348–369.

Ветхого Завета, но в той их части, которая относилась только ко временам войны. Главным оружием в этой войне становилось мученичество, богословская теория которого была сформулирована еще в дохристианских 2 и 4 книгах Маккавеев. Таким христианство явилось в мир уже в общине самого Иисуса[18]. Фундаментальное для христианства значение мученичества Пфистер упускает из виду, а потому не может увидеть и надобность в его органичном продолжении – монашеской аскетике.

Тем не менее даже за исторически ошибочными представлениями у Пфистера стоит нечто важное. Пусть его образ христианства исторически не соответствует не только реальному историческому христианству – это и сам Пфистер охотно признаёт, – но даже и сколько-нибудь историческому Иисусу, оно, однако, соответствует определенному идеалу «христианства на службе человечеству» – такому христианству, которое делает лучше жизнь людей на земле. Пфистер не соглашается с аскетическими предложениями просто отказаться от жизни мирскими радостями и найти при помощи религии что-то более нужное, а напротив, заходит настолько далеко, что пытается сделать христианство полезным даже для тех, кто в него не верует; его личные отношения с Фрейдом тут были всего лишь частным случаем. Он верил, что, с одной стороны, человечество, а с другой стороны, христианство на самом деле устроены так, что христианство может и должно осчастливить человечество. Понимая, что в истории почти никто из христиан так не думал[19], он проецировал подобное мировоззрение на Иисуса, и ему этого хватало.

* * *

Сказав немного о христианстве, мы должны сказать и о психоанализе – насколько он подходил для проекта Пфистера?

В настоящей книге Пфистер старательно избегает технической терминологии и, тем паче, изложения сложных теорий. Он хочет сделать ее понятной для тех, кто ничего не знает о психоанализе, да и не собирается узнавать. На практике это все равно приводит к тому, что специальная терминология нет-нет, да и прорывается. Но главное, что конкретные теории психоанализа все равно остаются полностью узнаваемыми. Это прежде всего представление Фрейда о трехчастной структуре (*Id, Ego, Super-Ego* – «Оно», «Я» и «Сверх-Я»), как оно сложилось к 1920-м годам, а также сформировавшаяся в те же годы фрейдовская рецепция представлений Лебона о психологии толпы (Пфистер ссылается на Лебона, но стремится минимизировать ссылки на Фрейда – вероятно, чтобы не распугать консервативную часть аудитории).

Трехчастная структура давала в руки пастора психотерапевтический инструмент, дающий прямой доступ к совести («Сверх-Я») в ее диалоге с личностью («Я»), в котором личность либо следует велениям совести, либо нет. В том и другом случае «Сверх-Я» вызывает страх и, далее, вытеснение в бессознательное («Оно»), и этот страх может быть как полезным для личности (например, вызывая «сублимацию», то есть возвышенные чувства), так и вредным (вызывая нежелательную агрессию). Фрейдовская трехчастная структура была тем психоаналитическим открытием, восторг перед которым Пфистер нисколько не пытался скрывать. От

[18] См. подробнее в: В. М. Лурье, *Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте.* СПб., 2000.

[19] Тут русский читатель должен возразить, вспомнив хотя бы Достоевского. В отличие от Фрейда, Пфистер почему-то Достоевским не увлекался. Возможно, повлияло отношение к Достоевскому Фрейда, сформулированное публично лишь в его предисловии к немецкому изданию «Братьев Карамазовых» (статья «Достоевский и отцеубийство», 1928), но более-менее известное в ближнем кругу Фрейда не позднее 1920 г. Если статью Фрейда одобрили прежде публикации Джонс и Ференци, то с ней мог согласиться и Пфистер. Фрейд видел в Достоевском человека, страдающего тяжелыми неврозами и перверсиями. Из множества публикаций, посвященных теме «Достоевский и Фрейд», наиболее интересны исследования психоаналитиков: F. Schmidl, “Freud and Dostoevsky,” *Journal of the American Psychoanalytic Association* 13 (1965), 518–532 (изложение наиболее важных данных); J.-P. C. J. Selten, “Freud and Dostoevsky,” *The Psychoanalytic Review* 80 (1993), 441–455 (попытка анализа патологических мотивов самого Фрейда, приведших к ошибкам в диагностировании Достоевского).

идеализации «Сверх-Я» (совести) он был также далек, понимая, как она может искажаться, но он считал, что для ее исправления как раз и поможет образ Христа.

Разработанной психологии толпы в распоряжении Пфистера не было, но, по крайней мере, он, вслед за Фрейдом, понимал, что там не может быть трехчастной структуры, то есть толпа по определению бессовестна[20].

Задача правильной религии «аналитична», а не очень правильной или совсем неправильной – «синтетична». Оба этих термина принадлежат самому Пфистеру. В обоих случаях речь идет о преодолении страха, который является (не только по Пфистеру: это было весьма широко распространенное мнение) главным отравителем человеческого существования. Аналитический подход состоит в том, чтобы помочь человеку разобраться с собственной совестью, причем сделать это можно только на основе любви. Синтетический подход заключается в преодолении страха посредством ритуалов и других действий, не влекущих осознания его причин и поэтому не приводящих к настоящему освобождению.

Взгляд Пфистера на индивидуальную психологию человека может показаться чрезмерно оптимистическим, но тут надо помнить, что он лишь чуть иначе расставлял акценты в интерпретации фрейдовского учения о трехчастной структуре. Сегодня мы бы сказали, что это учение само по себе было слишком оптимистичным. Наиболее тяжелые нарушения психики, причем не только психозы, но и так называемые тяжелые личностные расстройства (не путать с «неврозами») не зависят от патологий трехчастной структуры, а потому и не лечатся в рамках классического психоанализа. Рецепты Пфистера в этих случаях также работать не будут.

Современный психоанализ в основном следует за Меланией Кляйн, согласно которой трехчастная структура сама по себе – это уже результат развития личности, которого не каждому удается добиться. Нарушения трехчастной структуры, обычно связанные с неправильным разрешением эдипова комплекса, – это проблемы почти здоровых или, во всяком случае, не самых больных людей.

Чувство страха также коренится глубже трехчастной структуры и поэтому только поверхностным образом может зависеть от отношений человека со своей совестью. Оборотной стороной страха является агрессия, с которой человек рождается, имея ее в качестве первичного влечения наряду с либидо (так в кляйнианском психоанализе, но Бион считал третьим первичным влечением нечто вроде влечения к знанию и смыслу, что в отдаленной проекции смыкается с теорией логотерапии разочаровавшихся в психоанализе Адлера и Франкла). Согласно Мелании Кляйн, эта первичная агрессия отражает столь же первичный страх смерти, поскольку и сама проявляет стремление к смерти, изначально заложенное в человека.

Раннее развитие младенца, прежде чем достигнуть эдипова комплекса и формирования трехчастной структуры, проходит через две фазы, нормальные для младенца, но глубоко патологичные, если на них застрять, – параноидно-шизоидную и депрессивную. На той и другой страх играет свою вполне позитивную роль, хотя, разумеется, всегда возможны эксцессы. Здесь и находятся корни тех психических заболеваний, которые не лечатся классическим психоанализом. На основе кляйнианского психоанализа терапия тяжелых личностных расстройств, а также исправление патологий групп (так как психология групп имеет много общего с психологией доэдипова младенца) стали возможны.

Тезис о наличии у человека стремления к смерти, введенный в психоанализ Сабиной Шпильрейн (вдохновлявшейся идеями крайне далекого от психоанализа биолога Ильи Мечни-

[20] Сегодня мы бы говорили не только о психологии толпы, но, более специально, о психологии и патопсихологии групп. Основными авторами тут являются Уилфрид Бион (ученик Мелании Кляйн), Серж Московичи (психолог) и Отто Кернберг. См. особ.: W. R. Bion, *Experiences in Groups and Other Papers*, London, 1961; С. Московичи, *Век толп. Исторический трактат по психологии масс.* Пер. с фр. Т. П. Емельяновой, М., 1998 (оригинальное изд. 1981); *Социальная психология.* Под ред. С. Московичи. 7-е изд. Пер. с фр. Т. Смолянской. (Мастера психологии). Спб., 2007 [первое фр. изд. 1984]; О. Кернберг, *Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях.* Пер. с англ. С. Комарова. М., 2015 (оригинальное изд. 1998).

кова) и подхваченный Фрейдом, сегодня отвергается большинством психоаналитиков, кроме кляйнианцев и еще совсем немногих. Среди этих немногих был один из самых авторитетных психоаналитиков Франции Жан Лапланш (1924–2012). Ему принадлежит мысль о не просто взаимосвязанности, как у Фрейда и Кляйн, но тождестве либидо и влечения к смерти – в духе изначальной идеи Шпильрейн, о которой Лапланш не знал:

> …влечение к смерти не имеет собственной энергии. Его энергия – это либидо. Или, лучше сказать, влечение к смерти – это сама душа, образующая принцип циркуляции либидо.[21]

Для Пфистера, как и для большинства современных психоаналитиков (но отнюдь не как для Фрейда), либидо было влечением жизненным и только жизненным. Оно могло вести к перверсиям, но оно не было ни идентично стремлению к смерти, ни даже неразрывно сопряжено со смертью. Идентичность либидо и умирания, как ее понимали Шпильрейн и Лапланш, напоминает совсем другие христианские теории – ту самую монашескую аскетику, которую отвергал Пфистер.

Так, Максим Исповедник (580–662) в *Вопросоответах к Фалассию* разбирает диалектику ἡδονή и ὀδύνη (*идон**и*** и *од**и**ни*) – «наслаждения» и «страдания»: человек после грехопадения стремится к первому, но само это стремление приносит ему второе[22]. Тут «либидо» выступает как сила разрушения человека. Так называемые «радости жизни» суть «радости» гниения заживо. Разрушение начинается как духовное, но завершается как физическое – если только не вырваться из круговорота «наслаждения» и «страдания» через аскетическое бесстрастие.

Кажется, не существует (пока?) такой школы психоанализа, которая сделала бы терапевтические выводы в пользу монашеской аскетики, хотя теоретические основания для создания такой школы уже проработаны (кляйнианцами и Лапланшем). Пфистер был бы в ужасе от самой подобной идеи. Но то, что сделал сам Пфистер, может быть, не очень поможет строгим христианам – и точно не поможет тяжело больным психически людям, – но зато вполне может помочь огромному большинству не столь уж больных людей, которые интересуются христианством, но «без фанатизма», как одной из форм социальной адаптации.

В. М. Лурье

Посвящается
УНИВЕРСИТЕТУ ЖЕНЕВЫ
с глубокой благодарностью за присуждение степени почетного доктора богословия

---

[21] Ж. Лапланш, *Жизнь и смерть в психоанализе.* Пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2011 [оригинальное изд. 1970], сс. 365–366.

[22] См. особенно Предисловие, которое вошло в неполный русский перевод труда: Максим Исповедник, *Вопросоответы к Фалассию*. Пер. А. И. Сидорова. Т. 1. М., 1993.

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, родилась в борьбе с жизненными несчастьями, которые я встретил на своем профессиональном пути. Изначально, всем сердцем преданный богословию и философии в их исконных формах, крайне далеких от «мира сего», я решил строить академическую карьеру; но позже, встав на путь пастырского служения, столкнулся с такой душевной болью и стал свидетелем столь тяжких страданий общества, что бросил прежние изыскания и полностью посвятил себя борьбе с религиозными и нравственными терзаниями[23]. В арсенале богословия я искал оружие для святой войны; искал средства, с помощью которых евангельская идея спасения могла бы восторжествовать в душах тех, кто утратил силы и поддался соблазну – и вернула бы на верный путь заблудившихся, сломленных, больных… Ни историческое, ни систематическое, ни практическое богословие, взятые отдельно, не соответствовали этому столь необходимому требованию. Во все века Церковь должна была озаряться духом христианской любви; ее призвали напоить людей этой любовью и сделать их орудиями любви божественной, – но на деле в ее истории след подобных стараний почти ничтожен, несмотря на примеры многих, кого любовь преобразила, и многих, кто посвятил жизнь деяниям во имя ее. Нескончаемые споры о догматах – жестокие, фанатичные, исполненные ненависти, причем тем более сильной, чем мелочней, незначительней и дальше от понимания любви был их предмет; споры о формах отправления культа, которым придавалась магическая сила; страх, пробивающий до дрожи любого верующего, когда тот понимал, что собственная совесть велит ему отойти от церковного устава – и тем лишить свою душу спасения; свирепая ненависть к еретикам, которые, познавая Библию и веру, волей-неволей отвергали прежние убеждения и приверженность церковной догме, пусть даже такие отклонения и приписывали сатанинским уловкам; вопросы власти, денег и закона, решаемые вопреки Евангелию, – все это, как я выяснил, заботило намного сильнее, чем задача по претворению в жизнь божественной и человеческой любви.

В стремлении доказать, будто они лучше поняли и воплотили религию любви, одни христиане разбивали головы другим христианам, также служившим Иисусу и желавшим быть Его учениками; часто в это вовлекались целые нации. Люди убивали, грабили, свирепствовали беспощаднее хищных зверей, – во имя Того, Кто из любви умер на кресте и смертью засвидетельствовал принесенную Им весть о любви. Конечно, в церковной истории много свидетельств искренней любви и истинного благочестия. И все же, если мерилом станет критерий, оглашенный Иисусом в Евангелии от Иоанна, – тот, согласно которому учеников узнают по взаимной любви, а не по едва уловимым различиям в догматах; если им станет Его главная заповедь о любви человека к Богу, ближнему и самому себе; если им станут слова апостола Павла, поставившего любовь превыше веры и надежды (1 Кор. 13:13), – то история христианской религии скорее похожа на чудовищное недоразумение или на аномальное отклонение от истинного христианства.

Догматическое богословие и его история, с их безжалостной приверженностью иррациональным догматам, не имеющим ничего общего с любовью, казались мне обходным маневром, предпринятым с одной целью: обойти главное в проповеди и требованиях Иисуса. Я видел, как Евангелие и доктрины Церкви повергали людей в ужас, ибо любое сомнение в них грозило сожжением на костре и адским пламенем; я сравнивал это с беспечным презрением, с которым попирали любовь Христа; и я счел это оцеживанием комара и проглатыванием верблюда.

Сперва я обрел утешение в душепопечительстве. Но я начал понимать, что традиционные методы никак не могли повлиять на некоторых из тех, кто нуждался в помощи больше всего.

---

[23] Ср.: O. Pfister, “Die Pädagogik der Gegenwart,” *Selbstdarstellungen*, II, Meiner, Leipzig.

Я заметил это и решил, что проблема кроется в неверном психологическом отношении, – и с головой ушел в изучение психологических руководств, существовавших в начале века, но так и не нашел того, чего искал.

В 1905 году я опубликовал небольшой схематический очерк[24], где выразил боль и возмущение тем, что богословие бессильно ответить на вопросы, выражавшие наше самое страстное желание и наши самые мучительные нужды, – и тем, что оно не сумело донести до нас, как совершаются спасение, возрождение и освящение, ибо занималось не живой верой, а своими побочными теоретическими выкладками в формах догм и религиозной теории. Я решил, что такое отношение было совершенно устаревшим, схоластичным и далеким от истинных жизненных проблем, – а в первую очередь требовалось направить внимание на потребности и психологию каждого человека.

Но в 1908 году, когда мне предложили кафедру практического и систематического богословия – и возможность создать лучший метод для исправления ошибок, на которые я с таким рвением нападал, – я увидел, и как раз в нужный момент, что программу действий проще разработать, нежели воплотить, и что я сам не могу исполнить того, чего требовал от богословия. И более того, я понял, что дальнейшее изучение книг лишь уведет меня еще дальше от цели. И потому я отверг предложение, как отвергал его еще много раз. И все сильнее в моей душе крепло желание сделать то пастырское служение, которому я был ревностно предан, некой основой, позволяющей обрести новое понимание духовной жизни и тех странных превращений, которые претерпела эта жизнь – тех, которые привели к разительному искажению Благой Вести Иисуса. В то же время я искал новые средства, которые позволили бы более действенно, нежели прежние, исцелить недостатки религиозной и нравственной жизни и дать доступ христианской любви даже там, где раньше не получалось. Я счел, что лишь общение с людьми даст мне необходимый материал.

Через несколько недель после того, как я первый раз отказался от должности университетского профессора, я познакомился с психоанализом Зигмунда Фрейда. Я не мог согласиться с философскими взглядами, лежащими в его основе, – изначально материалистическими, а впоследствии тяготевшими к агностицизму, – но почувствовал, сколь притягательны некоторые из его строго научных положений. То, что причиной всех неврозов является конфликт с совестью, вытесненный в сферу бессознательного, и его можно вывести на свет, аккуратно применив метод ассоциаций и интерпретаций; и то, что точно так же можно совладать с губительными неосознанными противоречиями, способными оказать сильнейшее влияние на религиозную и нравственную жизнь, – это казалось мне открытием первостепенной важности. Я тотчас же применил новые знания в практике душепопечительства и, к радости своей, понял, что могу находить факты и оказывать помощь, и с тех пор этот способ ни разу меня не подводил. Изучение страхов и неврозов навязчивых состояний – и их воздействия на религиозную и нравственную жизнь, – раскрыло мне глаза на важнейшие комплексы явлений и управляющие ими законы.

Я начал понимать причины, неизбежно ведущие к крайним проявлениям религиозной эксцентричности, – равно как и к ценным новым результатам. Я увидел, как одни и те же условия и законы эволюции приводят к появлению галлюцинаций – как связанных с религией, так и не имеющих к ней никакого отношения; я по-новому, с психологической точки зрения, взглянул на разные ортодоксальные учения, в том числе и христианские, с их страхом перед непонятными писаниями и с их почти неуловимыми отличиями в обрядах; я оценил значение мистицизма, галлюцинаций, вдохновения, говорения языками и многих других проявлений набожности, истоки которых прежде были скрыты для меня завесой тайны. Я понял, сколь неизбежно невроз влиял на веру набожных христиан, пока те наконец не обретали черты,

[24] O. Pfister, “Das Elend unserer wissenschaftlichen Glaubenslehre,” *Schweizerische theologische Zeitschrift*, XXII (1905), 4.

поразительно свойственные невротикам. Я увидел, что чувство утраты любви, которое возникает и у неверующих, страдающих неврозом навязчивых состояний, у невротиков религиозных должно неизбежно сопровождаться чрезмерным, невероятно сильным акцентом на догме, – и этот акцент ведет к формализованному догматическому фетишизму, а догма полностью обожествляется, после чего христианство часто, а может быть, и почти всегда превращается из религии любви в религию страха и ревностного поклонения догматам, а Бог перестает быть любящим Отцом Небесным и становится суровым догматиком, в глазах которого неверное толкование догмы – преступление и заслуживает кары в виде костров и вечных мучений в аду, в то время как сам Бог не только прощает, но и требует позорнейших преступлений против любви, куда входили убийства ведьм и кровопролитнейшие войны за веру. Особенно это проявлялось в темные века христианских неврозов. Невроз искажает саму веру христианина, при определенных условиях он должен исказить ее неизбежно; и когда то же самое происходит с массами, эффект накрывает целые Церкви – и Протестантскую, и Католическую в равной мере. И наоборот – искаженное, невротическое христианство порождает невроз как у отдельных людей, так и у масс. Говорят, хуже всего, когда испорчены лучшие – и для христианства это особенно верно.

Но и освобождение религии от невротических черт происходит так же, как и исцеление неверующих невротиков – через восстановление любви и возвышение ее до уровня жизненной доминанты. Вся история Израиля повествует о непрестанной череде все возрастающего страха и невротических состояний, которые сильно ослабевали – и были почти устранены Иисусом – благодаря открытию или проявлению любви. При этом часто, а может, и всегда, происходит обращение к пережитому опыту божественной любви. Это согласуется с аналитическим методом, и меня все больше поражали аналогии между религиозным развитием с его преодолением страха – и научно совершенной системой психоанализа. Фрейд великолепно осветил психологию толпы, и в 1921 году это дало моим исследованиям неоценимый импульс.

Аналитическая работа стала для меня исполнением давней мечты. Она была близка к реальной жизни и в то же время связана с практикой, сферу которой я для себя определил в пасторских трудах. В сотнях случаев, с которыми я прежде пытался справиться методами, нацеленными на сознание, – и тщетно, ибо религиозно-нравственный конфликт таился в подсознании и действовал оттуда, – я добился исцеления, которого так долго искал. И при этом я непрестанно сознавал, что, по сути, пользуюсь тем способом исцеления душ, который столь гениально применял Иисус[25].

Так я постепенно осознал принципы религиозных отклонений и душевной терапии – на основании новой глубинной психологии, примененной в религиозной сфере. В этой книге я хотел бы представить результат 36-летней исследовательской работы, посвященной сути и истории христианской любви в ее применении к единственной, однако невероятно важной проблеме – проблеме страха. Несомненно, расцвет любви и ее оптимальное развитие – решающий вопрос для каждого из нас и для наших талантов и счастья в жизни. То же самое верно и для всего человечества. В своей сокровенной сути мы жаждем любви, и без нее не только отдельные люди, но и все человечество утонет в бедах, болезнях, злобе, жестокости; без нее самые примитивные импульсы, которые в высшем смысле усмиряются и сдерживаются любовью, вырвутся и начнут рушить все. Но значение любви в высшем смысле не всегда очевидно. Есть мнение, будто нравственно правильные деяния ясны как день и говорят за себя сами; и оно хорошо подходит для юмористического романа, в котором, собственно, и встречается (“Auch Einer” Фридриха Фишера), – но не для научной дискуссии. Вавилонская богиня любви Иштар, увенчанная утренней звездой и стоящая у пантеры на спине, – вот прекрасная иллюстрация нашей проблемы. Иисус Христос учил этой любви и жил ею. Мы попытаемся подобрать для нее слова,

[25] Ср.: O. Pfister, *Analytische Seelsorge*, 1927, S. 20–25.

но ее лучшим примером – как и лучшим примером самой христианской истины, – станет Он сам. На вопрос Пилата есть только один иррациональный ответ. Он заключен в анаграмме: «Quid est veritas?» – «Что есть истина?» и в ответе «Est vir, qui adest». – «Это человек, которого ты видишь». Это Христос. Те же самые буквы, расставленные в другом порядке, лучше всего отвечают на вопрос о сущности христианской любви: «Это человек, стоящий перед тобой». Ее не заключить в рамки одних лишь логических понятий.

Проблему страха не решить только с помощью медицины. То, как разрешится моральный конфликт, ставший причиной страха, – либо замалчиванием голоса совести, либо через сознательное излечение чувства вины, – и то, как именно это будет происходить, зависит от философских воззрений целителя и его нравственных и религиозных убеждений. То же верно и для путей использования освобожденной психической энергии. Это главные вопросы, и они требуют самого серьезного внимания врача и пациента.

Но и государственные деятели, в чьих руках судьбы народов, и экономисты, и социологи, и криминалисты, и воспитатели, и специалисты по этике, и богословы, – всем им тоже необходимы подробные представления о любви и ее изменчивых формах. Если они не справятся со своей задачей, она превратится в шарлатанство, и они лишь причинят вред, как уже не раз доказали роковые события.

Моя книга, посвященная душевной терапии, также стремится служить на благо общества и нации. И пусть те, кто на основе моих новаторских исследований запустит свою машинерию и возведет новые здания на этом новом, очень важном фундаменте, снисходительно отнесутся к моим попыткам: я действовал с полным осознанием собственного несовершенства – но и с убеждением, что выполняю настоятельный долг. И я верю в то, что мои последователи, будь то студенты или специалисты, испытают такую же радость, какую посчастливилось испытать мне самому.

И, наконец, я бы хотел поблагодарить моих добрых помощников при чтении корректур, особенно преподобного Ганса Пфеннингера из Нефтенбаха (кантон Цюрих) и преподобного Роберта Теннера из Луфингена (кантон Цюрих), доктора философии, за помощь в вычитке книги и составлении указателя; а также господина Х. Берна́ – за помощь в последней задаче. Я в неоплатном долгу перед доктором Паулем Ф. Гейзендорфом, помощником хранителя Государственного архива Женевы: по моей просьбе он кропотливо выискивал протоколы судов над ведьмами в 1545–46 годах и немало других труднодоступных документов, имеющих отношение к Кальвину. Доктора Генриха Менга благодарю за ценные советы, которые я почерпнул отчасти в наших беседах, а отчасти из написанных и изданных им книг, особенно из сборника *Psychohygiene. Wissenschaft und Praxis*.

Оскар Пфистер
Цюрих, Витикон
1 декабря 1944 года

В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир.
Ин. 16:33

Глава 1. Введение: наша задача

Содержание и определения

До сих пор или по крайней мере до недавнего времени и психология, и психиатрия уделяли проблеме страха очень мало внимания. Страх играет огромную роль в жизни как отдельных людей, так и целых народов, и это ясно как день, но официальная психология им почти не занималась, а там, где наука все же решала нарушить гробовое молчание, она удовлетворялась парой-тройкой бессодержательных и неадекватных описаний и кратких обзоров. О происхождении страха; о законах, которые им управляют; о его влиянии на мышление, чувствование и волю – как осознанном, так и после того, как он загнан в подсознание; об изменениях в сфере бессознательного и о переменах в сознательной психической деятельности, к которым те ведут, – об этом психология не говорила ничего, хотя даже скромное знание человеческой натуры показывало, что из-за этих упущений в поле научного понимания не попали обширные и важные области психической и культурной жизни.

В последнее время значение страха определили яснее, с самых разных аспектов. В авангарде оказались учение о неврозах и психиатрия. Обе науки осознали, что те болезни, с которыми они имеют дело, по большей части тесно связаны с проблемой страха, и если его не учесть, те останутся неразрешимой загадкой. Страх исследовали с поразительным рвением, и это привело к результатам в высшей степени примечательным. Психиатрия и психология уже не могли не обращать на них внимания – в ином случае им бы пришлось довольно туго.

Философия тоже научилась видеть важность проблемы в новом свете. Мартин Хайдеггер посвятил страху и его приложению к философской мысли тщательное исследование, о котором мы еще поговорим. Путь, по которому он следовал, в некоей степени определили двое богословов: Лютер, чье отношение к Богу и связанным с Ним представлениям было обусловлено в основном переживанием и укрощением страха; и Кьеркегор, который испытывал переживания подобного рода и дал богословам важные указания, ставшие итогом его глубокого исследования психологии страха.

Странно: ни теология, ни наука о религиозной вере не осмелились пройти по этим указаниям до конца. Хотя в конце XVIII – начале XIX веков провели огромную работу в сфере религиозной психологии, та увязла в неплодотворных банальностях; и после напрасных попыток отвести для религии какую-нибудь конкретную душевную функцию – мышление (Гегель), чувствование (Шлейермахер) или волевой акт (Кант), – сошлись на том, что в ней, как и в любом другом психическом действии, принимают участие все три функции[26]. Проблема страха оставалась без внимания до тех пор, пока в 1917 году Рудольф Отто в его книге «Священное» не доказал восхищенным богословам, сколь огромную роль в жизни различных религий играет *mysterium tremendum* и тем самым – страх[27].

Но и проницательный мыслитель из Марбургского университета не задумался о том, чтобы проследить роль страха дальше, с вышеупомянутых точек зрения – психологической и биологической. Он тоже застрял на общих фразах и классификациях. Его великая заслуга прежде всего в том, что он заставил всех, кто изучал феномен веры, или в беспомощном изумлении замереть перед страшным *mysterium* – страхом как таковым, – и тем самым научно капитулировать, не сделав и первого шага, – или начать психологическое исследование и думать в понятиях причинности.

---

[26] Сравните мою статью: “Die Religionspsychologie am Scheidewege,” *Religiosität und Hysterie*, 1928, S. 111.

[27] R. Otto, *Das Heilige*, 1922.

Основанием для прежних неудач было отсутствие научных методов, призванных точно представить истоки религиозного страха, его влияние и его вытеснение. Чего не хватало на практике, так это средств, способных явить на свет психологический процесс, происходящий в подсознании.

Уильям Джеймс, Теодор Флурнуа, Карл Гиргенсон и многие другие склонялись к тому, что источник религиозных переживаний скрыт именно в бессознательном, которое многие воспринимали с некой долей антипатии. Другим казалось, что и вера, и грех со всеми его смыслами, и вся реальность божественной благодати, да и все, что связано со спасением, попадет под угрозу, а то и будет совершенно отвергнуто, если не станет обретаться, как и прежде, непосредственно из откровений свыше – и без всякого посредничества психологии. Отвращение к самой мысли о том, что религиозный страх имеет под собой психологическую основу, не позволило многим взяться за эту задачу хоть со сколь-либо заметным вниманием. Богословы прятались за неприязнью, которую глубинная психология приобрела в их глазах. А когда исследователи, не имеющие отношения к теологии, представляли итоги своих наблюдений о психологии бессознательного, о психологических процессах переживания веры в жизни людей, о религиозных истинах и о сущности религии в целом, они чаще всего проявляли такое непонимание и забвение неизбежных ограничений психологии и такую вражду против любой веры, что легко понять, почему теологи питали столь великое отвращение к любому психологическому исследованию страха. Да и методами такого исследования приходилось весьма долго овладевать.

Но не думаю, будто есть смысл перенимать ошибки оппонентов, лишь бы избежать необходимой научной дискуссии. Я даже убежден, что богословие лишает себя необходимых познаний о важном инструменте, когда не решается исследовать религиозный страх при помощи тщательного психологического метода. Лично меня долг пастыря и подкованная богословием совесть уже тридцать лет тому назад привели к мысли основательно заняться и проблемой религиозного страха, и многими другими феноменами сознательной набожности. Кроме методов глубинной психологии, я не знаю другого средства, позволяющего освободить некоторых больных от пагубных заблуждений в оценке фундаментальных религиозных фактов из Ветхого и Нового Заветов и из истории Церкви – и спасти тех, кто пал жертвой религиозного страха, от тяжелейших страданий и чувства беспомощности.

Мы попытаемся подступиться к решению проблемы религиозного страха с *психологической* стороны. При этом мы будем отталкиваться от страха, не имеющего отношения к религии: он уже дал психологам важнейшие сведения и не потребует от нас сверхъестественных объяснений, способных свести на нет любое научное исследование. До того, как мы сможем применить психологический метод к религии, нужно тщательно заложить психологический фундамент.

Мы пойдем по стопам Рудольфа Отто, продолжим его путь и изучим роль страха в религиозной жизни и в истории христианской набожности в их историческом развитии; выясним условия и законы его возникновения; рассмотрим то, как страх влияет на сознательную и бессознательную религиозную жизнь; увидим, какие он принимает личины и как трансформируется под влиянием бессознательного; проясним связь страха перед жизнью и страха перед чувством вины; раскроем скрытые тенденции, проявленные в возникновении страха и его последствиях; посмотрим, как религиозный страх влияет на нравственное поведение, а особенно на любовь к Богу и к людям; взглянем на патологические порождения страха; укажем условия, необходимые для освобождения от него и для его полного уничтожения, и обозначим другие психологические задачи, которые попытаемся разрешить в исследовании конкретных проявлений религиозного страха. Разумеется, мы должны приложить все усилия и как психологи, и как историки, чтобы не погибнуть под лавиной фактов и не предъявлять невыполнимых требований к читателям.

В монографии мы не ограничимся только болезненными проявлениями и влияниями страха в христианской религиозной жизни – пусть даже теория страха, примененная нами и кое-где нами же развитая, по большей части, а может, и целиком строится на наблюдениях за больными. Мы не считаем страх абсолютным злом – и допускаем, что он может содержать в себе нечто положительное[28] и стать его началом[29].

И вот на какие вопросы нам нужно ответить. Как именно христианство относилось к страху в ходе своего развития? Как пыталось победить страх перед жизнью и страх вины? Как смогло породить новый страх, а с ним – и последствия, чью связь с источником возможно объяснить лишь в свете теории страха? Могли ли при этом христианская религия и христианская этика сохранить в чистоте намерения своего Основателя – или в христианской набожности произошли пагубные изменения, с этими намерениями несовместимые? Что было суждено религиозному и нравственному благосостоянию христиан? Какие условия позволят сохранить христианскую веру от пагубных искажений, а ее последователей – от вреда? Какое место отвести избавлению от страха в жизненной задаче христиан? Возможно ли для людей, и в частности для христиан, устранить страх совершенно, и нужно ли к этому стремиться любой ценой?

Подводя итог, определим нашу задачу примерно так: «Мы хотим знать, как христианство влияло на страх – и как страх влиял на христианство». Рядом с этим историко-психологическим вопросом встает вопрос из области душевной терапии: «Как защитить христианство и верующих от пагубных пороков, которыми грозит страх?»

Значение нашей задачи огромно. Церковная история показывает, как евангельское учение постоянно неверно трактовалось, и дух этих трактовок противоречил духу Основателя. Иисус проповедовал о Боге как любящем Небесном Отце, а любовь к Богу и ближнему считал главным и единственным требованием и отличительным признаком своих учеников. Но развитие христианской Церкви явило – наряду с замечательными явлениями, которые соответствуют взглядам Иисуса Христа, – постыдную цепь догматических споров и дикого фанатизма, перешедших в варварские войны за веру и гонения на еретиков, а позже – в столетия охоты на ведьм и других искажений Благой Вести Иисуса. История христиан – это не только история христианства, но точно так же – история «не-христианства», а может быть, и «антихристианства». И не надо приписывать эту страшную реальность, от которой сердце любого христианина обливается кровью, наущениям дьявола. От этого те ложные пути развития, которые мы обозначили, не станут понятнее, и никакого способа их исправить нам не представится. Наша задача – при помощи научных методов изучить их возникновение и распознать их причины и правящие ими законы. И для этого нам обязательно нужно рассмотреть взаимоотношения христианства и страха. Только теория страха объяснит нам те изменения, которые под бременем жизненных тягот претерпевает любовь; только она объяснит, почему любовь исчезает, когда возрастает чувствительность к иллюзиям, порожденным страхом и неврозами; и откуда возникают примитивные садистские порывы, которым обычно мешают проявляться культурные традиции; и как формируется толпа с ее непрестанными массовыми неврозами и психозами – и она же укажет еще многие явления, обладающие бесценной важностью для процветания христианства и христиан.

Проблема страха не локализована где-то в душе, ее можно разрешить только при восприятии души и даже всей человеческой культуры как единого целого, и потому наша тема обретает и глубину, и широкий охват.

Еще важнее с самого начала обозначить границы. В раскрытии вопросов, возникающих при решении проблемы страха в его религиозно-психологическом и религиозно-терапевтиче-

---

[28] Я служил пастором сорок два года, и гораздо чаще был душепопечителем здоровых, а не больных, и потому могу предвидеть: мне возразят, сказав, будто я воспринимаю религию с патологической точки зрения или некритично переношу понятия и ассоциации из психопатологии на здоровую набожность.

[29] Van der Leeuw,"Furcht," R. G. G., II, S. 839.

ском аспектах, мы воздержимся от методов теории познания, метафизики, этики и догматического богословия. Конечно, в будущем подобные рамки необходимо снять, но по причине добровольных ограничений мы не имеем возможности обсудить эти моменты. Наше исследование не может выходить за рамки психологии и душевной терапии.

В ином труде мы уже говорили о том, что понимаем под душевной терапией[30]. Это слово несет двойную нагрузку: оно может означать ту терапию, которую религия, как полагают, дает человеку – либо личности, и в этом наша сфера граничит с психиатрией, либо всему обществу, и тогда происходит встреча со сферами социологии и богословия. Еще она может означать поддержание благополучия самой религии – в нашем случае через набожность и братскую любовь, явленную Иисусом Христом. Если следовать первому методу, то расширяется медицинское понятие терапии, связанное с нормальным устроением и распределением человеческих сил. Идеального телесного и психического здоровья, с нашей точки зрения, для формирования совершенно благополучного человека недостаточно. Конечно, этика и религия не могут не обратить внимания на «естественное» здоровье. Но понятие жизни возрастает и возвышается от «естественного» к социальному и духовному, а в своем космическом и абсолютном аспекте может воспарить для христианина на высоту могущественных слов Иисуса Христа, прозвучавших в Евангелии от Иоанна[31]: «Ибо Я живу, и вы будете жить» (Ин. 14:19), и то же самое происходит и с понятием здоровья. Здесь для религиозной терапии открываются огромные возможности.

Наше исследование, основанное на теории страха и наблюдении за людьми, подверженными страху, не позволяет закрыть глаза на то, что сама набожность, которой учил Иисус, в больных искажена, и мы должны назвать эти искажения пагубными, ведь больная душа перетолковывает христианство в соответствии со своей болезнью.

И потому два смысла душевной терапии, антропологический и религиозный, совпадают. Высочайшая душевная терапия и высочайшая религиозность – две стороны одной медали. Тому, как это происходит, и посвящено наше исследование.

Предмет исследования

В первой части мы обратимся к психологическим и биологическим основам темы – к теории страха, и начнем с изучения неврозов, ибо до сих пор лишь в этой области основательно изучен наш предмет и лишь она позволяет нам четко и ясно рассмотреть причины и последствия, управляющие страхом у нормальных людей, в психологическом аспекте. Предвижу, что некоторые, несмотря на мои протесты, попрекнут меня тем, что я считаю страх пагубным, – и даже страх перед грехом. Но тот, кто не осмеливается рискнуть, опасаясь, что его неправильно поймут невнимательные и небрежные, теряет право на участие в дискуссии. И нам не следует воздерживаться от обращений к самой теории сумасшествия, иначе наши психологические и пастырские труды увязнут в роковых ошибках и глупостях. Мы еще увидим: при должной осторожности теория страха в ее неврологическом смысле даст нам много ценных сведений для диагностики и излечения религиозного страха у здоровых людей.

Особенно важно то, что на этом пути мы получим полное знание о страхе как о массовом явлении: нас наставит в этом психология толпы – наука, с которой, как ни странно, до сих пор не знакомы богословы наших дней. Насколько это возможно в наше время, мы должны ознакомиться с сутью и законами массовых неврозов и психозов – и выяснить, в чем они согласуются с личными психозами и неврозами, а в чем расходятся. А для решения практических задач нам

[30] O. Pfister, “Die religionshygienische Aufgabe des Seelsorgers,” *Praxis der seelischen Hygiene*, 1943.

[31] O. Pfister, *Psychoanalyse und Weltanschauung*, S. 77–81.

следует с осторожностью обратиться к теории массовой терапии: к сожалению, она еще только зародилась, хотя Генрих Менг очень многое сделал, стремясь довести ее до совершенства.

Получив необходимые сведения, мы обратимся ко второй, исторической части, где речь пойдет о возникновении и преодолении страха в истории иудейской и христианской религий. Мы кратко обсудим роль борьбы со страхом в примитивных религиях; увидим, как в условиях, означенных в первой части, рождается страх, как в религиях появляются соответствующие галлюцинации и как они начинают формировать важную часть религиозной веры; и поймем, что уже на столь ранней ступени развития склонность к умиротворению страха начинает играть свою роль. Еще мы посмотрим на то, как объект, развеивающий страх, играет свою роль в ритуале; и поищем ответ на вопрос, почему религиозные учения и церемонии так часто, особенно во всех ортодоксальных ветвях веры, приобретают черты страха и насилия. Мы постараемся установить, почему в истории иудаизма и христианства избавление от страха, воплощенное в пророческом творческом деянии, тотчас же сменяется процессом, усиливающим власть страха до тех пор, пока стеснение и насилие не становятся непереносимыми для нового гения и не проводится более или менее решающая проблему реформа – в широких массах или в узких кругах. Так нам станет понятно, по каким причинам история развивается циклически, и почему деяния, склонные уменьшать страх и преображать его в счастье, регулярно сменяются гораздо более долгими периодами порождения страха, и как этот страх становится причиной, из-за которой возникает потребность в пророке или гении, призванном даровать освобождение. Это приведет нас к вопросу о том, почему изначальные намерения основателей и реформаторов религий так часто разрушаются и превращаются в свою противоположность, да еще и так, что все искажения приписывают изначальным намерениям реформаторов.

Мы осветим главные этапы иудейской истории и поговорим о том, как к проблеме страха относились Иисус Христос и апостол Павел, как ее воспринимали в новозаветный период и что в ней видели католики и наконец, протестанты. По необходимости это будет лишь краткий обзор, но он четко покажет нам, подтверждаются ли заявления нерелигиозной теории страха, примененные к сфере религии; или же в последней действуют иные законы, не имеющие отношения ни к биологии, ни к психологии – или же в ней вообще не действуют никакие законы. И в то же время нам откроются факты, необходимые для практического понимания истории спасения.

Ни один разумный читатель не поверит, будто подобное исследование способно нанести вред истинным религиозным ценностям, – и равно так же не поверит, будто реальность и животворящее действие Божественной справедливости, благодати и любви представлены в нем как иллюзии, сведенные к понятию человеческих заблуждений. Такая идея смешивает психологический метод с метафизикой религии и онтологией, и если ее высказывали противники религии, я решительно выступал против них, – а потому могу выступить против этой идеи и тогда, когда ее придерживаются верующие.

Третья часть, посвященная религиозной терапии и избавлению от страха в христианстве, призвана предотвратить патологические искажения благочестия, которому учил Иисус; что же до исторической части, то она, с помощью теории страха, подтвердит нам ужасную психологическую необходимость, из-за которой предпринимались такие искажения намерений Основателя. В ней мы рассмотрим и вопрос о том, как исцелить страдающее человечество. Мы отдаем себе отчет в том, что связь терапевтических и биологических воззрений с религией и этикой многим покажется странной. Однако мы верим: такая научная трактовка и польза от ее применения жизненно важны, и показать это, во-первых, возможно, а во-вторых – необходимо.

Часть первая
Теория страха

Глава 2. Страх: понятие, причины, проявления

Понятие страха

Под страхом мы понимаем чувство, возникающее при появлении опасности. Это определение сложно оспорить, однако при ближайшем рассмотрении оно едва ли окажется полным. Возражения возникают уже потому, что из правила есть исключения: храбрец и в опасности может не испугаться. Конечно, не стоит и спрашивать, жил ли хоть когда-нибудь человек, не ведающий страха. Многие психологи утверждают, что мы даже в эту жизнь входим со страхом, а иные полагают, что с этого страха рождения и начинаются все дальнейшие. Правда, новорожденные ничего не говорят о том, что им довелось испытать, а выводы, полученные впоследствии, убеждают не всех.

В определении слегка неясно понятие «опасности», и в нашем случае оно становится особенно щекотливым. Что такое «опасность»? Если я восхожу на ледник и вдруг понимаю, что на меня валится глыба размером с печку, или если на улице заносит машину и та мчит прямо на меня; или когда на меня, безоружного, на пустыре нападает грабитель с пистолетом и орет: «Кошелек или жизнь!» – то, наверное, я испугаюсь или, как еще говорят, устрашусь. Но так бывает не всегда. В моей статье о мышлении и фантазиях в наивысшей опасности[32] речь идет о людях, которые от страха перестали воспринимать реальность и ушли с головой в радостные фантазии: так психика защищает себя от внешних стимулов. Там, где не возникает ни дереализации по отношению к миру, ни деперсонализации по отношению к собственной личности («Это не со мной!»), или там, где они прекращаются, в то же мгновение приходит страх.

Точное разграничение терминов «страх» или «боязнь» возможно только в том случае, если чувство вызвано опасностью, присутствующей во внешнем мире. Более точно его душевное содержание определить нельзя. Можно лишь указать на отдельные признаки, которые, однако, никоим образом не описывают это душевное переживание целиком. Немецкое слово «Angst», обозначающее страх, происходит от латинского «angustiae» – «ограниченность», «теснина», – и указывает на определенные телесные проявления страха: в частности, на то, что становится трудно дышать. Используется здесь и немецкое «Beklemmung» – «стеснение в груди». При некоторых состояниях, рожденных страхом, той же стенокардии, *angina pectoris*, страдания возрастают многократно. Часто проявляются и другие телесные симптомы: задержка дыхания, ступор, мышечная дрожь, мурашки, спонтанное опорожнение кишечника или мочевого пузыря, бледность…[33] При таких соматических явлениях более важную роль играют ощущения – только они принадлежат к чувству страха как таковому. Особенно это связано со склонностью кидаться в бой или бежать, проявленной наравне с ними. Страх, особенно в интенсивных формах, радости не доставляет. В конце концов, он ведь относится к самым «ужасным» и «страшным» вещам, какие только могут случиться с человеком. Обратим внимание: оба описа-

[32] O. Pfister, “Schockdenken und Schockphantasien bei höchster Lebensgefahr,” *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse*, XVII (1931).

[33] K. Landauer, “Die Gemütsbewegungen oder Affekte,” *Psychoanalytische Volksbuch*, S. 150.

ния взяты из переживаний страха и испуга. Но можно доказать, что в страхе часто присутствует удовольствие. Многие любят опасность, и даже дети чувствуют «сладкую дрожь» – например, проходя мимо дома, где «живет ведьма». Боясь экзаменов, многие стимулируют себя сексуально – как с выделением секреции, так и без нее. Этот страх, доставляющий удовольствие, лишь отчасти можно представить формой мазохизма: вносить свою лепту могут чувство стыда, любопытство, агрессивность и другие склонности.

Наряду с «эмпирическим страхом», который основан на реальной опасности и который следует отличать от «безотчетного страха», есть чувство с такими же характеристиками, но не связанное с внешней опасностью – или же связанное с неким неприятным событием, но столь незначительным, что степень вызванного страха не идет с ним ни в какое сравнение. Такое случается, когда некто, к примеру, все время ждет страшной катастрофы и не способен привести ни одной разумной причины, по которым та может произойти; когда молодая девушка, испуганная до колик, с визгом вскакивает на стол при виде мыши; когда мужчину с детства до преклонных лет пугает число 13 и он вынужден терзаться этим страхом до тех пор, пока не увидит церковной колокольни[34]. Эти переживания, пусть даже их содержание и телесные проявления не отличаются от тех, которые сопровождают реальный страх, имеют под собой совершенно иные причины. Когда говорят о страхе в научном понимании, чаще всего речь идет о проявлениях именно второго чувства, которое субъективно ничем не отличается от «эмпирического страха». Зигмунд Фрейд не отделяет четко эмпирический страх от безотчетного, хотя и признает: «Безотчетный страх обозначает психическое состояние в отрыве от объекта, которым вызван; в то время как “страх эмпирический”, или боязнь, направлен именно на объект»[35]. Однако, с другой стороны, страх, вызванный внешней причиной, Фрейд называет невротическим – и четко отличает его от «безотчетного страха». Оскар Либек в своей книге «Неизвестное и страх»[36] проводит иные границы. С его точки зрения, в страхе всегда присутствует элемент неизвестности (с. 67), а бояться можно только того, что имеет очертания (с. 69), и боязнь кошек или пауков можно с полным правом назвать «боязнью», а страх негра перед неведомой ему молотилкой – «страхом». По его мнению, страх и боязнь могут возникнуть лишь тогда, когда объект, вызывающий их, находится в опасной близости (с. 71). Методы Либека по большей части описательны, и ему это, наверное, выгодно, а поскольку значение слов четко не определено, никто не может запретить ему употреблять их именно так. Но если уделять внимание не только поверхностному впечатлению, а истокам, внутренней сути, воздействию на психические процессы, законам развития и исцелению вредных и пагубных форм, то такая терминология ничего не дает[37].

Вильгельм Штекель также полагает, что боязнь всегда направлена на определенный объект, а страх люди испытывают перед чем-то неизвестным и незнакомым. Для него страх – «невротический брат боязни»[38]. Однако представленные им страхи, каждый из которых вызван определенным объектом, противоречат его же разграничению.

В дальнейшем мы будем говорить о боязни в том случае, когда опасность угрожает извне, а о страхе – когда то же самое чувство проявляется без внешней угрозы. Такое разделение зависит от объективного познания и порой, прежде всего в сфере религиозного страха, сталкивается со сложностями, но мы не станем придавать этому большого значения. Невротик поверит в реальную внешнюю опасность там, где здоровый и смелый ее даже не заметит.

---

[34] O. Pfister, *Die psychoanalytische Methode*, 1913, S. 70.

[35] Freud, *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*. Gesammelte Schriften (далее GS), VII, 1924, S. 410.

[36] O. Liebeck, *Das Unbekannte und die Angst*. Verlag Felix Meiner, Leipzig, 1928, S. 67.

[37] Книга Либека содержит немало ценного, однако то, что он говорит о теории страха Фрейда, всегда пугающе поверхностно. Он совершенно игнорирует и реальный страх, и страх, рожденный чувством вины (см. следующий раздел).

[38] W. Stekel, *Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung*, 1908, S. 2.

Теперь укажем на третье проявление этого душевного феномена: слияние боязни и страха (смешанный страх). Ничтожный повод для боязни превращается в источник терзающего страха – и этот страх усиливает изначальную боязнь. Легкая боль в животе пробуждает в ипохондрике мучительный страх, что это рак; альпинист на вершине паникует, что упадет и разобьется насмерть, хотя спуск для него совершенно не опасен; молодая девушка, которая до этого спокойно возвращалась ночью домой по оживленной улице, вдруг начинает жутко бояться, что мужчина, идущий навстречу, на нее нападет, – хотя тот выглядит не более опасным, чем сотня других, мимо которых она при тех же внешних обстоятельствах спокойно проходила прежде. Такое соединение страха и боязни мы назовем смешанным страхом.

Очень важно сказать о том, что невротики, склонные трястись от ужаса из-за абсурдно незначительной внешней причины, в момент реальной опасности извне могут сохранять невероятное мужество и хладнокровие[39]. Фельдмаршал фон Робертс, победитель буров, боялся кошек[40]. Такие факты должны бы послужить во исправление нынешней путаницы между страхом и боязнью и указать на их различные истоки.

Тесная связь между страхом и любовью заставляет нас четко определить, как мы понимаем последнюю. Здесь прекрасно подойдет эпиграмма Ибсена: «Ни одно слово не было так наполнено ложью и лукавством, как сегодня это происходит со словом “любовь”».

В книге «Любовь ребенка и патологии ее развития» я обозначил любовь как «чувство влечения и сильной привязанности, исходящее из потребности в удовольствии и направленное на объект, способный его дать»[41]. Вместо слова «привязанность» я бы сегодня сказал «предпочтение». Тем самым в каждой любви можно выделить: (1) субъект, (2) объект, (3) зависимость между ними, которой свойственны чувство и воля и за которую ответственен субъект, хотя эту ответственность часто приписывают объекту. Любви без объекта не существует.

Любовь может полностью или по большей части принадлежать чувственной сфере. Дети любят сладкие фрукты и испытывают желание их попробовать, и, когда они представляют их образ, приходит и воспоминание о полученном удовольствии. Эстетическое восприятие также связано с чувствами – приятнее есть красивый торт, а не раздавленный.

На высшем уровне любовь вызвана эстетическими, этическими, религиозными или интеллектуальными ценностями – как реальными, так и мнимыми. Ее можно направлять на себя и на объект. В первом случае объектом любви становится то, что призвано повысить удовольствие, престиж, свойства, власть, защищенность вас самих; в последнем – интересы возлюбленного выходят на первый план, любовь требует «все для другого, ничего для себя», она хочет любить, помогать, содействовать, благодетельствовать, исцелять, прощать, в сильнейшем проявлении любви влюбленный хочет отдать себя вплоть до смерти. Любовь всегда содержит волю. Любовь к самому себе – нарциссизм.

Сублимированная любовь вычеркивает все чувственное из объекта, хотя из самого переживания любви этого не вычеркнуть, ибо оно сопровождается ощущениями – в сосудах, мышцах, внутренних органах… Нравственная любовь допускает влечения как факторы, определяющие ее направление. Тем не менее, влечения подчинены этическим и религиозным нормам, которые в протестантизме не считаются ни хорошими, ни плохими, а оцениваются исходя из их подчинения или неподчинения этим нормам.

А о христианской любви мы узнаем в историческом исследовании.

---

[39] Ср.: O. Pfister, “Die verschiedenartige Psychogenität der Kriegsneurosen,” *Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse*, V (1919), S. 289.

[40] Edward Glover, “The psychology of fear and courage,” Allen Lane Penguin books, New York, 1941, p. 21.

[41] Pfister, *Die Liebe des Kindes und ihre Fehlentwicklungen*, 1922, Bern, S. 44.

Причины страха

Первое послание Иоанна

Однако откуда происходит этот «безотчетный страх», незаконно присвоивший себе все признаки чувства, вызванного совершенно другими причинами? Как ни странно, ответ на этот вопрос можно найти в Новом Завете, который и здесь проникает в душу глубже, чем вся материалистическая медицина. В 1 Ин. 4:18, есть поразительные слова, звучащие, словно фраза из неврологии: «В любви (ἀγάπη) нет страха (φόβος), но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви». Здесь речь, разумеется, идет о боязни. В Новом Завете нет четкого разделения религиозной боязни и страха (θλίψις), и если в научной терминологии оба слова взаимозаменяемы, как можно ожидать от Нового Завета их точного разграничения? Согласно 1 Ин. 4:18, страх возникает из помех на пути любви, и чаще всего речь идет о ее подавлении.

Сёрен Кьеркегор

Первым, кто затронул проблему страха с точки зрения психологии, стал датчанин Сёрен Кьеркегор. Его «Понятие страха», изданное в 1844 году – скорее не психологическое исследование, а богословско-метафизические соображения на тему страха. Однако в нем много проницательных наблюдений, и они не теряют своей ценности, даже несмотря на обилие ошибочных утверждений, порожденных обобщениями, причиной которых стал тяжелый невротический страх самого Кьеркегора. Нелегко передать идею, лежащую в основе его теории – в высшей степени сложной и выраженной в неясных академических терминах. Для Кьеркегора страх – это «симпатическая антипатия и антипатическая симпатия», направленная на неопределенную причину, вызванная Ничем. Это Ничто подступает к человеку, как будто является Чем-то. В страхе человеческий дух боится сам себя; это и есть предпосылка первородного греха, который пришел в мир через грехопадение Адама. Грехопадение привело к тому, что «грех пришел в мир, и была положена сексуальность». Страх также описывается как «скованная свобода». «Страх обозначает нечто двойственное: страх, в котором индивид… полагает грех, и страх, который вошел в мир вместе с грехом и продолжает входить…» Кьеркегор точно знает, что «отношение чувственности соответствует отношению страха», однако он не может выразить эту связь в точных психологических терминах. Кьеркегор затрагивает также и страх, который возникает вследствие греха, но при отсутствии чувства вины, при этом ему неведома идея вытесненной вины. Страх перед добром он определяет как демонический. Но это и «несвобода, которая хотела бы отгородиться от всего»[42].

Из этих отчасти неясных предложений следует выделить отдельные моменты: страх как «симпатическая антипатия и антипатическая симпатия» указывает на внутренний конфликт в любви, в соответствии со словами Первого послания Иоанна о «несовершенстве в любви». На антагонистические тенденции указывает также и «скованная свобода». Взятые вместе, эти определения приводят к идее подавления любви. Если Ничто вызывает страх, то это ощущение может позволить нам путем рассуждений прийти к чувству одиночества, другими словами, к пустоте или неудовлетворенной жажде любви. Важна также связь страха с грехом и виной. Страх вызывает зло, а зло ведет к новому страху: с этим наука согласна. Стоит отметить: Кьеркегор не сумел ближе изучить прямое отношение чувственности и страха. Он смутно ощутил

[42] Цитаты приведены по изданию: Кьеркегор С. Понятие страха. / Пер. и комм. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. – Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 115–248.

взаимосвязь, которую ныне проявляет глубинная психология. То, что страх может возникать как замена чувства вины – одно из самых проницательных наблюдений смелого датчанина, которого страдания, вызванные его собственным страхом, побудили к тому, чтобы сойти в глубины собственной душевной жизни, однако его же собственные ограничения помешали ему сравнить личные переживания со страхами других людей. Очень тонко подмечен и часто узнаваемый в страхе фактор удовольствия – один из тех, что и определяют страх. Кьеркегор говорит, что человек боится и избегает страха, но одновременно его любит и тонет в нем; страх завораживает, как взор змеи[43]. Тот, кто имел дело с невротиками, знает, насколько это мазохистское желание удовольствия осложняет исцеление и превращает потребность в страхе в добродетель, – хотя это и не значит, что восхваление страха неизбежно должно быть ошибко й.

Кьеркегоровская психология страха сама требует психологического разъяснения. Это творение автора, сказавшего о себе: «Я не человек. Я меланхолия на грани душевного расстройства»[44]; эта психология порождена страдальцем, развившим столь острую наблюдательность из-за тяжелого невротического страха. Отец украл у него детство, и он никогда не испытывал детских радостей; его силой вовлекли в христианство через благонамеренное насилие, и даже помолвка не смогла избавить его от меланхолии. Бог для него стал постулатом, измышленным в стремлении к самозащите, и в роковой момент жизни Кьеркегор ожидал, что Христос дарует ему победу над унынием. У него были догадки о происхождении страха и о пути его преодоления, но он не смог их ясно воспринять. И все же он, наверное, всегда будет ценен для тех, кому приходится бороться со страхом. Пути к спасению он указать не смог. Он и сам его не обнаружил.

Мартин Хайдеггер

Идя по стопам Кьеркегора, Хайдеггер также рассматривает страх не в психологическом аспекте, а в метафизическом и религиозном. Итоги очевидны для него самого, но неприемлемы для беспристрастных психологов, в чьих собственных переживаниях, сколь бы дотошно те ни изучались, не встретить страха, подобного тому, который испытывал Кьеркегор. Как и датский мыслитель, Хайдеггер различает страх и боязнь: последняя у него всегда направлена на опасный объект, а страх индивид испытывает тогда, когда чувствует, что ему угрожает некая внутренняя сущность[45]. «Причина страха просто в том, что человек пребывает внутри мира»[46]. Бытие вплоть до смерти, в сущности, является страхом. Единственная высшая ценность страха – в том, что он призывает нас обратно из бесформенного слияния со вселенной, то есть с неведомым, дает совести распознать чувство вины и указывает на трансцендентную реальность, которая является неотъемлемой частью бытия. Бури делает вывод: «Идеи Кьеркегора и Хайдеггера о страхе позволяют нам показать, как религиозное представление о сверхъестественном и непостижимом обретает нормативное качество. Такое представление оказывает отрицательное действие – из-за ясного разграничения, проведенного между ним самим и любой попыткой представить его безвредным, независимо от религиозного или нерелигиозного характера этой попытки; но у него есть и положительная функция, поскольку оно предоставляет ключ к характеру страха, который является частью настоящей религии, и спасения, заключенного в ней»[47].

То, что мы сказали о философско-религиозном отношении к страху у Кьеркегора, большей частью можно сказать и про Хайдеггера. Бытие в мире как таковое создает страх лишь у

---

[43] F. Buri, “Angst und Religion,” *Schweizerische theologische Rundschau*, IX (1939), S. 13.

[44] H. Hoeffding, *Soeren Kierkegaard als Philosoph*, 1902, S. 34.

[45] Buri, loc. cit., S. 13.

[46] Heidegger, *Sein und Zeit*, 1941, S. 186; ср.: S. 141.

[47] Buri, loc. cit., S. 14.

тех, кто склонен к страху из-за различных «блокировок»: их мы еще обсудим. И неверно считать, будто эта предрасположенность к страху должна непременно возникнуть из-за пребывания в мире как такового. Со смертью могут примириться многие, не только дети и старики. Люди могут даже приветствовать ее как друга, а порой готовы умереть за великое дело. С другой стороны, Хайдеггер заявляет, что причинами страха являются и нехватка любви, и чувство вины – которое, как мы видели, выражает собой нарушение любви к нормативной силе (Богу) (ср.: 1 Ин. 4:18).

Зигмунд Фрейд

Наиболее обстоятельно и успешно психологической проблемой страха занимался Зигмунд Фрейд. В своем самом раннем исследовании «О причинах отделения от неврастении определенного комплекса симптомов под названием “Невроз страха”»[48] (1895) он выводит патологические проявления страха, которые называет «актуально-невротическими», из подавленной сексуальности (в то время понимаемой в широком смысле), другими словами, из несовершенства, а точнее – из подавления любовной жизни, понимаемой как спонтанная активность. В «Общей теории неврозов»[49] (1917) Фрейд объясняет страх как реакцию «Я» на внутреннюю опасность, вызванную угрозой подавления. Наконец, в 1925 году он охарактеризовал страх как боязнь, а именно – как наказание инфантильных эдиповых желаний, которые толкуются не только как запретные желания любви, но и как ненависть (склонность к агрессии, садизм, стремление к разрушению), и в конечном итоге – как вину, вызывающую в сознании понимание грозящей кары[50]. Наряду с этим страхом, рожденным чувством вины и воспринимаемым как боязнь сурового наказания, Фрейд по-прежнему признает и реальный страх, а прежде всего тот, который на «Я» налагает «Сверх-Я». В данном контексте «Сверх-Я» примерно соответствует совести. Это совершенно нормальная форма страха; впрочем, она пагубно возрастает у невротиков.

Истоки страха у Фрейда совпадают с «научным тезисом» из Первого послания Иоанна. Однако диаметральная разница в том, что автор послания говорит о любви в духовном смысле, а Фрейд – в ее элементарном, сексуальном значении (либидо). Но является ли пропасть непреодолимой? Мы не хотим ее сужать, но стоит задуматься над следующим: бесспорно, что даже высшие духовные переживания не проходят в душевной жизни без телесных ощущений, хотя те не обязательно должны быть сексуальными. Некоторые психологи, те же Уильям Джеймс и Карл Ланге, даже зашли так далеко, что ошибочно считали, будто чувства – лишь итог иннервации мышц и сосудов[51]. Я сам не раз наблюдал, как при внезапном и очень активном подавлении сексуальности угасали мыслительные способности и высшие интеллектуальные функции[52]. С другой стороны, Фрейд, изучая половое влечение, со временем расширил понятие сексуальности, впустив в него платоновскую идею Эроса и немецкое слово «Liebe» – любовь[53]. Эта терминология привела к нескончаемой путанице. Но Фрейд не раз подчеркивал: под «сексуальностью» он понимает все, что включает в себя слово «любовь» – и если помнить об этом, то возражение, будто его теория пансексуальна, утрачивает силу. Эту точку зрения поддерживают и другие доводы.

---

[48] Freud, GS., I, S. 306–333.

[49] Freud, *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, GS., VII, S. 420.

[50] Freud, “Hemmung, Symptom, Angst,” GS., XI, S. 21–115. Фрейд написал мне, сообщая о книге 3 января 1926 года: «Было бы дерзостью верить, что мне на этот раз удалось окончательно решить проблему связи между страхом и неврозом».

[51] H. Ebbinghaus, *Grundzüge der Psychologie*, E. Dürr, 1911, I, S. 593.; ср.: Witasek, *Grundlagen der Psychologie*, S. 335, 347.

[52] O. Pfister, “Die primären Gefühle als Bedinungen der höchsten Geistesfunktionen.” *Imago*, VIII (1922), S. 46.

[53] O. Pfister, *Die psychoanalytische Methode*, S. 63; *Die Liebe des Kindes und ihre Fehlentwicklungen*, 1922, S. 12–15; “Plato: A Fore-Runner of Psycho-Analysis,” *The International Journal of Psycho-Analysis*, III (1922), S. 169–174. Freud, *Über “wilde” Psychoanalyse*, GS., VI, S. 39 et al.

И я не знаю ни одного психолога, способного возразить Иоанну, выводящему страх из любви. Только в Библии страх воспринят более духовно и потому не столь широко, как в современной психологии.

Альфред Адлер

Адлер утверждает: «Страх – это обоснованное или необоснованное ожидание опасности или иллюзорное представление о том, что близится угроза… Реальная опасность для жизни вызовет чувство страха почти у всех, но патологический страх поражения указывает на эгоцентричность, на высокомерие и депрессию, на чувство собственного превосходства. Следовательно, чаще всего он встречается у избалованных детей и у людей с физическими недостатками»[54]. «Патологический страх, который я встречаю у пациентов, – это всегда страх утратить превосходство или чувство личности… Возможно, он всегда связан с чрезмерным стремлением испытывать чувство собственной важности, с недостатком способности к сотрудничеству, которое выражается в желании брать, а не давать». То есть вина, согласно Адлеру, не играет никакой роли, – а внимательное исследование показывает, что это не так. И более того, множество невротиков, совершенно не избалованных, страдают от недостатка внимания; очень много и тех, чьи уверения в собственном превосходстве не основаны ни на физических недостатках, ни на страхах. Тем не менее Адлер признает, хотя и в недостаточной степени и после долгого давления со стороны других психологов, что нехватка любви может порождать страх[55].

Взгляд автора

Нарушения в сфере любовного влечения в целом и особенно чувство вины как их особая форма – две главных причины страха. Особое внимание нужно обратить на то, что это обозначает нарушения в инстинктивной (первичной), нравственной или религиозной любви, а также подавление любви к самому себе, к ближним или к Богу. В зависимости от индивидуальной потребности в любви и любовных претензий, а также от внешних обстоятельств, на первом плане будет то или другое нарушение. Между ними есть и некая внутренняя связь.

Страх не возник бы из чувства вины, не будь заранее «блоков» или травм, нанесенных любви. Так может пострадать любовь к Богу (или позитивное отношение личности к морали в мире в целом), любовь к ближнему или любовь к себе. Травма может случиться на уровне влечений, затронуть отношение пациента к себе, его способность к радости и самоуважению, его альтруистические чувства и стремления, повлиять на эстетические предпочтения, религиозную любовь или другие проявления любви. Блок может проявиться в одной, или нескольких, или во всех областях. Также нужно отметить, что недостаток любви в одной области может спровоцировать ее избыток в другой.

«Блоки» в любви могут возникать по самым разным причинам. Когда любовь ребенка отвергают и в целом к нему проявляют слишком мало нежности, заботы и понимания, любовь устраняется, что может привести к тяжелым последствиям. Любовь, направленная вовне, больше не рискует приблизиться к желанному объекту, и за этим следует длительное подавление любви с глубокой интроверсией (отчужденность, центростремительное развитие характера) с ее бесчисленными формами и превращениями любви в ненависть, что, в свою очередь, влечет за собой самые разные последствия, о которых мы поговорим в дальнейшем.

Страх может быть вызван как недостатком любви, так и ее избытком. Он может появиться и у тех, кем пренебрегали, и у избалованных – у последних потому, что их претензии к получению любви повышаются до тех пор, пока не станут невыполнимыми.

---

[54] Ernst Jahn, Alfred Adler, *Religion und Individualpsychologie*, S. 86.

[55] O. Pfister, “Religionshygiene,” *Praxis der seelischen Hygiene*, ed. H. Meng, Basel, 1943, S. 131.

Нельзя не обратить внимание и на подавление любви к самому себе. Суровое или презрительное отношение вызывает чувство собственной неполноценности, которое, достигнув высокого уровня, легко превращается в страх. Еще неимоверно важно чрезмерное ограничение влечения к свободе. Уже одно ущемление телесного стремления к движению, но в еще большей степени – духовное порабощение, вызывает у людей с сильным стремлением к свободе «блокировку» влечений и в конечном итоге – предрасположенность к страху. Это можно также в широком смысле применить к инстинкту самосохранения. Нехватка и страдания очень часто способствуют развитию страха. Нужно только постоянно помнить об одном условии: сильное подавление любви и влечения к жизни только тогда ведет к страху, когда у пациента нет полноценной замены возлюбленному, который его отверг.

О возникновении смешанного страха нужно сказать, что для его появления нужна предрасположенность к страху, а следовательно, сдерживание любви. Если такая предрасположенность налицо, то, вероятно, даже пустяк способен обрушить лавину страха. И при этом повод будет настолько «спаян» с боязнью, что последняя может показаться истинной причиной возникшего чувства. Чем сильнее предрасположенность к страху, тем незначительнее может быть вызвавшая его опасность. То, что безобидная комнатная собачка обнюхает женщину, предрасположенную к страху (порой можно сказать: готовую испугаться), достаточно для возникновения ужасного испуга.

Например, девушка, поведение которой я анализировал, одно время испытывала страх во время поездок на трамвае, да и другие страхи очень осложняли ее работу. Чувство стало особенно сильным, когда однажды она увидела, как по рельсам, вдалеке, едет огромная телега с сеном. Опасности не было: водитель видел препятствие издалека и мог послать предупредительные сигналы или остановиться. Откуда же страх? Оказалось, жених кое на что ей намекал, да она и сама хотела – но против была ее совесть. Мать настойчиво ей внушала: «Остерегайся даже будущего мужа. Если ты зайдешь слишком далеко, он к тебе охладеет, будешь как вагон, сошедший с рельсов!» Причина страха ясна, ее обнаружение быстро помогло преодолеть болезнь. «Блокировка» любви возникла из-за конфликта между совестью и влечениями, то есть страх указывает на опасность вины. Но если мы достаточно хорошо знакомы с подобными состояниями, то увидим, почему именно трамвай стал причиной фобии: он символизирует саму девушку. Если бы та подчинилась давлению жениха и собственным склонностям, то стала бы похожа на сошедший с рельс трамвай. Телега с сеном, угрожавшая сбить трамвай с рельс, соответствует жениху. Важно то, что в момент страха она не помнила материнской угрозы и вспомнила гораздо больше только после интенсивного осознанного восприятия трамвая. Видно, как в страхе, в соответствии с наблюдениями Кьеркегора, содержится сильное желание и в то же время стремление спастись. А еще в нем таится скрытый от сознания смысл, а именно предостережение, а следовательно – моральная функция, которая, как и собственно причина страха, лежит в сфере бессознательного. Мы поговорим об этом чуть позже. Но уже сейчас нужно указать на то, что не только моральный или религиозный, но и совершенно обычный страх призван служить для предостережения, наказания и исправления – и, образно говоря, играет роль внутреннего судьи. К сожалению, чаще всего он выполняет свою задачу из рук вон плохо. – В нашем случае страх и боязнь взаимосвязаны: страх разделить судьбу сошедшего с рельс вагона и препятствие в любви.

Переживание боязни и представление о ней содействуют возрастанию страха и часто служат для ускорения предрасположенности к нему. Истории о привидениях, которые не вредят детям, не страдающим от нехватки любви или влечения к жизни, или же, самое большее, могут «пощекотать нервы», у других детей, закомплексованных, могут вызвать сильный невротический страх, *pavor nocturnus* – ночные кошмары, бессонницу, отсутствие аппетита… В периоды войн, голода и социальных катаклизмов сила идей, традиционно вызывающих страх,

повсеместно возрастает, если только моральная, и особенно сексуальная разрядка, не послужит выходом блокированных влечений.

Согласно Рудольфу Бруну, существует невроз испуга, который нельзя путать с неврозом страха[56].

Не пытаясь решить вопрос органических нарушений, приведу пример, в котором мы увидим испуг и разочарование в любви. Семилетний мальчик с двух лет страдал очень тяжелой астмой, которая началась после того, как он доверчиво захотел погладить собачку, а та его в ответ облаяла и покусала. С тех пор он боялся почти всех животных. При этом он отважно забирался на деревья. Приступ астмы всегда возникал по ночам после встреч с собаками и продолжался несколько дней. Приступы случались и тогда, когда мальчика пугал брат. Травматическая сцена была забыта, и удалось с трудом довести ее до сознания, после чего малыш признал, что та собачка не представляла собой опасности. Только когда, после большого количества приступов астмы, мы вспомнили первое, ставшее их причиной, переживание страха, и осознали его безобидность, приступы исчезли навсегда.

Там, где царят боязнь, угнетение и тревога, даже слабая склонность к страху становится причиной его тяжелейших проявлений, и не только у отдельных людей, но и у целых групп.

Если есть эта склонность, то страх могут вызвать идеи, картинки, рассказы и сказки, рассчитанные на то, чтобы испугать.

Причины страха невероятно разнообразны. Несколько «тревожных неврозов» в самом широком смысле этого слова могут явить целый букет причин. Неврозы страха во фрейдистском смысле[57] рождены блокировкой сексуальности (в вульгарном понимании); в истерических страхах и фобиях, решающее значение имеют любовь и особенно так называемые угрызения совести; и есть еще неврозы испуга. Сюда нужно добавить и неврозы навязчивых состояний, где сами навязчивости уже содержат патологический страх – и потому мы называем их «тревожными неврозами навязчивых состояний». Более того, есть и душевные болезни, среди симптомов которых присутствует страх, а также органически порожденные страхи: например – астма, возникшая в результате сердечных или легочных нарушений. Многие органические причины страха сами являются результатом душевных влияний. Так, кровь, которую берут у испуганных животных и вливают не испуганным животным, вызывает у последних симптомы страха. Однако в подавляющем большинстве проявлений страха исследование мотивов проявляет на подавления любви, и подавление любви к себе играет очень значительную роль.

Когда бы ни возникал страх, важную роль играет характер человека, и это ясно видно в патологических случаях. При сильном характере мощные подавления любви могут переживаться без страха. У более слабых относительно небольшие помехи могут вызывать жуткий страх.

Проявления страха

Мы определили сущность и причины страха, и теперь можем обратиться к его проявлениям. Но есть проблема: их великое множество, и все время появляются новые. Поэтому мы должны будем ограничиться несколькими особо важными для нас комментариями.

Рудольф Брун признает: есть все основания утверждать, что страх – основной симптом каждого невроза[58]. Но не психоза, в случае которого страх может подавляться до возникнове-

[56] R. Brun, *Allgemeine Neurosenlehre*, 1942, S. 112.

[57] Freud, *Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomkomplex als "Angstneurose" abzutrennen*, GS., I, S. 306–333, 343–362.

[58] R. Brun, *Allgemeine Neurosenlehre*, 1942, S. 100.

ния психотических симптомов. Карен Хорни называет страх, кроме того, еще и главным двигателем невроза[59].

Люди могут бояться чего угодно. Есть некий безотчетный страх. Если настоять на том, чтобы пациенты признались в том, чего боятся, они, возможно, скажут, что боятся «всего», «будущего», или, опять же, «жизни». Чаще встречаются фобии – постоянные страхи, которые повторяются снова и снова при определенных условиях и имеют отношение к определенным объектам, тем же змеям, жукам, паукам… Мы знаем, что эти териофобии относятся к животным, исторически или символически связанным с реальным объектом боязни. Другие без видимых причин боятся отдельных людей или групп людей, третьи чрезмерно пугаются грозы, четвертые – огня (пирофобия); пятые – боятся закрытых комнат (клаустрофобия) и на лекции могут сидеть только на конце скамьи; шестые безосновательно мучаются беспокойством за свое мнимо находящееся в опасности здоровье (ипохондрия) или по поводу якобы грозящей им опасности. Легкий экзамен сопровождается жуткой тревогой. Некоторые боятся преследований злых врагов, которых в реальности не существует (параноидальное поведение).

Приступы страха могут и не иметь связи с объектом, как при фобиях. Порой они, сохраняя свой безотчетный характер, случаются в определенное время, в определенном месте или в ситуации. Один из моих пациентов испытывал такие атаки три раза в день и всегда в то время, в которое строгий отец обычно корил его и наказывал[60]. Сын боялся потому, что, с одной стороны, желал преступить закон, а с другой – желал быть наказанным. Многие страдают от непереносимого страха, если им необходимо перейти через открытое пространство (агорафобия).

Пример: одна из моих подопечных страдала от этого недуга только на вокзальной площади. Ей казалось, что множество рук хватают ее снизу. Анализ показал, что она страдала от желания любовных утех, которое немедленно подавлялось. На вокзальной площади всегда царила сутолока, там толклись и сомнительные личности, и никто бы не заметил, если бы она решилась на запретное эротическое приключение – именно это пришло ей на ум. Образ хватающих рук – как и в стереотипном сне умирающей от страха девочки[61], – восходит к соблазну, с одной стороны, инстинктивно желанному, а с другой – отвергаемому совестью с еще большей силой. Моральный конфликт не разрешить с помощью галлюцинаций, пронизанных страхом. Отсюда постоянство симптомов.

Здесь стоит упомянуть и страх перед темнотой, страх грозы, страх лестниц и головокружение в безопасных местах. Безотчетные страхи, связанные с конкретными ситуациями, Брун называет псевдофобиями[62].

Одни испытывают страх, потому что их мучает чувство вины, другие – потому что хоть и безвинны, но им кажется, будто их преследуют судьба или «рок» (хотя, конечно, в этом чувстве тоже есть ощущение вины, только и оно, и связанный с ним грех вытесняются). Шкала страданий содержит бесчисленное количество отметок. Про обилие сопутствующих физических явлений мы уже кое-что сказали.

Для нас важнее этих различий вопрос о том, имеет ли страх мирской или религиозный характер. Нас заботят даже страхи, в которых вроде бы отсутствуют религиозный и этический фон: они происходят из нравственных и религиозных конфликтов и поэтому психологически и терапевтически при определенных обстоятельствах могут быть тесно связаны с проблемами христианства – и чаще всего так оно и есть.

Религиозные страхи чаще всего обращены в прошлое: человек боится, ибо согрешил против Бога, хотя в этом случае за осознанным грехом, как правило, скрыты одно или несколько

---

[59] K. Horney “New ways in Psycho-Analysis,” *Zentralblatt für Psychotherapie*, XIII (1941), S. 61.

[60] O. Pfister, *Die psychoanalytische Methode*, S. 69.

[61] *Ibid*., S. 81.

[62] Brun, *Allgemeine Neurosenlehre*, S. 104.

неосознанных нарушений. Многие испытывают чувство, что согрешили против Святого Духа; иные чувствуют себя хуже всех грешников (страх, сопровождаемый чувством собственной никчемности).

Многие объясняют испытываемый страх своим ужасным положением: им грозит гнев Божий, и они не знают, как от него освободиться. Некоторые страшатся будущего, суда Божия во времени и вечности; нескончаемых мучений в аду… Многие боятся за себя, многие – за других.

Говоря о религиозном страхе, мы сталкиваемся с терминологической и понятийной сложностью. К страху его отнести – или к боязни? Мы видели: субъективно их не различить. Только в результате осознания можно решить, существует ли внешняя опасность. И нерелигиозный человек, отрицающий существование Бога, всегда будет говорить о безотчетном страхе, а религиозный – о боязни: например – о страхе Божием. Как справиться с этими сложностями? Должны ли мы сперва решить вопрос существования Бога и того, какими качествами Он обладает, прежде чем узнаем, можно ли говорить о религиозной боязни – или о религиозном страхе? Думаю, нет. Здесь нам поможет параллель со страхом, вызванным муками совести. Даже у тех, кто признает существование и высший авторитет моральных заповедей, нет сомнений в том, что наряду с нормальной и в целом оправданной реакцией совести есть еще нездоровый педантизм. Рабан Лирц пишет об этом в статье «Педантизм как тревожный невроз»[63], а также в брошюре «О чувстве вины»[64]. Фрейд тоже говорил о нормальных и невротических муках совести или о «страхе “Я” перед “Сверх-Я”». Он даже уверял, будто те сопровождают людей всю жизнь, однако затем стал отличать их от чрезмерно усиленной невротической реакции (педантизма).

Пример из собственных наблюдений: страдающая педантизмом женщина еще маленькой девочкой-школьницей под давлением брата украла и отдала кому-то тетрадь. Насколько она помнит и как удалось выяснить в ходе анализа, то был единственный нечестный поступок в ее жизни. В дальнейшем из-за него ее страшно мучила совесть. Будучи взрослой, она пришла к бывшему учителю и обо всем рассказала, но из-за такой мелочи над ней только посмеялись. Она отдавала большие суммы на нужды школьников, но не могла обрести внутреннего мира, поскольку за этим крылась глубоко лежащая неосознанная вина. Несоразмерность осознанной вины и наказания поразительна.

Точно так же могут себя вести и верующие, которые, несмотря на свое покаяние, раскаяние, признания, сердечные сокрушения, молитвы, прощение, перемену взглядов, освящение, веру в милость Божию и в то, что Бог простит им совершенный проступок, который другим, в том числе и католическим священникам, и протестантским пасторам, кажется незначительным, испытывают страшные угрызения совести и не могут найти из них выхода. Религиозные и церковные средства не действуют. Католик, страдающий педантизмом, после причащения не чувствует совсем или почти никакого облегчения, хотя считает, что с точки зрения церковной доктрины, с которой он согласен, это нелогично и даже ересь, а потому является новым грехом[65]. Точно так же протестант, страдающий от тревожного невроза, на определенном этапе развития болезни не испытывает облегчения, несмотря на все евангельские обещания, утешения духовника, покаяние, раскаяние, исповедь и молитву, – именно потому, что из-за скопления и заклинивания самоупреков, вытесненных в бессознательное, направленные на сознание аргументы духовника не достигают цели и не могут оказать никакого влияния. Это страшное чувство, что тебя не спасло ревностное обращение к предложенным религией средствам полу-

[63] Rhaban Liertz, *Wanderungen durch das gesunde und kranke Seelenleben bei Kindern und Erwachsenen*, 1925. (Включая статью “Skrupulosität eine Angstneurose”).

[64] Rhaban Liertz, *Über das Schuldgefühl*, Habelschwerdt, 1924.

[65] Rhaban Liertz, *Über das Schuldgefuhl,* S. 47.

чения благодати, даже усиливает страх, часто вплоть до отчаяния, когда человек чувствует, что Бог отверг его и он навеки проклят. Тогда у человека возникает уверенность в том, что он согрешил против Святого Духа, при этом он не может четко сказать, в чем состоит этот грех. В качестве реакции часто выступает апатия (Лирц, с. 16). Мы не можем в рамках этого исследования назвать все побочные явления (эквиваленты страха, порожденного чувством вины). Проявления страха и его действия часто нельзя отделить друг от друга.

В крайних случаях такого рода эксперт распознает смешанный страх и решит, что к «нормальному» страху перед Богом, который обижен совершенным грехом и после покаяния и обращения снова становится милостивым, прикрепляется страх безотчетный, который нужно рассматривать как невротический (или психотический) педантизм. Однако кто сможет сказать, сколь сильно следует бояться суда Божьего? Ссылка на библейские изречения во многих случаях тоже не пригодится, ибо кто в силах безошибочно сказать, какие в этом случае применить выражения о действиях Бога? Суровые? Или мягкие? Но тем не менее эта религиозная сложность, которая возникает при решении, идет ли речь о нормальной боязни или о патологическом страхе, не больше, чем соответствующий этический диагноз. Я только хотел бы предупредить то банальное и тривиальное лечение, которое не видит серьезности проблемы и довольствуется простой отсылкой, говоря о страхе и неврозе там, где замалчиваются самые важные вопросы, ждущие ответа. Но точно так же мерой не может быть и мрачный страх фанатика-невротика. Мы знаем, что люди, которые испытывают невротическое чувство вины, склонны к тому, чтобы всех не-невротиков обвинять в поверхностности. Экстремальный пессимист, раздавленный своими же взглядами на жизнь, из-за невроза презирает каждого непессимиста как наивного тупицу, не способного осознать бездну и ужас жизни; меланхолик презирает обычных людей. Ему невозможно объяснить, что он сам слеп для радостей и красоты жизни и не видит ее светлой части.

Странно, но к проявлениям страха относятся такие, при которых страх почти не осознается или не осознается совсем. Вытесненный из сознания в бессознательное, страх часто можно обнаружить при внезапной или хронической дрожи, при заикании, стыдливом смущении, ознобе, потении, чесотке и других симптомах истерии, но еще чаще – при многочисленных случаях навязчивых ощущений, мыслей, чувств и поступков, которые мы еще будем обсуждать. Даже при поверхностном исследовании причиной и настоящим смыслом происходящего является страх. Если помешать навязчивым действиям, сколь бы те ни казались бессмысленными – тому же мытью рук, – то может возникнуть страх невероятной силы. Если не мешать – все нормально. А теперь поговорим о последствиях страха, их природе и истоках.

Глава 3. Тревожные фантазии. Защита от страха

Как боязнь пробуждает инстинкт самосохранения, так страх приводит к инстинктивной защите душевной жизни. Боязнь вызывает и уместные действия, и поразительно пагубные – она может парализовать в случае, когда нужно мгновенно сбежать или контратаковать. Т. Бове, наряду со многими неврологами и психиатрами, считает все неврозы предохранительными механизмами против страха: «Невроз – это короткое замыкание для устранения внезапного напряжения, вызванного страхом, из-за которого тормозится дальнейшее гармоничное развитие личности и постоянно растет нарушение равновесия»[66]. Точно так же страх вызывает на удивление изобретательные, но и поразительно неуместные действия и идеи[67].

Все эти явления имеют одну цель: устранить внутреннюю опасность, о которой сигналит страх. Нам кажется, выражение «защита от страха» не полностью описывает этот механизм. Враг – не сам страх, а напряжение между влечением и «Я» либо же совестью, и страх просто фиксирует это напряжение, как датчик манометра. Мы увидим, что сперва самозащита оборачивается против страха. Но все же эта «защита от раздражителей», призванная избавить «Я» от непереносимых потрясений, составляет шаг к частичной разрядке импульса.

Из этого инстинктивного желания отогнать страх и обеспечить средства для разрядки импульса происходят многочисленные психоневрозы и психозы. Единственное условие – необходимая духовная или телесная предрасположенность. Склонность к выздоровлению можно увидеть и в тяжелейших болезнях, и во всех процессах, где замешан страх. Последствия, вызванные страхом, тоже являются реакцией против него.

Однако для преодоления страха служат и высшие творения человеческого духа. Теоретическую и прикладную науку мы можем по большей части воспринимать как средство борьбы против страха, вызванного угрозами внешнего мира, хотя, конечно, это не объясняет всю сущность технического и духовного развития и участие в нем сознательного и бессознательного. Мы увидим, что преодоление страха активно участвует в истоках и развитии религиозной жизни, хотя было бы совершенно неправильно объяснять ее только на этой основе и игнорировать все другие потребности и все другие познавательные акты. То же самое можно сказать про искусство, мораль, право и другие достижения разума.

Мы разберемся с отторжением страха и с внутренним расслаблением, усиливающим отторжение, – и для этого обратимся к помощи бессознательного, в той мере, в какой это необходимо для понимания того, как страх преодолевается в христианстве.

Защита от страха. Снятие напряжения

Проще всего изгнать страх из сознания, вытеснив его в бессознательное. Это происходит при нервном обмороке; впрочем, часто власть над телом не теряется. В результате человек перестает не только ощущать мучительную боль, но и предпринимать дальнейшие защитные меры. Вытеснение происходит не в результате осознанного намерения – преднамеренно вытеснять нельзя. Эту услугу оказывает так называемое «предсознание»[68]. Оно заботится и о том, чтобы держать на расстоянии[69] ощущения или воспоминания, способные пробудить страх.

---

[66] Th. Bovet, “Der Krieg und unsere geistige Gesundheit,” *Neue Schweizer Rundschau*, 1944, S. 119.

[67] Ср.: O. Pfister “Schockdenken und Schockphantasien bei höchster Lebensgefahr,” *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse*, XVII (1931).

[68] O. Pfister, *Die psychoanalytische Methode*, S. 47.

[69] O. Pfister, *Die Psychoanalyse im Dienste der Erziehung*, S. 40–43.

Пример: солдат, которого я лечил, ясно помнил, как началась атака. Он покинул свой окоп, швырнул дощатый настил на заграждения из колючей проволоки – свои и вражеские, – и побежал по равнине, но он совершенно не помнил, как стрелял, резал, колол штыком: он не помнил убийств, вызывающих угрызения совести. Или еще: студент столкнулся лицом к лицу с отцом, а чуть позже – с бывшей возлюбленной, но не узнал их. Основание: он был вместе с новой подругой, и при встречах ему было стыдно.

Здесь еще нужно указать на часто встречающую разновидность вытеснения страха, которая оставляет за собой обременительные телесные проявления. Сердцебиение, дрожь, покраснения, выделение пота, диарея, позывы к мочеиспусканию и другие телесные проявления часто возникают без подтвержденных органических причин, когда страх был вытеснен из сознания. Чаще всего возникает головная боль, иногда в виде мигрени – некий «эквивалент» изгнанного страха. То же самое относится к судорогам, параличам и конвульсиям. В наши задачи не входит рассмотрение огромного количества истерических и невротических проявлений страха, которые противостоят страху и действуют как его заменители.

Наряду с вытеснением страха, о котором шла речь, есть и другой инстинктивный метод избавления от него с помощью новых путей разрядки. В этом случае страх заменяют другие эмоции. На месте вытесненного чувства появляются желание плакать, гнев, уныние, дурное настроение, чувство неполноценности, сознание собственного величия вплоть до мании. Играют свою роль и другие случаи. Иногда, например, страх замещается гневом и ненавистью.

Один знакомый пожаловался мне, что больше не может посещать спектакли, ибо при виде одного из актеров на него накатывал такой гнев, что он не мог держать себя в руках. Он часто встречал этого человека на улице и, хотя тот ничего ему не сделал, он едва мог сдержаться, чтобы не залепить ему пощечину. При апперцепции объекта ненависти выяснилось следующее: «У того человека противные, отвратительные, вытаращенные глаза, он такой жирный и носит брюки без манжет». Преодолев обычное сопротивление, пациент добавил: «У меня у самого выпученные глаза. Врач говорит, базедова болезнь. Я от нее жирею. Я костюм износил, а новый купить не могу. Жене нужно слишком много денег».

Ненависть этого театрала носила ярко выраженный характер навязчивого чувства и заменяла собой боязнь, усиленную страхом. Его телесные страдания не достигли опасного уровня, и он беспокоился больше, нежели его болезнь и диагноз требовали на самом деле. Он занимал прибыльную государственную должность и был обеспечен. Проблем с деньгами, из-за которых он ссорился с женой, не было бы, если бы не тот факт, что его брак терпел крах и создавал блокировки в эротической сфере. Гнев и ненависть отвлекали его от страха, а трудности с деньгами давали желанную возможность злиться на жену. Он явно слишком дорого платил за свое избавление от страха и мог бы все уладить гораздо более практичными методами, если бы подошел к ним сознательно. Подавленное состояние, гнев, ненависть и фанатизм часто являются плохой заменой страху и рождаются из-за недостаточной защиты от него.

Один человек, чье поведение я анализировал, в детстве начинал безудержно плакать, когда в одиннадцать били церковные колокола. В это время хоронили людей, и колокола звонили часто. А мальчик представлял себе, что хоронят его родителей, у которых на самом деле было прекрасное здоровье. Втайне он желал им смерти, но подавлял это желание, хотя часто тайно выражал его искаженным способом. Из-за этих ужасных желаний он испытывал чувство вины, и страх пытался овладеть его сознанием. Впрочем, благодаря предсознанию ему удалось спастись, – спасение приняло форму глубокой грусти и рыданий. Так он притворялся перед самим собой и учителями, будто испытывает нежную детскую любовь. Позже у маленького лицемера развился тяжелый душевный порок.

Мы видим, что и этот метод вытеснения страха опасен. Благодаря ему можно испытать временное облегчение от подавленного чувства, однако вытесненный страх остается в подсознании и часто, как мы еще увидим, губит нас неврозом.

Яснее всего побочные эффекты вытеснения страха видны при неврозе навязчивых состояний, о котором мы скоро поговорим. Здесь отдельные представления, которые временами, но не всегда, сопровождаются сильным страхом, принимают безвредную форму. К сожалению, страх прорывается в другом месте или в облике другого чувства.

Сказанное относится и к религиозному страху, к бремени греха в его самых суровых формах, к тяжелому чувству вины, к ужасной боязни гнева и суда Божьего. Многие могут думать о своих проступках без угрызений совести и без боязни наказания от Бога. Внешне кажется, что они примирились с грехами, считают их незначительными, или относятся к ним равнодушно, или полагают, что с ними покончено. Более внимательное исследование показывает, что угрызения совести только вытеснены и заменились самонаказанием, жестокость которого соответствует уровню вытесненных самообвинений.

Один мой пациент с гордостью называл себя «абсолютно безнравственным». Не мучаясь сознательными самоупреками или угрызениями совести, он совращал то молоденьких служанок, то маленьких девочек, и довел сам себя почти до полного отчаяния, пылая патологической ревностью, которой изводил ни в чем не повинную жену. Он устал от жизни, и только во время беседы с духовником распознал в этом бессознательное самонаказание. Иногда вытесняется даже вся вера в Бога, чтобы успокоить угрызения совести, однако тогда вытесненная совесть возьмет на себя жестокое наказание, с которым придется разбираться в другом месте. Часто при вытеснении морального и религиозного страха начинают преобладать злые влечения.

Одна лесбиянка рассказывала: она смогла так успокоить свою совесть, что предавалась разврату без малейшего упрека. Но за последние полгода она почти не выходила из комнаты. Она едва могла, в сильнейшем ужасе, дотащиться до врача, который жил по соседству. Она, сама того не замечая, вела жизнь заключенной. Лишь после осознания вины и прекращения разврата она сумела исцелиться от страха.

Другими чувственными процессами, призванными отогнать страх и устранить блокировки, мы займемся чуть позже, – а пока изучим, как с той же самой защитной целью трансформируются фантазии.

Борьба ума со страхом

Интеллектуализация и рационализация страха

Страх часто возникает без всяких «зачем» и «почему», независимо от того, происходит ли он из блокировки вытесненного или невытесненного влечения либо нескольких таких влечений. Штекель и Либек ошиблись: неизвестность того, на что направлен страх, они сочли обязательным условием, и спутали страх с тревогой. Но наличие такого объекта – не первичное условие, а второстепенное действие страха, исходящее из стремления объяснить отвлеченный факт страха и присвоить ему объект. Безотчетный страх намного ужаснее, чем тот, причина которого воспринята, воображена и обоснована. Подобное установление связей или ориентиров – базовое влечение разума. Как только объект страха найден или якобы найден, а страх благодаря осмыслению превращен в боязнь, точнее, в очевидную боязнь, страх несколько ослабляется. (Об одном исключении мы еще поговорим.)

К ориентации, когда речь идет о страхе, относится и то, что удается создать представление о его мотивах и причинах. Тогда интеллектуализация, придающая жуткому, неизвестному страху предметное содержание, превращается в рационализацию. Именно так, с подачи Эрнеста Джонса, называется мыслительный процесс, направленный на обоснование или понятное объяснение в интеллектуальных терминах некоторых представлений, чувств или влечений, возникающих в бессознательном. Человек, которому под гипнозом внушили на следующем

ужине поменять стул на другой и забыть происхождение приказа, в должный момент прежде всего почувствует порыв осуществить это действие. Вероятно, он даже не спросит о причинах. Если попросить его объяснить свои действия, он, возможно, слегка смущенно скажет, что стул шатался. После опровержения этой мнимой причины появится столь же банальная отговорка, что первый стул был грязен[70]. Такие обоснования влечений и идей, чье истинное происхождение и значение находится в бессознательном, могут дать блестящие результаты, если разум добавляет к ним осознанный материал: это подтверждает история философии и догматического богословия[71]. Наука о вере хочет только дать научные границы тем переживаниям, фактам и душевным порывам, какие испытывают верующие, а также тем, какие записаны в Библии и имели место в истории богословия. Их происхождение иррационально, но мы пытаемся придать им рациональную форму. Мы, конечно, увидим, что попытки полностью выразить иррациональное в рациональных понятиях сродни задаче о квадратуре круга. Возможно, это будет мучить нас еще сильнее, но глубинная психология доказывает: уже в самой так называемой чистой рациональности прячется очень много иррационального, как и наоборот. В приведенном эксперименте осознанный порыв поменять стулья, возможно, покажется и человеку под гипнозом, и ничего не знающим зрителям, совершенно иррациональным только после того, как не удались попытки рационализации. Гипнотизер и свидетели, напротив, представляют рациональные и психологические факторы, имеющие отношение к происхождению, структуре и содержанию приказа. Те же факторы обнаруживает глубинная психология при изучении неспровоцированных иррациональных явлений. И это относится к любым суррогатным формам, которые человеческая психика инстинктивно и бессознательно внедряет в сознание в виде объектов и причин страха.

Осмысление страха и тревожных фантазий

В нашем представлении чувства и образы, окрашенные страхом, – это те, которые несут в себе страх, и неважно, способны ли они вызвать ужас или в сознание просто входит нечто безвредное с примесью страха. Рассмотрим особую цель, которой служат эти осмысленные комплексы страха.

Прямое избавление от страха

Задача этих явлений – сделать страх более понятным и тем получить ориентир. Но в дальнейшем, при определенных обстоятельствах, они обретают и новую функцию – успокаивают, утешают, наказывают или предупреждают. Хотя надо учитывать то, что было сказано об иррациональности и недостатке критики в таких случаях. Бессознательное стремится обмануть сознание везде, где только может. Страдающая от страха девушка дает себя убедить, что просто боится мышей, хотя на самом деле замалчиваются определенные влечения и вмешательства совести. Более того, взрослые точно знают, что мыши не опасны для жизни. Если ориентация проводится честно, в ее основе должен лежать интеллектуальный реализм, то есть она действует в соответствии с реальностью. На деле, хотя и далеко не всегда, она проходит по так называемому принципу желаемого: человек думает о вещах так, как ему бы хотелось, и выдает желаемое за действительное.

Удачная ориентация содержится в следующем представлении, которое уже давно преследовало замученного страхом жизни студента. Ему не давали покоя слова *bacteria calamus*. В ходе анализа студент понял, что *bacteria calamus* – это «палочник», насекомое, которое часто встречается в средиземноморских странах. Он прячется на деревьях и маскируется под тонкие

---

[70] Ср.: O. Pfister, “Ein Experiment über hypnotische und posthypnotische Symbole,” *Zum Kampf um die Psychoanalyse*, S. 76.

[71] O. Pfister, *Zur Psychologie des philosophischen Denkens*, Bern, 1923.

ветки. При этом на самом деле он – нечто совершенно другое. И студент осознал, что представление родилось из его страха, или, лучше сказать, как реакция на страх, составлявший его главную проблему. Он был интровертом и пассивно адаптировался под окружение, скрывая свои истинные мысли и чувства. Это, в свою очередь, вело к гибельным нарушениям в его отношениях с миром. Он не мог любить мир – и родился страх. Небольшое утешение дала ориентация: он понял, что был не единственным, кто страдал от таких проблем.

Фантазия, порожденная страхом, исходит из намерения защититься от него. Успокаивать должно уже перенесение внутренней опасности на внешний объект, даже когда его опасность, как это часто происходит, безмерно преувеличивается. И сознательное мышление позволяет себя грубо обмануть, наивнее, чем маленький ребенок, которому врут родители, чтобы его успокоить, когда, например, говорят, что ночью шумел не взломщик, за которым гнались, а просто безобидный пьяница-сосед, неведомо почему вопивший. Странно, что сознание иногда соглашается с таким неуклюжим обманом даже при нормальном развитии интеллекта, а порой принимает обман за свои собственные выводы. Мы к этому еще вернемся и познакомимся поближе с методами успокоения подсознания и предсознания.

Пример утешительного действия фантазии страха нам подарил малыш, который плакал, когда часы били одиннадцать (см. выше). Ему бы следовало страдать от страха, рожденного чувством вины, ибо он желал родителям смерти. Вместо этого фантазия говорила ему о том, как ужасно его огорчит их смерть: «Посмотри, какой ты хороший сын, если одна только мысль, что ты можешь их потерять, заставляет тебя так горько плакать». Только на самом деле слезы тоже рождались из существующего душевного настроя.

Иногда содержание фантазии не выражает конфликта между страхом, вызванным совестью, и аморальной душевной инстанцией. Еще его могут составлять безнравственные взгляды и намерения, а нравственная цель может проявиться только в страхе; это может оказаться очень суровым самонаказанием.

Восьмилетний мальчик несколько лет страдал от типичного кошмарного сна: его мучали черные духи. Один, лысый, с квадратной головой, был намного выше других, глаза его полыхали угрозой, а черты искажала злоба; дьяволом он не был, но любить его было невозможно. Руки у него были как у людей, а на ногах отросли когти, которые, как признался мальчик во время анализа, «рвут тебя на куски». Три маленькие фигуры с рогами, склонив головы, наступали на него во сне и пытались утащить в ад. Среди демонов были другие, толстые, ленивые и неуклюжие. Они не хотели ничего плохого, и на них ему было приятно смотреть. Иногда они стояли выше дьяволов и смеялись над теми.

Квадратная голова большого духа была воспоминанием о роботе, которого мальчик видел на местной ярмарке. Тот двигался с неприятным шумом и мог выполнять только один набор движений. Отец постоянно ругал мальчика и порой насмехался над ним, так что у сына развился сильный комплекс неполноценности. Иногда ему казалось, что отец ему угрожает. Сам отец был лысым. Но мальчик признал, что намерения отца были благими, и на уровне сознания, в общем-то, полюбил его. При этом ненависть к отцу постоянно вытеснялась, и в подсознании тот наполовину превратился в дьявола. Еще больше мальчик ненавидел мачеху и сестер: те приняли облик полноценных дьяволов. Сновидец знал, что очень плохо себя вел по отношению к ним, проецирует на них свои «дьявольские» мысли и поистине заслуживает ада.

Но как же другие, высокомерные, толстые и ленивые духи-шутники с их ухмылками? – Наш сновидец создал искаженную фантазию, призванную как можно сильнее мучить отца и особенно мачеху, даже ценой собственного исчезновения. Он необычайно сильно жаждал сладостей, которые, как часто бывает, выступают заменителем любви (см. мою книгу «Лечение трудных и ненормальных детей»[72]. Там рассказано о том, как 16-летний мальчик стал клепто-

[72] O. Pfister, *Die Behandlung schwer erziehbarer und abnormer Kinder*, Bern, 1921, S. 67.

маном и начал воровать в кондитерской после того, как излечился без компенсации от тяги к запретным сексуальным действиям. Однако дома он ел мало сладостей: там этого не запрещали.) Ребенок был ленив, и это сердило отца больше всего. Сон показывал, как сын хотел отомстить отцу через свои пороки. В этом ему сильно, хотя и не полностью, препятствовало его «Сверх-Я» (совесть); но это открылось не из содержания сна, а только из связанного с ним сильного страха. Он не нашел удовлетворительного решения для своего стремления к ненависти и мести, и сон стал повторяться снова и снова, пока, по прошествии нескольких лет, сновидец не начал претворять его в жизнь – иными словами, сделал частью своей жизненной программы. Дальнейшее развитие пошло со страшными искажениями. Толстые фигуры во сне не наполнены страхом, однако страх усилило породившее их чувство ненависти, столкнувшись с влечениями совести и любви. То, что духи стоят выше дьяволов, выражает триумф сновидца над замучившей его семьей.

Но как соотнести точку зрения, согласно которой фантазии, рожденные страхом, есть желания, с тем фактом, что некоторые из них часто невероятно мучительны – те же видения и галлюцинаторные явления демонов и дьяволов? Можем ли мы признать, что даже такие страдания все еще легче переносить, чем бесформенный страх, из которого они исходят? Это возможно: призрак может быть ужасным, но по крайней мере с ним можно иметь дело, чего нельзя сказать о безотчетном страхе. Однако при этом имеются и другие представления страха, которые не допускают таких переговоров. Более того, фантазия, рожденная страхом, самим своим появлением усиливает страх. Мы должны искать другое объяснение. И найдем его без труда.

Снятие блоков. Символическое утоление одного из противоречащих влечений. Компромисс

Прямого преодоления страха недостаточно уже потому, что при нем не снимаются блокировки в сфере влечений и совести. Духовный наставник стремится ликвидировать опасное душевное напряжение, препятствующее религиозной и нравственной жизни, примирить противоречащие инстанции и достичь оптимального состояния – с помощью прямого исполнения желаний (чем достигается согласованность противоречащего желания), через компромисс и через достойные компенсации, прежде всего – сублимации. Оправданное ослабление или снятие блокировок происходит тогда, когда удается доказать совести, что требования и обвинения, например, самоосуждение из-за онанизма, несправедливы, слишком жестоки и несовместимы с высшей моральной заповедью любви. Но есть и циничное устранение блокировки через упразднение совести. Это конфликтует со здоровой нравственностью, одновременно серьезной и полной любви.

Иногда, в легких случаях, инстинктивная защита души полностью преодолевает страх, на что указывают спонтанные исцеления. Но очень часто этого не происходит, что доказывают страдания бесчисленных больных; и защититься не получится совсем, когда серьезные вытеснения противостоят инстинктивной склонности к исцелению. Однако и здесь можно проследить попытки исцеления и предотвращения.

Защита от страха очень часто инстинктивно направляется не на сам страх, а на его причину – уже знакомую нам блокировку. Это происходит так: скрытое, символическое проявление в форме фантазии считается для влечения или совести возможным. Сознание часто не одобрит это частичное удовлетворение, но, с другой стороны, при этом могут возникнуть пути к высшей радости и самой ценной деятельности. Там, где страх в действительности вызывает болезнь и нет возможности снять блокировки с помощью восприятия страха и фантазий, порожденных им, – наблюдаются ужасные итоги в виде меланхолии и других психозов. Когда тот же итог достигается при помощи сублимации, мы получаем возвышенные творения человеческого духа, произведения искусства и нравственные произведения высшего уровня.

Фантазии, порожденные страхом и призванные снять напряжение, иногда способствуют скрытому удовлетворению либо влечений, либо «Сверх-Я».

То, как проявляет себя влечение, можно показать на примере анализа галлюцинаций одной женщины, страдавшей истерией[73] и заклейменной как ведьма, но на самом деле доброй и морально безупречной. Она часто чувствовала, будто идет сквозь морские волны, при этом ее охватывали невыразимые ощущения. Поднявшись к себе в спальню и испытывая нечто ужасное на каждом шагу, она увидела в своей кровати мужчину: тот лежал и расплескивал по белью жидкость при помощи странного инструмента с тонкими полосками стружки на конце рукояти. Когда мужчина плеснул на нее, она избавилась от страха и испытала чувство экстатического счастья, но ненадолго. Среди симптомов были и навязчиво-невротические рисунки: женщина изображала рыб и птиц, едва это сознавая, и тысячи набросков дарили ей немалое удовольствие. Невозможно не осознать, что эти и другие интеллектуализации страха, порожденные блокировкой сексуальных желаний в браке с суровым супругом, создают символическое удовлетворение. Муж отказывал ей в любых проявлениях нежности.

Превосходство нравственных идеалов открылось в другом переживании «ведьмы».

Ее измучили тяжелые страхи, из-за внутреннего давления она не могла произносить имя Иисуса Христа, и однажды, прочитав 103-й псалом, она услышала добрые голоса, зовущие ее в кровать, и наутро у нее с плеч словно упала тяжелая ноша, а потом настало блаженство, и оно длилось часами. Утешение она получила и во сне. Она увидела себя на руках матери, и та сказала ей: «Твои грехи прощены». Ночью она увидела рядом с кроватью «красивую и несомненно добрую» собаку, которую восприняла как верного стража, и утешилась.

Интеллектуализация страха может исполнять функцию сознания, наказывающего за неверные шаги или предостерегающего от дальнейших проступков. Как пример приведу фантазию, порожденную страхом одного почтенного пекаря, который тридцать лет страдал от мысли, что произнесенное им проклятие привело к смерти человека. Многие духовники пытались с помощью рациональных советов и молитвы устранить это самобичевание, иррациональность которого он и сам хорошо видел. Однако его душевные страдания так не устранялись, а в лучшем случае ненадолго ослабевали.

Внешним поводом для появления губительной фантазии стало событие из его юности. В субботу вечером, когда он уже переоделся и собирался уходить, мастер сказал, что некий господин заказал на ближайшее воскресенье несколько пирогов, которые нужно приготовить немедленно. Разочарованный парень в гневе бросил: «Вот сдох бы этот хмырь!» – на самом деле он сказал еще грубее, о чем сразу пожалел. Прошло несколько дней, и мастер показал ему сообщение о смерти того человека. Как пламенный меч, душу юноши пронзил упрек: «Ты виноват в этой смерти!»

Почему так? И почему этот мучительный самоупрек не удавалось устранить? Ведь подросток, а затем и мужчина, соглашаясь с духовниками, постоянно повторял, что Бог не позволит человеку умереть из-за незначительных, брошенных в состоянии аффекта слов другого человека, и что столь тяжкая кара – отказ в прощении несмотря на все раскаяние, изменение нрава и стремление к спасению, – противоречит всем обещаниям Евангелия и Иисуса Христа!

Анализ показал, что за высказанным в гневе пожеланием смерти пряталось другое, неосознанное, которое даже привело к галлюцинациям. Видение случилось в том месте, где между ним и его отцом произошла некрасивая сцена: его обругали и поступили с ним очень несправедливо, и из-за этого он впал в ярость, в душе пожелал смерти отцу, и это стало причиной страхов. Типичная вера невротика в магическое действие таких желаний сильно укрепила представления о грехе. То, что человек, заказавший торты, умер вскоре после проклятия, усилило веру в магическую силу мыслей и слов. Теперь мы понимаем, почему мысли, имеющие

[73] Ср.: O. Pfister, *Religiosität und Hysterie*, S. 64; *Eine Hexe des zwanzigsten Jahrhunderts*.

отношение к осознанному греху, и усилия духовников оказались тщетными: более тяжкий грех (желание смерти отцу) остался без внимания, более легкий (желание смерти незнакомцу) принял на себя чувства, относящиеся к другому. Анализ быстро принес исцеление (псевдовина, см. выше).

Тем, что пекарь десятилетиями осуждал себя, он расплачивался за деяние, в котором его упрекало его же бессознательное. Он сам себя наказывал в соответствии с требованиями совести. Но это не истинная расплата, ибо настоящий грех – желание смерти отцу – оставался скрытым, а сознание отрицало справедливость мучительных фантазий. Десятилетиями наказание продолжалось без правильного отношения к проступку. Мы увидим подобные противоречия и моральные несоответствия, неизменно аннулирующие наказания, устраиваемые бессознательным, когда не получается разобраться с нравственной проблемой, поскольку это может произойти только на уровне сознания.

Действие фантазий, порожденных страхом, в этом случае заключалось в том, что в жизни юноши царили почти патологическое чувство справедливости и беззаветная любовь к жене и детям. Но и без мучений фанатично строгой совести этот человек был бы справедливым и добрым. Очень часто мы сталкиваемся с тем, что, когда совесть изливает себя в фантазиях страха, она губит нравственную жизнь. Больной, замученный фантазиями, пронизанными страхом, считает, что вследствие его моральных страданий, вызванных этими представлениями, у него есть право на аморальную жизнь. Это описал Шекспир в трагедии «Макбет» – грандиозном произведении с поистине пророческой психологической зоркостью в описании людей, которых фантазии, рожденные страхом, и предупреждают, и наказывают.

Леди Макбет убедила своего тщеславного мужа убить гостя, короля Шотландии, пока тот спал, и завладеть короной. Она напоминает супругу, потрясенному собственным злодеянием:

Так об этом думать
Нельзя; иначе – мы сойдем с ума[74].

(акт II, сцена 2)

и это гениально описывает патологические последствия от попыток убийцы изгнать страх. Вспомним: преступница хочет отстранить и изгнать из сознания обвиняющий голос совести, не предполагая, что тем самым способствует вытеснению, выталкивает все неприятные фантазии в бессознательное – и так усиливает сумасшествие.

Она заставляет мужа омыть руки от крови и обвинить в убийстве слуг. Он боится, и тогда она сама убивает слуг, размазывает кровь по мертвым телам и триумфально восклицает:

Цвет рук моих – как твой, но сердце, к счастью,
Не столь же бледно. …
Немножечко воды все смоет с нас.

(акт II, сцена 2)

Правда ли она чувствует себя невиновной – или только притворяется, чтобы побудить мужа повторять за ней? То, что она чувствует вину, открывается, когда леди признает, что и у нее есть причина испытывать это чувство. И поэт хочет показать, что ей не удалось полностью его вытеснить. Как легко она верит: «Немножечко воды все смоет с нас»! Она думает только о внешних последствиях; ей незнаком судья, сокрытый внутри – бессознательное.

Леди вновь призывает Макбета изгнать самоосуждение. Но пока ее не было, он уже осознал, что весь океан Нептуна не сможет смыть кровь с его рук. Теперь он бы согласился на

[74] Здесь и далее цитаты из «Макбета» в переводе М. Лозинского (1950).

вечное забвение, чем на то, чтобы помнить о своем злодеянии. Здесь мы должны вспомнить о психотическом вытеснении «Я» и ощутить: поэт хочет выразить, что Макбет в опасности и близок к желанию такого психоза. И верно, иные люди, склонные к этому, боясь угрызений совести, бегут от страха, на всю жизнь расщепляют свое «Я» и живут дальше в мании, будто они – какой-нибудь герой, завоеватель или пророк. Только это бегство в безумие избавило Макбета от самонаказаний и мучений.

В 1-й сцене пятого акта мы узнаем, что произошло с леди Макбет после попытки заглушить голос совести. Вытеснение привело к симптомам невроза навязчивых состояний. Сначала нам говорят, что убийца стала сомнамбулой. Потом появляется она сама, крепко спящая, и словно умывает руки. По свидетельству придворной дамы, порою леди тратит на это четверть часа. Она символически повторяет события, произошедшие в ночь убийства, и добавляет:

Но кто бы мог подумать, что в старике так много крови?..
Да неужели эти руки никогда не станут чистыми?

Сознательно она воспринимала кровь, обагрившую ее руки и руки мужа, как мелочь, которую можно смыть капелькой воды. Теперь она пытается водой смыть угрызения совести. Она узнает то, что предсказывал ей муж: целый океан не очистит ее совесть. Символизм омовения очищает руки, но не совесть, и вместо избавления от страха происходит самобичевание. Состояние сна освобождает бодрствующее, а не спящее «Я»; как известно, во сне страх часто очень мучителен. Леди Макбет, бодрствующая, но утратившая сознание, ныне переживает именно это. Навязчивое омовение рук дает ей лишь слабое и скоротечное облегчение страха.

Ее страдания звучат в словах: «Прочь, проклятое пятно! В аду темно». Она утешает себя тем, что ни один человек не сможет призвать ее к ответу. Ей удается преодолеть боязнь, но не страх, и она жалуется: «Все еще держится запах крови: все благовония Аравии не надушат эту маленькую руку». По жестокой иронии она, бродя во сне, призывает себя смыть кровь, как призывала к этому мужа после убийства: «Вымой руки!» Сознавая, что совершенные убийства не изменить, она наконец сдается, и когда близится отмщение извне, она лишает себя жизни.

Великая трагедия показывает, как удается преодолеть боязнь, но не страх, вызванный угрызениями совести. Вытеснение голоса совести рождает мучительные симптомы, в которых делается попытка уменьшить страх с помощью автоматических действий. Но страх все время продолжает прорываться. И как это часто бывает при неврозе навязчивых состояний (или, скорее, тревожном неврозе навязчивых состояний, при котором преобладают и страх, и навязчивое желание совершать некие поступки), этот переживаемый страх гораздо сильнее, чем осознанное самоосуждение, несмотря на все компенсирующие фантазии и символические искупительные действия.

Стоит вкратце сказать и о фантазиях, порожденных страхом Макбета. Перед убийством (акт II, сцена 2), ему в видении является кинжал, с которого стекает кровь. Блокировка, созданная встревоженной совестью, и намеренное убийство вызывают видение, ибо оно имеет больше сил, нежели чистая фантазия. Предупреждения пытаются прорваться всеми силами, но все напрасно. Навязчивые сны служат той же цели. В галлюцинациях ему слышится эхо криков по всему замку. Он видит Банко – которого пригласил на праздничную трапезу, а затем коварно убил – в виде призрака и в беседе с ним едва не проговаривается об убийстве (акт III, сцена 4). Он лицемерно желает присутствия Банко – и тотчас же снова видит жертву своего вероломства. Он не желал его присутствия сознательно, хотя и говорил об этом; но потребность в наказании исполняет вымышленное желание. Фантазия, порожденная страхом, косвенно исполняет роль защитного механизма – она является эквивалентом мучительного наказания, усиливает

страх, и Макбет называет видение «ужасным призраком». Вытесненная фантазия становится галлюцинацией.

Обратим внимание, что в конце драмы коронованный преступник не пугается крика женщин, пришедших в ужас от самоубийства леди Макбет (акт V, сцена 5). Он и его супруга испытывали страх столь ужасный, что он прогнал боязнь, в том числе и боязнь смерти. Смерть соблазнительницы искупает грех и слегка облегчает муки.

В образе леди Макбет Шекспир показывает взаимодействие страха и невроза навязчивых состояний, а в случае с ее супругом – влияние страха на психотический тип. Леди, слушая страшные речи остерегающей и карающей совести, вытесняет страх, хотя тот прорывается снова и снова; Макбета терзают муки совести и до, и после преступления, но они не влияют на его поступки. Леди ищет расплаты и находит наказание в навязчивом мытье рук и лунатизме; ее муж – в мучительных видениях, слуховых галлюцинациях, снах, бессоннице и непрестанном страхе. Последствия попыток умиротворить страхи и совесть, по большей части напрасных, у преступницы выражаются в усилении невротической активности (омовение рук, хождение во сне), а у преступника – в патологической пассивности (галлюцинации, чувство страха). Еще до убийства она обладала более волевой, а он – более чувствительной природой, которую она считала слишком мягкой. Она говорит: «Но я боюсь, что нрав твой // Чрезмерно полон благостного млека» (акт I, сцена 5) и в духе греческой трагедии продолжает: «Ты ждешь величья. Ты не лишен тщеславья, но лишен услуг порочности». Она предчувствует порочность как следствие беспредельных амбиций, но не может ее избежать!

Убийц жестоко наказывают тяжелыми симптомами болезни и не ведут к покаянию. Они во власти бессознательного, и там нет решения нравственно-религиозного конфликта, каким бы тяжким ни было наказание, наложенное ими на самих себя.

Теперь мы понимаем, почему страх может рождать столь ужасные фантазии. Они склонны исполнять желания и внушать успокоение, ибо через них совесть хочет освободиться от страха с помощью тяжелого самонаказания. Очевидно, при этом действуют также базовые влечения, прежде всего садомазохистские желания. Бессознательное намерение наказать самого себя играет в жизни большую роль. Склонность утишить страх встречается и в мелких, но поразительных несчастных случаях, и в принятии важнейших в жизни решений, и даже в мученичестве.

Напряжение слабеет, поскольку один из его полюсов получает символически-аутистское удовлетворение; и можно понять, почему какая-либо установленная форма веры никогда не сможет устранить каждый страх и принести всем вечное блаженство. Мы это ясно видим и в религии. В зависимости от мотивов, порождающих религиозный страх, разные пациенты, и католики, и протестанты, будут восторгаться и испытывать счастье, читая синоптические Евангелия или Евангелие от Иоанна, послания апостола Павла или Книгу Откровения. Если мы знаем бессознательные нужды и потребности, осложнения и привязанности, вытесненные фантазии и желания человека, то часто с уверенностью можем предсказать, в какой религиозной общине и благодаря какому вероучению он обретет душевный покой и все, что ему нужно, в какой – нет.

Истоки тревожных фантазий

Где человек обретает то содержание, которое служит для «символического» успокоения противоборствующих сторон души?[75] Часто его обеспечивает окружение – впрочем, только тогда, когда соответствует бессознательной потребности утолить боль. Действительность посылает великое множество случаев, она, как учил Риккерт, бесконечно разнообразна. Для устра-

[75] Ср.: H. Meng, *Psychoanalytisches Volksbuch*, S. 180.

нения страха и его причин приходится выбирать; и выбираются те ощущения или фантазии, которое лучше всего служат цели, или, точнее, лучше всего позволяют помощи, направленной на облегчение страха, обрести представление в образной или вербальной форме.

Двенадцатилетняя девочка боялась собак и комаров. Однажды, играя, она сдавила себе горло веревкой. Из носа, как часто бывает в таком возрасте, пошла кровь. Мать упрекнула ее: «Смотри, истечешь кровью до смерти!» Тут же возник страх того, что подобное и правда случится, и тщетно мать потом уверяла дочку, что просто глупо пошутила. Через несколько месяцев девочка прочитала, что солдат умер от проглоченной иголки. У нее тут же возник страх перед иглой, который продержался три года до начала анализа. Фоном шли частые испуги и обилие «блокировок» любви[76].

В навязчивой тяге к омовению рук мы видели, как тревожная фантазия символически связывалась с намерением успокоить страх. Очень часто происходит наложение внешних ассоциаций (пространственно-временный континуум) на внутренние.

Одна моя прихожанка-католичка страдала от истерического страха. Лет до пяти она жутко боялась, когда асфальт на улицах был мокрым и в нем отражались «вещи». Она боялась, что провалится внутрь. В связи с этим страхом она заметила, что на тротуаре отражалась церковь, где часто стоял гроб, и в которой, согласно ее вере, жил Бог. Еще она ходила во сне и однажды залезла в кровать к брату. Кроме того, у нее была пирофобия с тех пор, как в их доме едва не случился пожар. Девочке слишком долго позволяли задерживаться в родительской спальне, и у нее возник сильный женский эдипов комплекс. Отцу, человеку сдержанному, не способному удовлетворить ее жажду ласки и нежности, она желала смерти, и отчасти это осознавала, но тут же вытесняла такие пожелания. В наказание девочка желала смерти самой себе, однако превращала страшное желание в ужасный страх перед смертью. Страх упасть в отражение церкви выражал ее стремление умереть и тем принять кару за пожелание смерти отцу, а потом предстать на суд Божий; но одновременно этот страх открывал отвержение желания и надежду на прощение.

Часто среда или момент времени, вызвавший тревожную фантазию, не играют особой роли. Но их усиливают ранние переживания такого рода, имевшие большее значение или более сильный эмоциональный накал. Те переживания могут быть давно забыты или также вытеснены, и часто требуются большие аналитические усилия, чтобы вернуть их в сознание. Еще так часто бывает, если услышать рассказы и события, которые сами по себе безвредны, но вызывают сильный страх.

Тревожная фантазия может родиться и из воображения – чужого или своего. Вышеназванный страх улицы перед церковью показывает нам, как выбор объекта уже был определен представлением о содержании, которые, по расчетам, оправдывали страх (гроб, Бог). Порой ради таких интеллектуальных защит от страха проводится долгая душевная работа. Один мой знакомый юноша много лет как одержимый подсчитывал верное число своих будущих невест. Другие, убегая от страха, большую часть жизни посвящают решению бесплодных проблем.

Отдельного упоминания заслуживают метафизические тревожные фантазии. Часто – дети и реже – взрослые боятся привидений или домовых. В состоянии страха, как и при патологической навязчивости, о которой мы будем говорить далее, человек чувствует себя стоящим перед зловещей, угрожающей и в некоем смысле духовной силой, в реальности которой он твердо убежден. Иногда это невидимое и неизвестное явление представляется безличным – можно вспомнить число 13 или содержание некоторых ритуалов «черной магии». Однако чаще всего человек, мысля в терминах метафизики, создает примитивный анимизм. Пауль Хэберлин посвятил такому формированию страха статью «Сексуальные призраки»[77]. Фрейд

[76] O. Pfister, *Die Liebe des Kindes und ihre Fehlentwicklungen*, S. 186.

[77] *Sexualprobleme*, VIII (1912), S. 96–106.

даже называет определенные формы невроза навязчивых состояний «карикатурой на личную религию»[78]. Достаточно одежды, висящей в темноте, чтобы больной ясно увидел дьявола или ведьму.

Эту примитивную метафизику страха никогда нельзя воспринимать в рамках только индивидуальной психологии. Каждому известно об окружающих суевериях. Сказки, народные обычаи представляют материал, который рожден из страха и дают прекрасную возможность интеллектуализировать в себе страх там, где появляется тайное желание этого. Даже если они используются как угрожающее средство, малейшей склонности к страху хватает, чтобы окружить сильным страхом соответствующие фантазии.

Больного в детстве очень сурово воспитывала строгая мать. Она пугала его, говоря, что их в подвале сидит «Бёлимайя» – демон из швейцарского фольклора. Выходя за порог, он испытывал жуткий страх, ибо ему предстояло пройти мимо двери в подвал. Как-то измученный мальчик взмолился о помощи, и неожиданно он оказался на улице. Теперь он был уверен, что Бог перенес его туда с помощью ангелов. Тревожная фантазия (Бёлимайя) и образ страха (дверь) были при этом вытеснены. Как мы видим, часто от странных внешних обстоятельств зависит, превращается ли предрасположенность к страху в страх перед неким местом, животным, грабителем или привидением и укрепляется ли она в таком виде. Точно так же от текущих религиозных представлений и их отношения к чувству вины зависит то, соединяется ли предрасположенность к страху с представлениями о Боге, Страшном Суде, осуждении, дьяволе и аде.

Объективация и осмысление тревожных фантазий

Если бы «Я» знало, что интеллектуализация страха – просто его проекция вовне, то вся конструкция рухнула бы. Разгаданная уловка потеряла бы свою действенность, важный механизм душевной защиты от страха был бы разрушен. Как избежать такого ущерба?

Все просто: новое вытеснение – и воспоминания об интеллектуализации бесследно исчезают из сознания. Объект страха больше не поддерживается нашей творческой способностью. Это больше не нечто субъективное, а нечто объективное, не что-то установленное нами, а реальность. К объективации присоединяется осмысление. Объект страха предстает перед нами – но извращает факты. Часто он превращает в факты наши фантазии. Фрейд верно замечает: «Истерик во время приступов повторяет и в симптомах закрепляет переживания, которые произошли только в его фантазии, однако при подробном рассмотрении оказывается, что они восходят к реальным событиям или создаются из них. Наличие чувства вины у невротика невозможно понять, если возводить его к реальным проступкам. Человек, страдающий неврозом навязчивых состояний, может быть подавлен чувством вины, которое приличествует массовому убийце; при этом с людьми он неизменно честен и порядочен и проявляет к ним самое деятельное участие. Однако у этого чувства вины есть причина. Оно основано на интенсивном и частом желании смерти ближним, возникающем бессознательно. Так в эмоциональной жизни невротика и во всех ее последствиях проявляются всесилие мыслей и признание высшей законности психических процессов в сопоставлении с реальностью»[79].

Это осмысление (объективация) или, скорее, искажение реальности (как стоило бы назвать ее с познавательной точки зрения), относится не только к земным вещам, но и к привидениям, магическим силам и подобным явлениям. Для истерика они часто становятся совершенно реальными. Уверенность в объективном существовании этих явлений для него так же несомненна и реальна, как субъективно реален страх. Спорить об этом, с его точки зрения, так

[78] Freud, *Zwangshandlungen und Religionsübungen*, GS., X, S. 213.

[79] Freud, *Totem und Tabu*, GS., X. S. 107.

же глупо, как оспаривать существование солнца, матери и собственного «Я». Кажется, будто объекты страха, спроецированные субъектом во внешний мир, созданы извне, хотя их создает «Я». Также они выступают как стимулы страха, хотя на самом деле являются его порождением. С точки зрения религиозной психологии значимо то, что часто некоторые фантазии, которые сливаются со страхом в процессе интеллектуализации, выступают как внешние переживания и принимают доказательный характер. Объект на самом деле создан фантазией или мышлением больного с целью воплотить страх; и теперь этот объект переживается как внешний собеседник, навязчивая сила или причина страха, и никаким сомнениям в реальности этого внешнего влияния, которое в конце концов «переживается» как факт, не позволено возникнуть. Это относится не только к тревожным галлюцинациям, но и к огромному обилию фантазий и даже идей, имеющих отношение к страху, в которых находит свое интеллектуальное выражение страх, рожденный чувством вины. Без представления о том, как итог интеллектуализации превращается во внешние переживания, которые словно бы происходят здесь и сейчас, нельзя понять очень многие религиозные переживания с психологической точки зрения. Духовник бессилен совладать с подобными явлениями, пока не прибегнет к анализу, даже когда те ведут к самым вопиющим суевериям, пережитым как «откровения с того света». Множество примеров нам дают «изучение призраков» и демонология.

Фрейд многократно высказывал мысль, что духи и демоны – не что иное, как проекция первичных эмоций. «Примитивный человек тем самым превращает свои эмоции в личности, населяет ими мир, а затем снова находит свои внутренние душевные движения во внешнем мире»[80]. А как это происходит? Мучимый страхом чувствует, что ему угрожает некая сила, которая, особенно при страхе, вызванном виной, представляется как злой дух, обладающий собственной личностью и пребывающий вне “Я”. Эту мучительную силу можно представить в знакомом облике, например, как дух умершего друга, или же в облике неведомой духовной сущности либо демона. Вера в духов психологически ценна, а именно для объяснения болезней, рожденных душевными причинами; но как метафизическую конструкцию ее можно критиковать. Также частое, хотя и нерегулярное, перенесение демонов в пространство «потустороннего мира» можно объяснить путаницей между психологическим и метафизическим фактом. Сверхъестественный «тот свет», который многие населяют духами или демонами, в действительности является сферой бессознательного, откуда психические силы излучаются в сознание или тело больного. В истоках этого процесса, который мы наблюдаем часто, и не только у больных, главную роль чаще всего играет традиционная вера в духов.

Мы часто сомневаемся в реальности интеллектуализаций страхов, маскирующихся под реальные события. Интересно, что галлюцинации больше подвержены такому скептицизму, чем определенные тревожные фантазии и представления о страхе. Все интеллектуализации страха могут вступить в противоречие с рациональным осмыслением. Тогда пациент, как вышеупомянутый пекарь, часто знает, что тревожная фантазия ложна, но все равно бессилен ее отпустить и оказывается ею одержим. Он верит, несмотря на знание. Или, возможно, рациональный взгляд просто не принимается, хотя обычно его следует принять, – в этом случае навязчивая фантазия может стать бредом. Часто сложно различить навязчивые фантазии, где сохраняются доводы рассудка, и бредовые идеи, при которых восприятие реальности существенно нарушается, потому что не всегда легко понять, что реально, а что невозможно.

И потому необходимо с очень суровой критикой воспринимать любые притязания тревожных интеллектуализаций, даже когда те принимают облик «откровений», на реальность.

В отдельных случаях объект страха появляется в виде галлюцинаций. Субъективные процессы влияют на форму и содержание этих видений или голосов. Мы можем в некой степени изучить законы, по которым это происходит. Предпосылкой любой галлюцинации слу-

[80] Freud, *Totem und Tabu*, GS., X, S. 113.

жит сильное внутреннее напряжение, которое не снять рациональными методами мышления и действий. На помощь приходит бессознательное и устраняет страдания (чаще всего они несут на себе печать страха) с помощью автоматических действий – по сути, посредством галлюцинаций. Галлюцинация имеет характер реального явления, и этот факт придает ее содержанию, способному устранить страх, большую уверенность, нежели та, какой обладают простые фантазии. При видениях и слышании голосов, имеющих религиозное содержание, больному, который бессознательно их создает, кажется, что он сам захвачен или тем, что видит и слышит, или пойман творцом тех переживаний, которые породил его собственный ум. Он вынужден считать свои видения откровениями, а себя – пассивным созерцателем (в теории познания такое считается наивным реализмом), в то время как воспринимаемые им объекты считаются чем-то, что передается извне без какой-либо помощи с его стороны. Содержание галлюцинаций всегда соответствует некоему желанию или нескольким из них; хотя исполнение желания может очень сильно искажаться – в согласии с тем, что происходит во снах, и по тем же законам.

Мечтатель (назовем его так) редко осознает субъективное происхождение своих галлюцинаций. Известно, что даже люди с сильным умом при чрезмерном напряжении иногда видят галлюцинации и не могут осознать иллюзорного характера своих переживаний. Уверенность в реальности происходящего, характерная для тревожных галлюцинаций, не сильнее, чем та, какую приписывают обычным тревожным фантазиям. Не все объекты страха воспринимаются как абсолютная данность. Иногда возникают сомнения, являются ли они тем, за что приняты. При кошмарах такие сомнения даже преобладают. Иные пациенты даже различают сны и откровения, полученные во сне от умерших или от неведомых духов, хороших или плохих, которые утешают или обвиняют, обещают благо или выносят приговор.

Но это не означает, что все тревожные фантазии проходят объективацию. Если кто-то одержим тем, будто превращается в меланхолика, безумца или идиота, никакой внешней проекции нет, но даже здесь, как и при объективации, есть осмысление.

Вытеснение тревожных фантазий

Все неприятные ощущения и фантазии можно вытеснить, и то же самое относится и к тем, которые пронизаны боязнью и страхом. Психика ошибочно полагает: «С глаз долой – из сердца вон». То, что говорилось о вытеснении чувств, относится и к объективации страха. Вытесненный элемент обладает сильным зарядом и знает, как оказать влияние на тело и психику, либо втайне, либо под личиной. Его проявления бывают катастрофическими, но иногда несут и невероятное удовольствие.

Уровень вытеснения может быть невелик, как в следующем случае – у человека, страдающего неврозом страха и навязчивых состояний.

47-летний мужчина, бывший под моим попечением, много лет испытывал сильный страх перед числом 13, и чтобы успокоиться, ему требовалось тотчас же увидеть церковную колокольню. Один раз, стоя у окна в своем кабинете, он испытал приступ безотчетного страха. Только потом он понял, что и на этом окне, и на другом в той же комнате, указаны номера. В сумме оба числа составляли 13. Иногда он мог испытать приступ страха в трамвае, если ехал с пересадками и сумма трамвайных номеров составляла 13[81].

Вытеснение неприятного числа 13 вместе с приступом страха было почти незаметным; после недолгого анализа ему на ум почти сразу же пришло много мыслей о том, какие особенности окружающей среды составляют число 13. При этом восприятие, а часто и сложение, происходили вне сознания. Числа, из которых при сложении получается 13, можно найти каждый день, и это вызывает новый страх.

[81] O. Pfister, *Die psychoanalytische Methode*, S. 70.

Причина истерии и ее значение, скрытые за критическим числом, и превращение числа в губительный страх коренились очень глубоко. Число 13 внушало больному: «Ты – Иуда, который предал своего Господа». Навязчивая необходимость увидеть церковную колокольню указывала на всепрощение Божие. Этот почтенный человек многое из своего немалого состояния пожертвовал на помощь бедным, но не мог обрести мир в душе, несмотря на искреннюю набожность. Я лечил его лишь несколько часов, и он был слишком стар для анализа.

Связь чувств и разума в отторжении страха

Фиксация страха на образах

Человеческий инстинкт, или, можно сказать, бессознательное, полон хитроумных уловок и находит иные, отличные от сознательного планирования, способы использовать связь чувств и интеллекта в борьбе со страхом. Среди стратегических приемов есть прикрепление страха к отдельным воспринятым образам или представлениям. (В дальнейшем для краткости изложения мы причислим первые ко вторым.) Необычайно часто мы встречаем тех, кто испытывает страх при виде определенных людей или животных, в определенных местах, в определенное время или услышав определенные слова, которые остальным кажутся совершенно безопасными, – как мы уже видели при обсуждении проявлений страха.

При таких фобиях имеет место фиксация страха на определенной фантазии. Страх возникает каждый раз тогда, когда появляется его стереотипный возбудитель. Мы знаем, сколь банальные, глупые и совершенно бессмысленные фантазии могут провоцировать страх, и также знаем, что часто протесты рассудка и осознанной воли против объективно немотивированного чувства не имеют ни малейшего влияния. Мысль, что поблизости маленький осколок, или что у гостя сифилис, – хотя никто в доме никогда им не болел и одежды сифилитиков тут тоже нет, – эта мысль, сопровождаемая сильнейшим отвращением, никак не изгоняется, а мучает больного, пока ее не заменит другая, или пока не будут приняты защитные меры (о которых еще пойдет речь), или пока она со временем более или менее не утратит силу.

Фиксация страха на отдельном объекте дает неоспоримые преимущества: объект не беспокоит, пока не попадет в поле зрения, а этого можно избегать. Так проблема как бы локализуется и связывается, и жертва и ее окружение целые дни и месяцы ничего не замечают. Однако очень многие истерики и невротики испытывают тяжелейшие страдания даже после того, как зафиксируют страх на одном или нескольких объектах.

Влечение к повторениям

Часто избегание явлений, вызывающих фобию – прекрасная защита от страха. Как страдающие сенной лихорадкой могут избежать проблем, укрывшись на острове или в горах, так и те, чьи фобии связаны с некими явлениями, могут оградить себя от последних. Да, часто этого не позволяют обстоятельства: *нужно* переходить через площади, входить в залы, подавать руку, сколь бы сильный страх это ни вызывало. Но часто это возможно.

Иначе обстоит дело с фантазиями. Они приходят, когда захотят, и без явной внешней причины. Или с упорством, которое еще можно терпеть, или с болезненной настойчивостью они могут возникать по десять, по сто раз на дню, а то и больше. Как кариес, который может мучить часами и днями, так и блокировки влечений и совести могут порождать непрестанные фобические фантазии. Приход этих стереотипных гостей можно объяснить существованием влечения или даже – если он воспринимается как неудобство или принуждение, – навязчивой тяги к повторениям. Но тут необходима осторожность: иные из тревожных фантазий, которые врываются в сознание, словно противные раздражающие мухи, обладают тайной притяга-

тельностью, и человек охотно призывает их снова и снова. Но по большей части они приносят неприятности вплоть до самых сильных мучений, каким только подвержен человеческий дух. Устранение страха и попытка снять напряжение терпят неудачу – и обретают облик навязчивого состояния. Возбуждение приобретает хронические качества. Фобическая фантазия, словно слуга в передней, в любой момент готова услужить. Только слуга появляется по приказу, а фобическая фантазия – против воли господина.

Легко увидеть, почему к тревожным фантазиям возникает влечение, а при неврозе навязчивых состояний или его компульсивно-истерическом варианте – даже навязчивая тяга. Избавление от страха и устранение внутренней опасности, которого они пытаются достичь, – через снятие блока, вызванного противоборствующими наклонностями, – не может выйти за пределы символизма, аллюзий и образов. В сознании страх не преодолевается, склонности по-прежнему блокируются, и должен появиться новый страх, а отсюда – новые попытки защиты с помощью тревожных фантазий. На место страха встает симптом, который мы, при определенных условиях, должны будем назвать патологическим. Но сейчас нас интересуют не симптомы истерии, а только инсессии и обсессии.

Глава 4. Невроз для снижения страха

Навязчивые фантазии

Сам термин «навязчивая фантазия» восходит к психопатологии. Выражение это подходит лишь там, где фантазия воспринимается как нечто навязанное – и более того, навязанное изнутри. Когда некто относит собственные или чужие навязчивые фантазии к действию чужеродных духов, демонов, ангелов-хранителей, то, разумеется, психология в работе с ними не должна принимать во внимание подобную трансцендентность.

Связь навязчивых фантазий с разумом и чувствами

Навязчивыми фантазиями мы называем такие, которым свойственна неотступность, доходящая до одержимости. Их интеллектуальное содержание отвращает своей скудостью; они почти не имеют значения; часто они банальны и тривиальны или становятся такими благодаря повторению, к которому принужден больной. Иногда они даже совершенно иррациональны и глупы – таким, например, является бессмысленное повторение звуков, – однако они стойко противятся критике, совершенно неприступны даже для очевиднейших контраргументов, назойливы, идиотичны и все время предлагают один и тот же явно бесполезный смысл, которым человек уже пресытился, ибо слышал его тысячи раз. Неотступно преследовать могут и фраза, исполненная смысла, ценная идея, мелодия – однако их бесконечное повторение во всевозможных ситуациях понижает их значение до тривиальности. За проявленной склонностью к навязчивым состояниям скрывается неведомый смысл, и именно это имеет значение. В этой скрытой фантазии, на которую навязчивая фантазия лишь намекает, содержится сила, избавляющая от страха. Она ведет свою работу, либо напрямую снижая сам страх, либо ослабляя напряжение, его породившее. Ослабление происходит путем частичного прорыва (в форме фантазии) одной из двух антагонистических тенденций. Это любопытный механизм: достоинство интеллекта снижается, а значение его повышается в невероятной степени.

Не меньше в навязчивых представлениях морального и эстетического обесценивания, а больше всего, наверное, поражает унижение функции чувств. Очень многие навязчивые фантазии неприличны и ужасны. Порядочный человек никогда не подчинится им добровольно. Но тонко чувствующие высокоморальные личности страдают и мучают себя сильнейшими незаслуженными упреками, потому что вокруг них постоянно маячат ужаснейшие слова, фантазии и мысли.

Одна дама с безупречным прошлым, чистейшими намерениями и искренней верой, почти отчаявшись, пришла ко мне в поисках исцеления от непрестанного потока бранных мыслей и богохульных представлений, отравлявших ее жизнь. Двадцатилетняя девушка, завидев широкоплечих мужчин, тут же представляла, как вонзит им нож между лопатками. (У ее отца были широкие плечи. В сознании она искренне его любила, однако ее привязанность обрела форму женского эдипова комплекса.) Обсессия прошла после недолгого анализа. – Страдающий меланхолией подросток, которому вскоре предстояла конфирмация, был одержим стереотипной фантазией: ему виделось, что некий мальчик, а иногда сестра, бьет его по ягодицам, приводя в неодолимое сексуальное возбуждение[82].

Некоторые навязчивые чувства содержат тщеславные самоистязания, никак не обоснованные объективно. Совершенно здоровая девочка печалится из-за того, что у нее пойдет гор-

[82] O. Pfister, *Die psychoanalytische Methode,* S. 549.

лом кровь[83]. Призывник страдает, уверенный, что он не переживет военную службу[84]. Смелого мужчину, мечтателя, безжалостно терзает вопрос гергесинского бесноватого: «Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас?» (Мф. 8:29) и изречение: «Приходит ночь, когда никто не может делать» (Ин. 9:4) (“Die psychoanalytische Methode”, S. 365). Демоны-мучители, говорящие из бесноватого, были для пациента воплощением его собственной сексуальности, отравляющей ему жизнь.

При этом страхи, взятые отдельно, молчаливо хранят тайну своих смысла и цели, отказываются уступить аргументам, сколь угодно ясным, издеваются над здравым смыслом и отстаивают территорию, будто у них есть на это полное право. Фрейд доказал, что эти навязчивые чувства, сколь бы вопиющим ни было их противоречие с бодрствующим состоянием их творца, все же всецело в своем праве, ибо только они придают адекватное выражение более сильным эмоциям.

И мы не должны забывать о возвышенных навязчивых фантазиях и чувствах, которые овладевают сознанием без рациональной причины. Из-за доставляемого удовольствия они обычно воспринимаются не как навязчивости; но если они проявляются слишком массово, может возникнуть желание, чтобы они исчезли, и тогда проявится их навязчивый характер. Каждый знает примеры религиозных стереотипов. Свободный протестант часто не может понять, как, например, они могут превратиться в религиозные потребности – например, в частое повторение одних и тех же молитв, – и как их прекращение может вызвать страх. Теория страха позволяет это осмыслить и дает сведения о том, почему и для благочестивых католиков, испытывающих невротический страх, стереотипная молитва может превратиться в мучение – и, опять же, как продолжать такую молитву без поставленной задачи со стороны священника, пока она не превращается в муку. Я сам не раз такое ви дел.

Истоки компульсий

Истоки компульсивных действий и идей требуют внимательного изучения. Под ними мы обычно понимаем торжество внешней силы над нашей волей. Такие состояния также подразумевают сопротивление внешним воздействиям и попытки их одолеть. При неврозе навязчивых состояний должно присутствовать только первое. Человек подчиняется влиянию, которому он противится. Однако за этим не обязательно следует поражение. Также в тех случаях, когда сильные влечения только действуют на волю, но не преобладают над ней, говорят о компульсивных симптомах. От навязчивых действий, конечно, легче защититься, чем от навязчивых образов, которые моментально попадают внутрь, когда их не ждут, и фантазия появляется до того, как начнется защитная реакция. Тем не менее, иногда может повезти так, что удастся изгнать неотступно преследующие слова, мелодии и мысли усилием воли. Однако чаще всего это получается только на время. Часто до этого временного освобождения даже не доходит – или же появляется иная навязчивая фантазия. Где чувственный исток этих фантазий, забирающих большую часть жизненных сил? Их прямой исток – страх, а возможно, боязнь страха; а косвенно они рождаются из наклонностей, вызывающих конфликт блокировок, который, в свою очередь, порождает страх. Когда друг с другом сталкиваются только слабые желания, страх не достигнет высокого уровня. Однако чем сильнее эротическое желание, ненависть, агрессия, садистское или мазохистское влечение к разрушению[85] – и чем сильнее барьер, поставленный совестью на их пути как предупреждение, постыдное осуждение, губительное обвинение или суровая кара, тем сильнее будет страх.

---

[83] *Ibid*., S. 113.

[84] *Ibid*., S. 138.

[85] M. Boss, *Körperliches Kranksein als Folge seelischer Gleichgewichtsstörungen*, 1940, S. 46.

Теория вытеснения объясняет любопытный факт, как глупые, незначительные, инфантильные, неправильные или непонятные представления и неполноценные чувства могут приобрести такой огромный авторитет: символически или иносказательно они выражают бессознательные фантазии, наполненные эмоциями, словно во сне. Малейшее пятнышко может заставить человека в ярости мыть руки, и причина в том, что задевается чувство вины, не раскрывая себя в своем истинном виде сознанию; и еще меньше ясна причина раскрытой вины.

Навязчивость объясняется не только императивным характером совести. Каждая боль действует как императив или запрет, если только не присутствует мазохизм: мне не «позволено» трогать раскаленную печь, это запрещено. Влечения тоже налетают порывами, и, при достаточной силе преобладают над противодействующими высшими склонностями. Можно вспомнить, например, отвращение, которое запрещает касаться неких объектов; похоже на это и головокружение в горах. Каждый, кто сознательно согрешает, обнаруживает этот конфликт влечений, хотя совесть не всегда представляет собой единственную повелевающую инстанцию – отдавать приказы может и влечение. Что делает навязчивые фантазии такими загадочными, так это изоляция – итог вытеснения. Тайные силы, порожденные влечением и совестью, устремляются из подсознания в сознание и придают навязчивым фантазиям их исключительную важность, их загадочность и их таинственный, повелевающий и, если дело касается религии, благоговейно-принуждающий тон.

Мы видим в навязчивых представлениях механизмы безопасности, созданные нашим же «Я» против внутренней опасности чрезмерного психического напряжения, – в высшей степени недостаточные и опасные механизмы, словно жар, защищающий больного. Фрейд говорит о «формировании реакции», с помощью которой «Я» защищается от развития страха, и напоминает: невероятно много энергии идет на поддержание вытеснения и направление душевных сил на то, чтобы позволить своему «Я» формировать эти компенсаторные структуры[86].

Под «формированием реакции» он понимает создание отклика «Я», посредством которого вытесненный импульс заменяется своей противоположностью: жестокость – состраданием, бессовестность – добросовестностью; удовольствие от мерзости, разврата и грязи – избыточной, педантичной чистоплотностью (навязчивое влечение вымыть руки)[87]. При этом «формирования реакций» – утрированные черты характера. Навязчивые идеи и действия, навязчивое мышление, навязчивое выполнение церемониала и невротические привычки в манере поведения забирают очень много сил.

Навязчивая сверхценность некоторых представлений объясняет и величину удовольствия от снятия напряжения или предотвращения боли. Религия играет в этом особо важную роль: вспомним невротика, который спасал себя от страха перед числом 13, глядя на церковную колокольню. Самые возвышенные и чудесные религиозные переживания часто являются формой снятия напряжения, что никоим образом не уменьшает их ценности.

Виды компульсий

Интеллектуализация редко может в полной мере защитить от страха; обычно часть остается, даже если страх больше не кажется абсолютно необъяснимым, а приписывается некой причине. Достигнутый покой еще не способен утихомирить влечения, породившие страх. Желание правдоподобного объяснения страха, рожденного чувством вины, приводит к появлению ужасных фантазий, ведь если страх ужасен, то ужасной должна быть и порождающая его инстанция, особенно когда вектор поиска для интеллектуального оправдания страха определяется стремлением себя наказать.

---

[86] Freud, *Vorlesungen zur Einführung*, GS., VII, S. 426.

[87] Freud, *Hemmung, Symptom, Angst*, GS., XI, S. 100.

Однако существуют и такие фантазии, которые, видимо, совершенно свободны от страха и даже вызывают приятное чувство. Последнее – определенный фактор удовольствия – содержится и в навязчивых представлениях, вызывающих страх, причем не только в утешительных, но и в тревожных. Иные люди спокойны, когда перед ними проходят ряды навязчивых цифр; бессонными ночами они со спокойной деловитостью считают овечек, заставляя тех прыгать через забор, и ничего не боятся. Возможно, навязчивые подсчеты станут обременительными для них, если продлятся слишком долго, а сон не придет, – но страха не возникает. Иногда человек без какого-либо аффекта или, по меньшей мере, без достойного внимания страха, произносит навязчивое слово, – как суеверные люди, которые, похвалившись здоровьем, стучат по дереву и тем устраняют ростки возникающего страха. Не вызывают страха, а то и доставляют удовольствие, определенные компульсивно-невротические классификации и логические построения, которые отвлекают от предмета страха и переносят акцент на удовольствие от интеллектуальной функции[88].

Иные навязчивые фантазии, свободные от страха, являют торжество сублимации над аморальными влечениями, но степень ликования выдает, что другие, злые влечения все еще скрыты в глубине.

Другие важные особенности навязчивых фантазий, а именно – их магические притязания и связь обсессий и инсессий, мы рассмотрим только после изучения навязчивых действий.

Навязчивые действия

Навязчивые фантазии и действия

Говоря о навязчивых фантазиях, мы по возможности затрагивали и действия: первые связаны со вторыми столь же часто, как обычные мысли и действия. И если коротко, то все, что можно сказать о содержании, цели, происхождении, осмыслении и вытеснении одного рода компульсивного поведения, подходит и для другого. При навязчивых действиях человек, очевидно, проявляет себя гораздо активнее, поскольку его мышцы действуют по его воле или, по крайней мере, ведут себя так, как если бы он хотел изменить и, по сути, улучшить действительность. При более внимательном наблюдении видно: это ожидание не выполняется. Если судить по эффекту, то навязчивые действия, как и фантазии, чаще всего духовно бесплодны. У постороннего наблюдателя, которому неведом их скрытый смысл, и те и другие вызывают одинаковое впечатление детскости, глупости, бессмысленности, тщетности, а так как им присваивается исключительная важность, смысл которой мы сможем понять, только проникнув в глубины бессознательного, в глазах несведущего невротик в рамках своих навязчивостей выглядит почти как душевнобольной, в то время как глубинная психология часто восхищается изощренностью, с которой выбираются способы выражения и с которой оказывает свое действие их символическая ориентация.

Молодая девушка на похоронах отца неожиданно разразилась громким смехом, и ее заподозрили в бессердечности, бестактности, несдержанности – однако она не заслужила этих упреков, ибо страдала неврозом навязчивых состояний[89]. Во время анализа вскрылся механизм, рожденный вытеснением и отторжением страха. Дочь, лишенная возможности открыто проявить свою ненависть, проявила свое подавленное желание – невольно и, насколько дело касалось ненамеренного прорыва симптомов, безвинно. Ее страх рос на возрастающих чувствах любви, неполноценности и робости, и не мог прорваться иначе. – Одаренный юноша

---

[88] Ср.: O. Pfister, “Das Kinderspiel als Frühsymptom krankhafter Entwicklung, zugleich ein Beitrag zur Wissenschaftspsychologie,” *Zum Kampf um die Psychoanalyse*, S. 457.

[89] O. Pfister, *Die psychoanalytische Methode*, S. 83. Сравните, сколь тонкие нюансы могут выразиться в писчих судорогах.

каждый раз, проходя мимо колодца, должен был вернуться и удостовериться, что не утопил там ребенка, хотя он знал, что ничего подобного не делал. Неспециалисту это покажется глупым, лишним, бессмысленным; но если принять во внимание, что юноша страдал неврозом навязчивых состояний, желал смерти младшему брату и нуждался в срочном избавлении от страха перед лицом подступающего безумия, то мы увидим, что эта форма защиты от страха достаточно разумна, и хорошо, что на ее месте не возникла какая-нибудь бредовая идея, например – абсолютная уверенность в том, что он и правда убил ребенка. При психозе нарушается восприятие реальности, при навязчивой идее оно остается невредимым. Юноша согрешил в мыслях; мысль вытеснилась, но оставила после себя в бессознательном чувство вины. Навязчивые действия – попытка успокоить совесть: «Ты никого не утопил!» Но совесть из бессознательного упрекает: «Ты все еще желаешь другому смерти!» Чувство вины, попытка освободиться от него и желание наказания сталкиваются в бессознательном и создают невроз навязчивых состояний, и, видимо, его недостаточно для утоления притязаний сознательного этического мышления.

Если говорить в светских терминах, то предвкушение религиозного умиротворения страха мы видим в любой церемонии, которая в пантомиме выражает жажду очищения от греха – например, в навязчивом влечении к омовению рук или примирению с обиженным.

Маленькому мальчику по ночам виделся стоящий у окна дьявол с горящими глазами. Ребенок наказывал себя за эротическое влечение подсматривать за матерью, удовлетворяемое при любой возможности. Его страх становился непереносимым, если мать не провожала его взглядом до двери, когда он шел спать. Так он символически убеждался в ее прощении. Здесь от сути тревожной галлюцинации (дьявола) защищают навязчивые действия, которые вмешиваются в реальность[90], разновидность «гомеопатического» защитного волшебства, которое принуждает мальчика подглядывать за матерью.

Нам важны предупреждения, которые невротики шлют самим себе – и которые чаще всего таят в себе наказание.

Больная, которую я наблюдал, каждую ночь ложилась в кровать с расставленными в стороны руками и просила приколоть ее булавками к простыне. Так она каялась в невольном сексуальном самоудовлетворении и исключала возможность его повторения.

Мы должны подчеркнуть важную разницу между навязчивыми фантазиями и действиями: действий можно избежать силой. Когда навязчивые фантазии, свободные от страха, возникают с трудом, например, мешает логика (там, где у нее еще сохраняется сила), тогда страх, от которого защищает обсессия, возникает снова. Однако чаще всего разумные возражения не одерживают верх. – Если же удается предотвратить навязчивое действие, на котором делается акцент, снова возникает страх невероятной интенсивности и тем подтверждается тесная связь между навязчивым компенсаторным действием и страхом.

Один из моих пациентов трогал все электрические провода, до которых мог дотянуться, стоя на полу и чаще всего удалив изоленту. Он постоянно подвергал свою жизнь опасности, и после долгой и полной слез борьбы отец заставил его поклясться, что тот оставит это занятие. Однако больной стал испытывать столь мучительный и непереносимый страх, что через месяц отец, снова пролив немало горьких слез, взял свои слова обратно и готов был рискнуть жизнью сына, лишь бы не видеть его в таком состоянии.

При насильственном препятствовании навязчивому поведению его обычно заменяет другое, еще более мучительное.

От рассмотрения дальнейших различий между навязчивыми фантазиями и действиями для наших целей мы можем отказаться.

---

[90] O. Pfister, *Die Liebe des Kindes*, S. 111.

Магический характер обсессий

Под магией мы понимаем планомерное произведение определенных действий с помощью таинственных сил, которые мы считаем сверхъестественными. Иными словами, человеческие действия приводят сверхъестественные силы в движение. Навязчивые фантазии или действия, намеренные или нет, часто связаны с верой в их магическую силу (ее еще неверно описывают как «веру во всесилие мыслей»).

Вспомним о пекаре, который, несмотря на протесты разума и веры, не мог отделаться от мысли о том, что высказанное им проклятие стало причиной смерти клиента.

У подростков неимоверно часто присутствует безобидная навязчивость – вера в приметы. Причиной всегда является страх – например, перед сложными вступительными экзаменами. Подросток говорит себе что-то вроде: «Если добегу до угла раньше трамвая, то сдам экзамен» или: «Не успею до верхней ступеньки, пока не закроется дверь – не повезет».

Сверхъестественное действие может ожидаться как во внешнем, так и во внутреннем мире.

Юноша испытывал беспокойство – за которым таился безотчетный страх, – каждый раз, когда проходил мимо стены и задевал ее рукой. Страх прекращался только тогда, когда он касался стены другой рукой. Он страдал от мысли, что ему не хватает «внутреннего равновесия». Благодаря навязчивому действию – прикосновению к стене сначала одной, а потом другой рукой – он символически восстанавливал нарушенное равновесие и испытывал удовольствие. Если он усилием воли заставлял себя отказаться от этого компенсаторного акта, то испытывал сильный страх.

Поистине, стоит исследовать истоки этой навязчивой магии – из которой, без сомнения, возникло магическое искусство, в связи с чем она может претендовать на большой интерес со стороны религиозной психологии. Тот, кто чувствует неодолимое побуждение к психическим или физическим навязчивым действиям, даже несмотря на самое активное сопротивление, чувствует, что испытывает действие чужеродной силы. Сперва он не обращает на нее внимания; она совершенно загадочна и таинственна. Но она навязывает себя душе и реагирует на душевные действия людей, и вывод о том, что она сама представляет собой духовную сущность, лежит на поверхности. Однако, когда речь идет о магии, этот вывод часто не делается – в отличие от религии. Там, где произвольные движения обычно являются навязчивыми – или им препятствует некая навязчивость, – больной часто списывает все на «нервы». Именно «нервы» вызывают странные движения, тот же *нервный тик,* или вводят в ступор, или склоняют к бессмысленным действиям, цель которых неизвестна или кажется почти отсутствующей.

Если страдающий позитивными или негативными навязчивостями заметит, что его симптом проявляется регулярно в одних и только одних действиях, то, возможно, его вера в «больные нервы» будет подорвана. Или если он спокойно берется за определенные предметы, но совершенно не может прикоснуться к другим или боится их трогать, тогда он поймет, что речь не только о нервах и мышцах, а действуют и духовные факторы.

Один из моих прихожан страдал от судорог при письме, которые начались с тех пор, как он завел роман на стороне. Анализ показывает, что сексуальные мысли у него вызывает именно ручка, а не само перо. Причина легко обнаружилась, как только он обратил внимание на символизм. Еще он не мог без труда взять кошелек. Стоило коснуться денег, и он больше не чувствовал затруднений, но если он отпускал деньги, пока пальцы находились в кошельке, он не мог вынуть руку. Писчий спазм исчез после нескольких консультаций, после того как он распознал в судорогах символическое предупреждение самому себе и самонаказание. Но потом, когда он уже спокойно писал, его кисть иногда сама собой разворачивалась, так что перо смотрело вверх, и писать было невозможно. Сны подтверждали, что у него в глубине души все

еще скрыто желание супружеской измены. Только после его преодоления с помощью анализа компульсии отступили.

До исцеления больной, пытаясь справиться со спазмом, яростно тряс пальцами – только так он мог с ним совладать, а на работе это обычно было невозможно, ибо над ним смеялись. Этот защитный «ритуал» помогал только на время и таил смысл: «Отбрось эти безнравственные отношения!» Конечно, он не знал значения судорог и способа, которым их преодолевал, как не знал и о том, что пантомиму требовалось заменить нравственным решением конфликта.

В то время как изначально царящая в навязчивостях сила кажется безличной, механической и действующей как природная, при ближайшем рассмотрении становится понятным, что навязчивые действия управляются определенными повелениями и запретами, то есть порождены духовными, личными стремлениями, ибо намерения не представить без устанавливающего их личного духа. Иные отождествляют неодолимую силу с демоном. Фриц Ройтер приписывал навязчивое желание напиться раз в квартал воздействию древнего змия, сатаны. Когда навязчивая идея преодолеть злодеяния, противоречащие намерениям «Я», одерживает верх, больной все реже делает вывод о присутствии божественных сил, что, между прочим, происходит и при истерических симптомах, которые предотвращают запретные действия, например – при импотенции.

Чаще всего больной не особенно размышляет о метафизической природе силы, принуждающей его к свершению тех или иных поступков. Некоторые просто позволяют себе обмануться – нервишки, мол, шалят. Можно было бы ожидать, что переживание навязчивостей, которые совершенно точно состоят на службе у нравственного порядка, станет толчком для размышлений о силе, тайно действующей в человеке; вытеснение этому препятствует, и потому достичь удается лишь примитивной метафизики. Схожесть защищающих от страха навязчивых действий с некоторыми непонятными церемониями заставила Фрейда сказать: «Невроз навязчивых состояний – карикатура на личную религию, одновременно и шутливая, и трагическая»[91].

При определенных обстоятельствах навязчивости встречаются вместе с галлюцинациями, как у вышеназванной «ведьмы XX столетия».

Когда речь идет о «магии», где сверхъестественная сила воспринимается как безличная, или о «волшебстве», где подразумевается личная сверхъестественная сила (однако различия нельзя провести последовательно), тогда неважно, обозначается ли первая как неизменно предшествующая во времени, даже если в целом это так[92].

Невроз навязчивых состояний и искусство магии предпочитают действовать иносказательно. При навязчивых симптомах «одержимый» чувствует, что находится во власти неодолимой силы, и часто невыносимо страдает. Мы видели, как при компульсивно-невротической защитной церемонии, воображаемой или драматизированной, одержимый с большим или меньшим успехом возносится над страхом и страданиями. Часто ему удается полностью снять проклятие. Тогда он становится господином неизвестной силы, прежде его угнетавшей. Раб таинственных воздействий превращается в победителя. Если до этого его понуждала к действиям некая разновидность потусторонней магии, то теперь он возвысился и сам принуждает к действиям неодолимую трансцендентную силу.

Для психологов очень увлекательно наблюдать, как при обсессии человеческая, мирская магия инстинктивно противопоставляется волшебству, действующему через трансцендентальные силы, и оба вида работают по одинаковым методам, а главный смысл действия искажается. Здесь речь идет обо всех видах магии, которые встречаются как при неврозе навязчивых

---

[91] Freud, *Zwangshandlung und Religionsübungen*, GS., X, S. 213.

[92] Bertholet, “Magie,” R. G. G., III, 1845.

состояний, так и в магической практике, в том числе и в тактильной магии, и в имитационном или «гомеопатическом» волшебстве.

Леди Макбет неодолимо жаждет вымыть руки. В состоянии бодрствования, как это следует из аналогии, она не знает (как нам приходится думать по аналогии), что пытается совершить, однако совершает это в состоянии сомнамбулы. – Магический путь удаления бородавок: на веревке завязывают узелки – столько, сколько нужно удалить бородавок, – и опускают ее в родник. Вода должна смыть в одном случае кровь, а точнее вину за убийство, а в другом – бородавки.

Черную магию сглаза удавалось отвести, когда мать мальчика, который боялся дьявола, провожала сына взглядом, или когда человек, боявшийся числа 13, смотрел на церковную колокольню.

В этой связи Фрейд справедливо замечает: «Основные навязчивые действия невротиков на самом деле имеют полностью магическую природу»[93].

В защитных обсессиях страдающий навязчивостью реагирует в точности на те же методы, как и те, которые послужили причиной страха. Здесь себя проявляют символизм, иносказание и психическая гомеопатия, как в народной магии или во многих обрядах, связанных с жертвоприношением.

Как это возможно, ведь невротик не знает об этих методах и явно не может их распознать? И как практика магии начала сознательно совершать то, что инстинктивно совершает отвращающий беду навязчивый ритуал? Ответ таков: защита от невроза навязчивых состояний не изобретается сознательно, а порождается инстинктивно, как и мучительная навязчивость; и более того, защита от страха развивается при тех же условиях, что и все остальные невротические симптомы, рожденные в подсознании – то есть при вытеснении и цензуре. Здесь нам не хватит места, чтобы показать это в подробностях.

Там, где есть страдание от навязчивой идеи, магию совершает неодолимая сила; там, где навязчивость удается изгнать, магию совершает «Я», – однако обе магии принадлежат одной и той же личности. Можно сказать и так: там, где имеет место защита от невроза навязчивых состояний, «Я» занимает место неодолимой силы и узурпирует ее оружие.

Влияние этой компульсивной силы, переживаемое субъективно, в воображении предстает как распространение во внешний мир, и то же самое объяснение приписывается человеческим защитам от принуждения, с помощью невротико-магических средств. В этой связи мы можем понять так называемую «веру во всесилие мыслей». Выражение, которое Фрейд перенял у одного из своих больных, не особенно удачно. Речь не о всесилии; на деле другие лишь узнают мысли пациента, а сам он – мысли других, причем таинственным, необъяснимым с естественных позиций и, следовательно, магическим образом; имеют место и соответствующие эффекты, которые хоть и ограничены в сфере действий, все еще считаются достаточно сильными, чтобы убить человека. Эта вера невротиков, а точнее, суеверие, – особый случай компульсивной магии. Но мы не должны упускать и то, что вера в магический перенос фантазий и сил имеет место, когда такие мысли или действия происходят лишь один раз; им незачем становиться стереотипными сериями.

Вот пример того, как мыслям других приписываются магические свойства. Девушку в двух магазинах охватывали страх и беспокойство, когда там горел свет. То же самое происходило на вечерне в церкви. Эти симптомы проявились у нее уже после того, как множество других, более важных, благодаря душепопечительскому анализу исчезло. Болезнь была вызвана эротическими конфликтами, восходившими еще ко времени ее конфирмации. Многие годы она поддерживала сексуальные отношения с одним женатым родственником. Теперь она их прервала и хотела обрести мир с Богом. В магазинах она только тогда испытывала страх, когда

[93] *Totem und Tabu*, GS., X, S. 108.

ее могли видеть стоящие на улице люди. Странным образом она боялась того, что они *увидят* ее нечистую совесть. Совесть мучила ее больше всего, когда вместе с матерью она посещала вечерние службы и концерты в церквях, тогда как вне церкви она успешно убеждала себя, что у нее есть право на свою «чистую и благородную» любовь. Страх на вечерних богослужениях был бессознательной регрессией к тем ситуациям, во время которых она не могла сдержать свою совесть. В освещенных магазинах она по необходимости была на виду. Прежде она не придавала значения тому, что о ее поведении думают люди. Но теперь она наказывала себя тревожной фантазией.

Теперь понятно, почему невроз навязчивых состояний напоминает магию: он старается через отношение к образу или имени повлиять на обозначаемый ими объект. При компульсии человек, например, не может коснуться зонтика или ручки подвального люка, ибо те приобретают фаллический смысл, что ясно видно из множества подобных случаев. Страх прикосновения на самом деле обращен не на запретный предмет, а на нечто иное – на объект, который остается вытесненным, чтобы избавить сознание от страха, рожденного чувством вины.

Один из моих пациентов, молодой человек, пошил себе весьма широкие брюки, опасаясь, что иначе, наклонившись, он может испытать греховное сексуальное возбуждение. Он не производил никаких аутоэротических действий, и совесть его была спокойна, но позднее у него развился страх подвальных люков и зонтов, открывание которых сильно его возбуждало и создавало впечатление запретного. Однако он не осознавал, что те символизировали эрекцию и мастурбацию.

Прежде чем совершить убийство, преступник пытался прикончить ненавистную жертву так: он вбивал гвоздь в сердцевину молодого дерева и произносил имя жертвы. Лишь после того, как это не принесло результатов, преступление было совершено в действительности.

Навязчивые действия, подобно магии, стремятся к цели, которой не достичь в реальном мире без помощи неких неведомых сил, которым приписывается метафизическая значимость, хотя за ними, конечно, скрывается бессознательное. Здесь незачем рассматривать возникающие при этом регрессии в инфантилизм и примитивность.

Компульсии и педантизм

Многие навязчивые действия только тогда оказывают успокоительный эффект, когда осуществляются с дотошной точностью. Малейшая оплошность не только делает навязчивый ритуал бессильным, но часто даже усиливает страх. Это тем более странно: ритуалы практически бессмысленны, и только во время анализа удается найти причину, по которой точнейшему осуществлению навязчивой церемонии придается такое большое значение.

Один невротик, принимая ванну, обязательно должен нырнуть и сосчитать до 39, чтобы успокоиться. Если он считает слишком быстро, его охватывает страх, что он мог пропустить число, и он должен начать сначала. Он еврей, а ритуал несет смысл самонаказания – у евреев допустимы только 39 ударов плетьми (2 Кор. 11:24). Погружением под воду больной выражает стремление к очищению (ср. крещение Иоанна), счетом – раскаяние, и оба действия принимают форму самонаказания.

Один католический священник, страдающий навязчивым страхом, обратился ко мне за душепопечительской помощью. Уже лет десять он не мог выполнять свои обязанности: после причастия ему неодолимо хотелось вытереть блюдце для гостий, а его мучил вопрос, являются ли непропеченные места гостий истинным Телом Христовым или нет. Он молился, желая обрести ответ, и получил его, но покой продлился недолго. Его охватил страх, и ему пришлось снова молиться о том, чтобы получить уверенность в ином ответе, однако страх опять утих лишь на короткое время. Та же тревога терзала его и в связи с переводом Библии. Он знал греческий и замечал ошибки в официальном переводе святого Иеронима. Чему верить: ори-

гинальному тексту или переводу, принятому Церковью? Одно время он молился и так, и так, не сумев обрести мир в душе. Так он страдал от противоречащих навязчивых идей. (Это случается часто. Иногда больной обходит камень справа, но навязчивая идея заставляет его свернуть, обойти камень слева, и он боится, что все же должен был обойти справа). Священник держался высоких нравственных стандартов, и невроз навязчивых состояний покинул его лишь тогда, когда мы вывели в сознание конфликты, восходящие к раннему детству, и нашли для них решение, удовлетворяющее его совесть.

Мы помним, что во многих религиях церемония должна совершаться с дотошной точностью. Жрецы Заратустры считали, что мельчайшего отклонения от литургического порядка или малейшей оговорки достаточно для того, чтобы объявить всю церемонию недействительной. И Лютер боялся того, что самая незначительная ошибка, забытое слово, неправильное движение сведут на нет истинность Тела Христова[94]. Для каждой ортодоксальной религии поразительно характерен страх перед таинственными, иррациональными писаниями священной книги, перед церковной догмой или деталями церковной церемонии (таинства), которые мы столь часто встречаем в ритуале невротиков. Эту загадку решает лишь глубинно-психологическое обоснование невроза. Но уже сейчас стоит отметить: есть очень значительные различия, возникшие в связи с коллективностью культа, и до сих пор им придавали слишком мало значения. Мы обратимся к ним позднее.

Очень важно то, что навязчивая фантазия или действие, призванные снять страх, сами могут быть наполнены сильнейшим страхом. Именно это перенесение страха заставляет человека дотошно цепляться за тексты, догмы и церемонии и фанатично и беспощадно гневаться на скептиков. Жестокость к еретикам большую часть своей злобы получала из страха: ведь под угрозой были способы его умиротворения!

Обсессии и инсессии

Под обсессией мы понимаем представление или действие, которое нам навязывается или пытается навязаться. Оно в прямом смысле «наседает на нас», как говорится в его названии, или мы чувствуем себя «одержимыми» им. Кроме того, мы его отвергаем.

Но есть обилие представлений и действий, которые мы одобряем и считаем своими произвольными свершениями, когда на самом деле, несмотря на кажущиеся принципиальные различия, они по истокам и структуре являются близкими родственниками обсессий и даже легко в них переходят. И такие фантазии, и такие действия призваны отгонять страх.

В качестве примера приведу очень частые и разнообразные привычки при гулянии по улице: в определенном возрасте их формируют почти все, не воспринимая их как навязчивость. Некоторые тщательно избегают линии, соединяющей два бордюрных камня на тротуаре, многие с такой же обязательностью на эти камни наступают, иные время от времени делают и то, и то. Если они при этом обратят внимание на свои странно длинные или короткие шаги и постараются этого избегать, то вдруг поймут, что у них это или вообще не получается, или получается лишь на короткое время, и тогда начнут воспринимать эту привычку как навязчивость, хотя обычно она не приносит особого неудобства. При внимательном исследовании обнаруживается, что упомянутыми стратегиями управляет символизм выражений «преступить черту» и что речь все время идет о некоторой, пусть даже незначительной, попытке отогнать страх и часто уклониться от него.

Один юноша, за которым я наблюдал, следовал этой привычке перед домом пастора, который проводил его конфирмацию. Он преодолевал свой страх, исходящий из чувства вины,

---

[94] O. Scheel, *Martin Luther*, II, S. 97. Автор опровергает это утверждение Кёстлина и иже с ним, ибо монах узнал благодаря Билю, что это не смертный грех. К сожалению, Шеелю незнаком невроз навязчивого страха, что является недостатком его блестящей книги. См. ниже, гл. 14 «Мартин Лютер», раздел 1.

и с помощью пантомимы выражал мысль, что не виноват ни в каких «преступлениях». Другой, который в определенных местах бордюрной дорожки делал определенное число шагов по каждому камню, независимо от того, короткими те были или длинными, и считал при этом шаги, во время анализа заметил, что таким образом отвлекался от непристойных рисунков на противоположной стене[95].

Условия возникновения таких мнимо произвольных привычек, которые легко переходят в навязчивые действия, одни и те же, только в одном случае «Я» их поддерживает и совершает с чувством свободы, а в другом – отвергает как тягостные и навязанные. Случается, человеку удается наладить компромисс с навязчивостями, и те действия, которые до этого осуществлялись с чувством внутреннего сопротивления, он производит по собственной воле. Инсессия дает иллюзию свободы.

Навязчивости называют обсессиями (первый слог подчеркивает положение «Я»), а инсессиями я называю любые фантазии, чувства и действия, такие же по истокам и сути, но рожденные по воле самого «Я».

Иногда все поведение человека заморожено в состоянии компульсивной строгости и устремлено в особом направлении силами, действующими в его подсознании. Таковы люди с компульсивным характером. Они не чувствуют навязчивых идей, ибо ассимилировали со своим «Я» невроз навязчивых состояний и предали себя не обсессии, а инсессии. Их состояние также не считается патологическим. И, тем не менее, силы, действующие в глубине их душ, могут привести их в самые необычные жизненные ситуации – «заставить, но не покорить», как говорили во времена Кальвина. Часто они гораздо радикальнее уродуют свою жизнь, чем обычный невротик. Их тяга к обществу, как правило, сильно ограничена во многом, а то и во всем, вплоть до полной асоциальности. Но если, при удачном стечении обстоятельств, эти утраты компенсируются значительными достижениями в других областях, итог их жизни может оказаться необычайно успешен; впрочем, в жертву этому приносится их счастье.

Религиозно-психологическое исследование страха должно отметить это различие уже хотя бы потому, что оно проявляется при некоторых проявлениях набожности, например, при откровениях свыше. Часто некая мысль, сперва воспринимаемая как собственная, в дальнейшем возводится к непосредственному сообщению от трансцендентной силы, часто от Святого Духа – и наоборот. И еще нужно иметь в виду, что есть такие обсессии и инсессии, которые случаются лишь раз и не повторяются.

[95] O. Pfister, *Die psychoanalytische Methode*, S. 334.

Глава 5. Успехи и неудачи защиты от страха

Успехи: снижение страха, сублимация, нравственное развитие. Неудачи: мучения, утрата любви, моральная травма

Страх – одна из самых тяжелых угроз душевному здоровью. Нунберг объясняет в своем «Общем учении о неврозах»: «При психоневрозе, как правило, невротические симптомы приходят на смену страху. Их связь инверсивна: там, где возникают симптомы, исчезает страх или его интенсивность уменьшается»[96]. Как правило, так оно и происходит, но уменьшение страха при возникновении невротического симптома часто очень незначительно. Поэтому я говорю о неврозе навязчивого страха в тех случаях, когда страх играет в компульсии значительную роль, в отличие от других неврозов навязчивых состояний, когда этого не происходит или когда роль страха мала. В качестве примера приведу одну больную, которая постоянно в страхе спрашивала: «Вы уверены, там ничего? (= там нет занозы?)». Каждый день по шесть часов, под присмотром двух надзирательниц, она должна была мыться, стоя в ванне, а по ночам просила привязывать себя к простыне с широко раскинутыми руками. Почти все ее силы много лет уходили на совершение навязчивых действий, которые она превратила в культ. Она испытывала невыразимые страдания. Когда другие люди ее успокаивали, то это действовало только на короткое время. Снижение страха неврозом может вести к полному краху жизни и ужасным страданиям до конца дней. Другие формы невроза могут или проходить достаточно благополучно, как легкая фобия, которую уже потому можно считать незначительной, что можно легко избегать причин для ее возникновения – например, при той же горной болезни. Очень многие слабые невротические симптомы воспринимаются как нормальное явление. К ним относятся как к незначительным глупым привычкам, и это справедливо. И неврозы характера, развившиеся на почве страха, обычно не считаются патологическими, если не достигают высокого уровня – надменности, робости, лживости, многих форм криминальности. При очень многих неврозах искажения характера приносят с собой несравненно больше страданий, чем патологические симптомы в медицинском смысле.

Некоторые могут развить навязчивые фантазии до такой степени, что страх на время исчезает, если навязчивый ритуал совершается без помех. У других страх снижается лишь немного (при неврозах навязчивого страха).

Но нельзя забывать, что без страха не возникли бы многие из величайших достижений человечества в науке, искусстве, морали и религии. И более того, понятие патологии обусловлено в том числе социологически и до определенной степени подчинено тому, что в некий временной отрезок принято считать здоровьем. Ценные последствия страха часто встречаются вместе с губительными. Нет, Кьеркегор, конечно, слишком далеко заходит, защищая страх. Его фраза: «Чем меньше страха, тем меньше духа»[97] ложна по сути. Она – лишь прославление его собственного патологического страха, который со временем превратился в пожизненную меланхолию. Философ выдает нужду за добродетель. Но в его фразе скрыто разумное зерно. Бессовестные люди, живущие инстинктами, не испытывают страха, рожденного чувством вины. В столь обобщенной форме нелогично предполагать и обратное, будто страх – не признак несовершенства. Все зависит от того, чем кончатся попытки защититься от него:

---

[96] H. Nunberg, *Allgemeine Neurosenlehre auf psychoanalytischer Grundlage*, S. 173; H. Meng, *Psychoanalytisches Volksbuch*, S. 180.

[97] Kierkegaard, “Der Begriff der Angst,” *Zur Psychologie der Sünde, der Bekehrung und des Glaubens,* trans. by Schrempf, Leipzig, 1890, S. 39.

победой или поражением. Совершенно хороший человек – живи такой на свете – не ведал бы страха, ибо не знал бы чувства вины и всегда мог бы утолить жажду любви в возвышенном смысле. Нанесение вреда эффективности и удовольствиям в одном месте может, как открывает нам навязчивый характер, породить равные или более чем равные компенсации в другом; и в таком случае было бы ограниченно говорить об этом только в критериях физического здоровья. Успешная сублимация по своей ценности, без сомнения, не уступит облегчению страха.

Наибольший триумф отторжение страха празднует, очевидно, при любых находящихся в его распоряжении фантазиях или действиях, не только свободных от страха, но и воспринимаемых как высочайший восторг, свобода и привилегия. К сожалению, нередко их оберегают с фанатичной дотошностью, а их оспаривание вызывает гнев, негодование и активную борьбу против напавшего. Если это инсессии, то люди с негодованием отвергают довод о том, что те отчасти возникли из-за невроза, – что, кстати, необязательно наносит вред их достоверности, сколь бы очевидными ни казались психологам реальные факты. Энергия, которой они наполнены (сверхценность), рождается из воли к удержанию страха на расстоянии. Чем сильнее страх, от которого нужно защититься, тем более сильными должны быть фантазия или действие, призванные преодолеть этот страх. Об исцелении здесь речь, конечно, не идет.

Некоторые могут развить компульсии до такой степени, что страх полностью исчезает, если навязчивый ритуал проводится без помех; некоторые таким образом испытывают только облегчение страха; для этих часто встречающихся случаев я предложил выражение «невроз навязчивого страха».

Пример: молодой человек пылко поддерживал требование отделения Церкви от государства, которое не уставал прославлять как огромный шаг вперед. Он переводил на эту тему любой разговор, и потому над ним часто смеялись. Во время анализа выяснилась следующая причина появления сверхценной идеи: молодой католик страдал от неудачного брака родителей и испытывал невротическую блокировку чувства любви, симптомом которой был страх. Он считал, что развод – правильное решение, но Католическая Церковь запрещает разводы, и то, что родители просто разъехались, стало для него невыносимым. Он перенес конфликт в область политики: государство у него представляет собой отца, а Церковь – мать, что соответствует роду этих слов в немецком. В политике для него разрешение конфликта возможно, и потому он столь фанатично взялся за эту проблему. В стремлении защититься от страха таится причина многих капризов и причуд, не имеющих ничего общего с тем, чему посвящены.

Но в борьбе с навязчивыми идеями, словно в болоте, тонет так много душевных сил, и так мало остается тех, какие можно направить на любовь, что мы не можем говорить об удачной сублимации. Пусть этика и религия решают, как лучше всего бороться со страхом. Если понимать под сублимацией вместе с Фрейдом замену сексуальной цели «более отдаленной и более ценной для общества»[98], то при определенных обстоятельствах нравственное развитие (при котором, в соответствии с сексуальной этикой Иисуса, также нужно одобрить и секс, о чем мы еще скажем), или, в религиозных терминах, полное предание себя Богу, нужно отметить особенно, как наилучший способ совладания со страхом; оно включает в себя исцеление от страха и его невротических воздействий, а также оптимальные компенсации.

Также стоит отметить, что страх и борьба с ним оказывают сильное влияние на философские и религиозные воззрения[99]. Не нужно быть блестящим знатоком людской природы, чтобы узнать в богословии Кьеркегора или в его полемике с Мартенсеном и Церковью отражение его страха, а точнее – страха, рожденного чувством вины и тесно связанного с его отношением к отцу. Другим удается полностью преодолеть страх, и всей своей религиозной жизнью они выражают радость от обретенной свободы в любви Божией.

---

[98] Freud, *Über Psychoanalyse*, GS., IV, S. 404.

[99] O. Pfister, *Zur Psychologie des philosophischen Denkens.*

Медицинский подход (применяемый в сути проблемы) ведет нас к заблуждению: он подразумевает, что любой страх – это нечто плохое, а любое устранение страха – победа. Нет ничего более неправильного! Попытка устранить страх может нанести ущерб всей личности, и, возможно, этого недостатка не избежать. Так, например, любой невроз навязчивых состояний связан с потерями в любви, даже если он сам особых проблем не вызывает, и энергия, которая могла бы пойти на принятие нравственных решений, тратится на компульсии. И наоборот, из конфликтов, связанных со страхом, могут возникнуть высочайшие сублимации: для медицины и жемчужина – итог болезни. Врач как таковой призван лишь изгнать страх, мешающий пациенту. Религиозный психолог и специалист по религиозной гигиене придерживаются иных взглядов.

Принципы диагноза

Нельзя предсказать, получится ли защититься от страха, если нам известна лишь его степень. Порой тяжелейший страх преодолевается легко, а легкий устранить почти невозможно.

Страх может быть определенным симптомом болезни, но иногда овладевает и здоровым человеком. Если не брать во внимание некоторых органических заболеваний, которые нас сейчас не интересуют, страх играет главную роль при тревожных неврозах, при меланхолии и в депрессивной фазе маниакально-депрессивного психоза в циклотимии (два последних случая часто трудно отделить друг от друга). Но сильный страх может присутствовать и при шизофрении в кататонической и параноидной формах, и при прогрессирующем параличе. В чистом виде, между прочим, в действительности они почти не встречаются, таким образом, некоторые авторитетные психиатры даже говорят о «едином фундаментальном психозе» и отрицают существование вышеназванных болезней, потому что в каждом конкретном случае соединяются различные типы, хотя главенствовать может только один или другой.

В то же время мы придаем особое значение тому факту, что у здоровых людей очень часто встречается приближение к различным типам упомянутых болезней; при этом решающую роль в том, будет ли человек причислен к больным или к здоровым, играет положенная в основу норма и более или менее строгое следование ей. Поражает «эластичность» утверждения о том, что болезнь – это помеха в нормальном состоянии пациента, значительно ослабляющая самочувствие и работоспособность последнего. Нельзя смешивать понятия «отклонение от нормы» и «болезнь». Нет абсолютно нормального тела, но бородавки, выпадение волос, родинки обычно – хоть и не всегда – к болезням не причисляются.

Исцеление любовью

Теперь обратимся к тем случаям, когда крах потерпели все способы защиты от страха – и эмоциональные (вытеснение; замена другими эмоциями: гневом, унынием, жаждой мести), и интеллектуальные (фантазии, призванные снизить страх; компульсии), и замещающие действия, содержащие символическое разрешение конфликта – особенно действия навязчивые. Вслед за этим приходит неудовлетворительное состояние, и требуется помощь. Возможно, это непереносимый страх вины, или мучительная навязчивость, или истерическая боль, или иное душевное страдание, связь которого с виной или со страхом, ею рожденным, порой удается распознать только после тщательного исследования. Так как любой страх (в противоположность боязни) рождается из блокировки чувства любви в самом широком смысле этого слова (1 Ин. 4:18), то очевидно, что речь идет об освобождении любви, о создании для нее нового канала и о самом влечении к жизни.

Преодоления возникшей боязни с помощью любви мы коснемся лишь слегка. Кошки, которые обычно боятся собак, бьются с теми, если их котятам грозит опасность. Так и у людей –

любовь вызывает высшую храбрость. Это несложно заметить как в мирные, так и в военные времена. Но обратимся к освобождению от страха.

Даже когда страх удалось умиротворить на короткое или долгое время, внутреннее равновесие, опять же, может разрушиться. Это происходит тогда, когда голос совести, в особенности под воздействием внешних влияний, начинает судить более строго или иначе, чем прежде, или если усиливается склонность к обвинению, или если фантазия, вызывающая страх, достигает критической степени и кажется непереносимой, или когда защитные навязчивые действия наталкиваются на препятствия. Тогда приходится искать и находить новые фантазии и личные ритуалы. Часто, когда эти поиски принимают мучительный характер, новый способ борьбы со страхом с силой вырывается из подсознания и воспринимается как озарение или чудесное откровение, часто сопровождаемое чувством максимального удовольствия.

Эта новая и сильная фантазия, устраняющая страх, может создать столь удачные возможности для воплощения любви в жизнь, что уход во власть навязчивых идей – относительная защитная мера против страха – становится излишним. Страх и компульсии отступают, ибо замещающее удовлетворение в виде фантазии стало удачным решением конфликта между совестью и противоречащим ей влечением, – того самого конфликта, который прежде решался плохо через машинерию симптомов. Многие из самых влиятельных инноваций в религии возникли именно в такой борьбе, направленной на более полное преодоление страха. Может, совесть больше не находит успокоения в прежней вере; или влечения непреодолимо воспротивились их традиционному укрощению; или логические аргументы повредили рационализированную структуру веры – и в итоге может сформироваться новое убеждение, которого достаточно для требований различных душевных инстанций. Тем самым – и мы не скажем здесь ничего неожиданного – решающий момент состоит в открытии нового дара любить и новой способности вершить жизнь через сублимацию, нравственное поведение и полное предание себя Богу; и неважно, является ли аргумент, при помощи которого это осуществляется, логически совершенным и адекватно реалистичным.

Освобождение от страха, рожденного виной, и от воздействий неудачного отторжения страха, прежде всего от навязчивостей, может проходить интуитивно или системно; оно может следовать за актуальным опытом (часто после долгих мучительных раздумий) или идти по научным принципам. Было бы самонадеянно и дерзко для психологии настаивать на том, будто строго методичное преодоление страха и навязчивостей *априори* более выгодно. Грандиозные творческие вдохновения религиозной истории, пережитые людьми, испытавшими их как откровения, не только устраняли страх и навязчивости, но во многих случаях вели за собой столь высокие культурные достижения, что лишь скучный интеллектуализм, неспособный постичь смысл высших человеческих ценностей, мог отзываться о них пренебрежительно. И только педант способен видеть высшую цель в самом преодолении страха. Нужно ли презирать жемчужину, если та возникла из-за болезни раковины?

Осуществление любви, ведущее к преодолению страха, рожденного виной, в светской практике направлено прежде всего на отдельных людей, а в случае анализа – главным образом на аналитика («позитивный перенос»). Но важность аналитика просто в том, что он выстраивает мост в мир людей. Впоследствии этот мост может рухнуть. В христианском избавлении от страха, вызванного угрызениями совести, любовь направлена на Христа или напрямую на Бога, который при этом превращается из карающего Яхве в любящего Бога Отца, о котором проповедовал Иисус. Если говорить о религиозном переживании, то в определенном смысле каждый христианин, исцеленный от страха вины и вызванных тем невротических симптомов, переходит из иудейской веры в христианскую. Психологически более точно мы могли бы сказать: каждый, кто исцелился от греха на религиозном пути, чувствует себя обращенным из ветхозаветной веры в христианскую. «Совершенная любовь изгоняет страх». Конечно, обретшему благодать чаще всего неизвестен тот факт, что освобождение от иудаистского невроза

навязчивых состояний через евангельскую форму религиозного переживания, основанную на любви Божией, согласуется с обращением из определенного вида иудаизма в христианство. У людей нерелигиозных все происходит примерно так же[100].

Анализ подсознания

Не менее важно подчеркнуть еще один факт. Есть ценнейшие средства, призванные совладать со страхом и преодолеть те навязчивости, которые неспособны вывести конфликт на свет и, несмотря на присутствие рационализированных размышлений, оставляют его в бессознательном и ведут к замещению – «малому злу». Но существует неимоверно много невыносимых страхов и мучительных компульсий, которые просто нельзя так прекратить. Никто не ждет от религий, нравственных учений и ритуалов, что они устранят каждый страх и все неврозы навязчивых состояний. Здесь требуется аналитическая помощь – форма духовной заботы, строго методичная, основанная на принципах науки и доведенная до практического совершенства ради атаки на болезнь. Об этом аналитическом глубинном душепопечительстве, при котором решающее значение имеет активация нормальной способности любить, здесь не стоит говорить более подробно[101].

Избавление от страха. Анализ и синтез

Скажем еще несколько слов об избавлении от страха. Опытно-интуитивный способ избавления от страха, который всегда происходит после снятия «блока» любви, может идти двумя путями. Первый – признать осуждающую совесть в качестве авторитета и попытаться уладить конфликт, из которого рождается чувство вины, с помощью более точного исполнения ее заповедей, действительного или символического; это, если можно так сказать, наиболее эффективное *обязательство*. Так происходит, например, при символическом жертвоприношении, через принятие наказания, или когда внешнее искупление (та же искупительная смерть жертвы) происходит ради упомянутой личности. Здесь имеет место своеобразный отказ карателя от преследования виновного, и справедливость обрушивается на другого, а не на того, кому вменено наказание. Измениться может и осуждающая роль совести, когда в ее грозный характер добавится всепрощающая любовь, – это процесс, сопровождаемый своего рода *ослаблением*. В таком случае кара заменяется помилованием и, более того, помилованием добровольным, и вина прощается даром. Настоящая милость дается только в дар. Оба способа, которые мы можем назвать синтетическим и аналитическим совладанием со страхом, снижают напряжение и открывают для любви более или менее широкий путь.

Если сила, представляющая совесть, сохраняет угрожающий характер, то новые религиозные представления и ритуалы должны обрести очень сильный чувственный тон, если желают снизить уровень страха.

Синтетический метод, который постулирует волевую кару, запрещает зло со всей строгостью и делает искупление ключевым условием для избежания наказания, при устранении сильного страха необходимо применять с наивысшей осторожностью, но в то же время и очень интенсивно. Там, где страх формирует реакцию, он часто превращается в компульсию. Страх перед религиозным объектом (Богом) переносится на религиозные функции (символ веры и ритуал), и религиозные требования выполняются с дотошной точностью, а небольшое отклонение воспринимается как тяжкий грех. Страх, рожденный чувством вины, заменяется страхом, связанным с догмой и ритуалами, вступающим в действие только при нападениях на уче-

[100] O. Pfister, “Neutestamentliche Seelsorge und psychoanalitische Therapie,” *Imago*, XX, S. 428.

[101] Ср.: O. Pfister, *Analytische Seelsorge,* Göttingen, 1927.

ние и на церемонии. Так новый страх или предрасположенность к нему возникает на месте старого; так новая компульсия заменяет прежнюю. Подчинившись ей, человек может ощутить высшее удовлетворение и даже свободу. Любые внешние вмешательства в новую систему удовлетворения в таких случаях ожесточенно и фанатично отклоняются, ибо в них скрыта опасность возвращения в страх и боль.

С точки зрения патопсихологии такое снижение уровня страха не замещает исцеления, даже несмотря на субъективное удовлетворение; страх постоянно подстерегает на фоне и требует того, чтобы фантазии, призванные для избавления от него, формировали мощную реакцию. Это тот же невроз навязчивых состояний, только в новой одежде. Замещающее удовлетворение успешнее прежнего, и часто настолько, что новое обязательство, которое изгоняет страх и устанавливает на его месте удовольствие, воспринимается как спасение и почитается как священное. Такое, как мы увидим, нередко происходит при смене религиозных убеждений и институтов.

Другой способ, аналитический, понимаемый в самом широком смысле, предназначен для того, чтобы полюбить саму вершащую суд инстанцию и освободить ее от жуткой строгости, препятствующей любви. В определенных обстоятельствах это может произойти даже вне сферы религии, если нравственные законы ослабляются и больше ориентируются на доброту. Религии, приписывая Богу больше доброты, благосклонности и любви, обеспечивают более заметное избавление от страха, чем этот тайный метафизический метод. Критическая и в определенной степени аналитическая работа может начаться при воздействии на замещающие удовлетворения. Тот, кто страдает от навязчивого мытья рук, может с помощью постороннего человека, того же аналитика, обратить внимание на то, что жест омовения, как предполагает совершающий его, должен очистить душу, но в действительности не может этого сделать. Или можно до такой степени усомниться в религиозных представлениях и обрядах, что те перестанут избавлять от страха – тогда страх усиливается и призывает новые защитные меры морального или религиозного характера, либо полученные от кого-то извне, либо найденные самим пациентом; эти защиты воспринимаются как освобождение не только от страха (особенно страха, рожденного чувством вины), но и от прошлых защит (догм и церемоний, наложенных внешним миром), ныне воспринимаемых как мучительные компульсии. В таком случае новые защитные меры принимаются и лелеются с величайшим восторгом. Новая вера в любовь и милость Божию также может прекратить страх, но только в том случае, если она переживается с любовью. Разумеется, нормативная инстанция и отторжение страха должны точно соответствовать друг другу.

Наряду с двумя методами преодоления страха, синтетическим и аналитическим, есть еще третий – слияние обоих, при котором создаются компромиссы. Здесь страх, рожденный чувством вины, и боязнь наказания устраняются не добровольным прощением и не прямой карой. Происходит скорее вот что: строгая наказующая инстанция воздерживается от наказания в полном объеме и удовлетворяется символическим его исполнением (принесение искупительной жертвы) или погашением вины через кого-то другого (искупительная смерть Иисуса), причем любовь и прощение входят в характеристики нормативной инстанции (Бога). Понятна обратная связь между прощением и искуплением: чем больше искупление, тем меньше требуется прощать, и наоборот. Разумеется, при полном исполнении наказания не остается места для прощения, а там, где прощается все, об исполнении наказания не может быть и речи. Психотерапевт предоставляет клиенту и выбор сублимации, и решение об аналитическом или синтетическом способе совладания со страхом; католический духовник ограничится лишь синтетическим решением вопроса, в соответствии с учением Церкви, а протестантский пастор может открыть путь и для аналитического метода (чистая милость без искупления), и для аналитико-синтетического, и для синтетико-аналитического (прощение, дарованное искупительной жертвой Христа с сильным подчеркиванием или милосердия, или искупления).

Можно ли полностью освободить пациента от страха и компульсий или возможно только новое закрепощение – это зависит от вида и силы блокировок, порождающих страх. Этим обусловлено и то, что новая привязанность или новое освобождение (спасение души), которые доставляют величайшее счастье одному, другого оставляют равнодушным или отталкивают. Вера в то, что одна и та же нравственная (или безнравственная) идея, религиозная фантазия или действие может для всех казаться спасительным откровением от Бога, – роковая ошибка для психолога. Единой доктрины спасения, способной принести счастье и блаженство даже всем тем, кого методично анализируют, не существует. И потому для аналитиков так важно, чтобы их пациенты сами выбрали для себя новый образ жизни. Сможет ли когда-нибудь проявиться христианское учение о спасении, способное осчастливить всех, – это зависит от того, имеются ли у человека в подсознании соответствующие комплексы. Идеальному методу преодоления страха и обеспечения выхода для освободившихся сил – или по крайней мере наилучшему из возможных – мы посвятим заключительную часть книги.

Душепопечительство, образно говоря, требует обратить людей, которых нужно освободить от невротических, патологических, религиозных и нравственных осложнений (исключая те, что имеют душевную природу в медицинском смысле), от Ветхого Завета к Новому, или, выражаясь иначе, перевести их с юридического на медицинский факультет. Мы знаем, что неврозы и подобные им моральные конфликты представляют собой самобичевание. В неврозе царит не только принцип *jus talionis* – «око за око» – но и жестокий принцип «сурового суда», требующий не равноценности вины и наказания при определении налагаемой кары, а еще и усиления наказания – принцип, который очень легко переходит в несправедливость. Невротик непременно приговаривает себя к наказанию и, при определенных обстоятельствах, к ужасной расплате за вину, что обычно не рассматривается как искупление и не снимает действия вины. Аналитик показывает, что требования совести нужно рассматривать как имеющие начало в любви и нацеленные на благо человека. Ветхий Завет, иудаизм (не говоря о нескольких исключениях) знает только одну связь: грех – наказание. Именно Иисус явил милость, безвозмездно даруемую тем, кто готов покаяться. Евангелие от Иоанна вкладывает в уста Иисуса прекрасные слова: «Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него» (Ин. 3:17). Иисус шествует по миру не как судья, а как врач, и духовник-аналитик попытается передать эту глубокую мысль всем, кто обратится к нему за помощью, никак не ограничивая ее святую важность и благую весть. Не ослабление, а очищение совести благодаря проникновению в нее христианской любви – вот в чем путь к исцелению и блаженству.

Страх в коллективной психологии
Глава 6. Толпа

Христианство, по самой своей сути, стремится охватить все человечество и как по масштабу, так и по интенсивности охвата оставляет позади себя все религии мира, кроме буддизма[102]; и потому мы должны изучить факторы страха, имеющие столь выдающееся значение в развитии христианской религии, с точки зрения коллективной психологии. Коллективная психология включает в себя психологию толпы, но не ограничивается ею. Мы даже вынуждены будем поставить перед собой сложный вопрос: применимо ли Евангелие Христово, несмотря на его социальный и несомненно универсальный характер, хоть в какой-либо мере к толпе. Решение этой проблемы, неимоверно важное для католичества и протестантизма, выходит за рамки нашего исследования, пусть мы и принимаем во внимание ключевые проблемы конфессиональной полемики.

Человек в толпе

Под толпой (*нем.* Tiefmasse) мы понимаем множество людей, спонтанно объединившихся на время и вдохновленных общей идеей и по большей части – внушениями подсознания. Самые важные объяснения о ее отличительных чертах мы найдем в исследованиях Гюстава Лебона[103]. Под толпой, или массой, которую изучает этот проницательный, но не всегда интересующийся изначальными причинами наблюдатель, он понимает не одно, пусть даже и очень большое скопление людей, но всегда только единство, связанное и управляемое коллективной душой, в котором отдельные личности переживают далеко идущие изменения. «Исчезновение сознательной личности, преобладание бессознательного, ориентация на внушение, пребывание под влиянием одинаковых чувств и идей и стремление немедленно воплотить внушенные идеи в действия – вот главные черты “человека толпы”». Он становится автоматом, которым больше не руководит собственная воля. При этом он опускается на много ступеней вниз по цивилизационной лестнице. Культурный сам по себе, в толпе он становится варваром, его ведут инстинкты, при этом он склонен и к насилию, и к энтузиазму, и к героизму. В корне меняются идеи и чувства: скупой расточает, скептик начинает веровать, честный становится преступником, трус – героем.

Нужно отметить и нравственные достижения: человек перестает жить изолированно и эгоистично и живет ради толпы и идеи, которой та поклоняется. Он с радостью пожертвует многим и даже отдаст свою жизнь. Толпа создает нравственные нормы и нравственные влечения, позволяющие принести такие жертвы[104].

Человек не потерпит сильного ограничения своей воли и образа жизни, если его жертвы не будут компенсированы значительными приобретениями. Прежде всего он освобождается от страха. Страх ли это одиночества, блокирующий любовь и преодолеваемый любовью толпы, как объясняет Эрих Фромм[105], или же боязнь стать жертвой неотвратимой беды, – толпа обещает человеку свободу от этой муки. В этом великое искушение, предлагаемое в обмен на утрату самостоятельной жизни и человеческих ценностей. Толпа в изобилии дает человеку то,

---

[102] Буддизм стремится установить закон сострадания для всего человечества и позволить всем силам души исчезнуть в ночи нирваны. Совершенная нирвана поглощает любое общество, и тем самым буддизм становится абсолютно личной религией. Стоит признать, что это не согласуется с появлением в мировой истории буддийских храмов и сект.

[103] Gustave Le Bon, *Psychologie des Foules*, Paris, 1895.

[104] Freud, *Massenpsychologie und Ich-Analyse*, GS., VI, S. 277.

[105] E. Fromm “The escape from freedom,” S. 120, 134.

от чего он отрекся. «Став частью силы, которую человек считает неколебимой, вечной и прекрасной, он становится причастным к ее мощи и славе. Индивид целиком отрекается от себя, отказывается от силы и гордости своего “я”, от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой теперь может себя причислить. И кроме того, приобретается защита от мучительного сомнения»[106]. В целом ответ на вопрос, теряет или приобретает человек при смещении акцентов с личности на толпу, зависит как от точки зрения, так и от той степени, в которой исполнились ожидания от растворения в толпе.

Если распределить характеристики личности в толпе по психическим функциям, то получим следующее.

Интеллект значительно снижается. Личностное мышление прекращается, критика и логика отходят на второй план, слабеет стремление выяснять причины и доводы; мысли, вдолбленные толпой, принимаются на веру. Лозунги оказывают гипнотическое воздействие, однако человек мало задумывается над их духовным смыслом. Ум довольствуется аналогиями, не проникая в суть. Человек верит в то, во что хочет верить, – желание управляет идеей. Бессознательное доминирует.

Ортега-и-Гассет характеризует это следующим образом: «Речь не о том, что массовый человек глуп. Напротив, сегодня его умственные способности и возможности шире, чем когда-либо. Но это не идет ему впрок… Раз и навсегда освящает он ту мешанину прописных истин, несвязных мыслей и прочего словесного мусора, что скопилась в нем по воле случая, и навязывает ее везде и всюду, действуя по простоте душевной, а потому без страха и упрека»[107]. В этом описании Ортега-и-Гассет солидарен с Лебоном.

Чувства демонстрируют ту же потерю индивидуального своеобразия. Они становятся зависимыми от толпы и при этом подвергаются чрезвычайным усилениям либо ослаблениям. Уже сознание принадлежности к огромной массе единомышленников усиливает эмоции; уменьшает чувства, которые в толпе не приветствуются; повышает чувство собственного достоинства благодаря тому, что сила и величие множества воспринимаются личностью как относящиеся к ней, идущие ей на пользу, увеличивающие ее собственные ценность и силу. Человек толпы дает развить в себе такую степень фанатизма, какую невозможно себе представить в случае одиночки. Ранее, возможно, не способный на глубокие чувства, апатичный, безучастный, как частичка толпы он способен достичь экстаза. Возбуждаются садистские наклонности, ненависть наполняет его жестокими радостями и влечениями, которые приводят к соответствующим фантазиям ненависти. Однако его чувства быстро меняются, он неустойчив.

Любовь к толпе возрастает в невероятной степени, что делает человека способным к высочайшему самоотречению, когда речь идет о том, чтобы принести себя в жертву для целей массы, в то время как предшествующие объекты любви – семья, искусство, религия, – претерпевают соответствующий ущерб, вплоть до полного оскудения чувства к ним. Тот, кто рядом, в одной толпе, вызывает наиболее сильную симпатию, в то время как не только враг толпы, но и каждый, находящийся вне ее, сталкивается с определенной антипатией, недоверием, неприятием, если нет надежды на его присоединение к толпе. Заявляет о себе стремление к прозелитизму. Гуманистические чувства исчезают и подвергаются презрению как сантименты.

Совесть отказывается от собственных критических суждений и безоговорочно передает свою автономию толпе. То, что та объявляет обязанностью, не подлежит никакому обсуждению, и любой внешний порыв совести вызывает гнев и подозрение, что не совесть, а низкие влечения установили уклоняющееся в сторону требование. Сознание, которое прежде так гор-

---

[106] Э. Перевод цитаты приводится по изданию: Э. Фромм. Бегство от свободы / Пер. с англ. А. И. Фета, в: А. И. Фет, Собрание переводов, Nyköping, 2016, с. 119 (Philosophical arkiv).

[107] Перевод цитаты приводится по изданию: Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс / Пер. с исп. А. М. Гелескула. М., 2002, с. 67.

дилось своей независимостью и высочайшим достоинством, теперь действует не лучше, чем интеллект, в своей доверчивости авторитетам. Можно с полным правом говорить об отказе человека толпы от морали. Самое коварное убийство или лжесвидетельство считается хорошим, если идет на пользу толпе. Как понимание и разум, так и моральное чувство, и стремления полностью передаются в распоряжение общности. Человек освобождается от всякой ответственности.

Поведение соответствует изменениям морали. Безобидные добряки по желанию толпы обращаются в извергов. Но точно так же человек, ставший частью толпы, подвергается прямотаки чудовищным невзгодам и жертвует невероятно многим, когда дух толпы подчиняет его своей власти. Жена, дети, имущество, жизнь больше не имеют значения, когда толпа требует от своего раба отречься от них. Нет долгих размышлений, в массе каждый в любой момент дает буре чувств возможность увлечь себя.

Ортега-и-Гассет пишет: «Массовый человек лишен морального чувства; ибо оно по сути своей есть чувство подчинения и осознания служения и долга». Это суждение, которое он сам вскоре должен был изменить, никоим образом не соответствует действительности. Нет, мы видели другое: массовый человек в толпе признает еще более высокую мораль, он проявляет недостижимую вне толпы самоотверженность, он готов жертвовать собой, он любит своих как братьев, он воодушевлен и стремится к благу ближнего. Только все это происходит за счет людей, чуждых толпе. Любовь к ближнему регрессивно сокращается до толпы, мораль теряет гуманный характер. Происходит разделение на два лагеря, при котором вся любовь концентрируется на толпе, вся ненависть – на ее противниках, а к остальному миру человек толпы совершенно равнодушен.

И если подводить общий итог, то можно сказать, что изменения личности при революционном становлении частью толпы можно свести к снижению роли человека как личности, к уменьшению самостоятельного мышления и к изменениям морального чувства в зависимости от интересов толпы. С такой характеристикой «человека толпы» согласны большинство социологов и социальных психологов – среди них Вальтер Ратенау, Вернер Зомбарт, Георг Зиммель, Макс Вебер, Фердинанд Теннис, Сципион Сигеле, Зигмунд Фрейд, Пауль Тиллих, Карл Ясперс, Франц Оппенгеймер…[108]

Человек толпы и невротик. Сходства и различия

На первый взгляд можно увидеть чрезвычайное сходство человека толпы и больного неврозом навязчивых состояний – прежде всего достаточно зависимости обоих от бессознательного в том, что касается их невроза и растворения в толпе, вместе с господством иррационального и рационализированного над рациональным, уменьшением самостоятельного мышления, чувствования и желаний в отношении личных особенностей и требований нормальной строгости в логике, эстетике и этике; суждения становятся туманными; моральные и эстетические взгляды деградируют. Конечно, все это имеет место лишь в той степени, в которой невроз или толпа завладели душой.

В любом случае понижение личностного уровня даже у интеллигентных людей может достигать ужасающих масштабов, пропасть между моральным поведением до и после начала невроза (или растворения в толпе), падение в варварство и преступность часто достигают практически невероятного уровня. Можно вспомнить невероятно глупые поступки, из-за которых невротики, в иных случаях совершенно разумные, вынуждаемые своими комплексами, непоправимо портят собственную жизнь – или о клептоманах и навязчивых поджигателях, или о

[108] Сравните: H. Bratz, *Zum Begriff der Masse in der neueren Soziologie*, Bern, 1935.

некоторых политических преступниках, в которых каждое человеческое чувство кажется умершим – все ради любви толпы.

Есть два типа утраты личности, и в обоих мы наблюдаем регрессию в инфантильность и примитивизм, а также навязчивые идеи, запрещающие свободное использование имеющихся в наличии душевных сил.

Наряду с этим есть и различия, которые большей частью основываются на том, что невротик, захваченный своим неврозом, изолирует себя от общества, в то время как человек толпы растворяется в массе. Если говорить о первом, то первый – болезненно асоциален, а второй – гиперсоциален. Невротик, как правило, чувствует себя ущемленным, особенно на поздних стадиях своих душевных проблем, связанных с вытеснением; он страдает, хотя из его страданий могут возникнуть великие достижения культуры (сравните, например, Гете[109]). Первичная толпа не дает своим членам страдать, пока процветает надежда на исполнение желания преодолеть страх и обрести блага, особенно это касается тех людей, которые присоединились к толпе не под давлением извне, а по доброй воле. В то время как невроз навязчивых состояний означает определенное отделение от общества и реальности, нахождение в толпе создает реальную или мнимую тесную связь с обществом и остальной реальностью, и при этом не только в воззрениях, а прежде всего благодаря победам. Человек, который страдает неврозом навязчивых состояний в интенсивной форме, достаточно редко создает значительные возвышенные достижения культуры в качестве ответной реакции на невроз.

Толпа, напротив, именно потому что является толпой и благодаря правящим в ней идеям и подчинению лидеру, часто обретает невероятное прибавление жизненных сил, что может привести к удивительным внешним успехам, – но может повлечь и катастрофу. Революционно настроенная масса иногда может по итогу прийти в состояние, которое своей дезорганизацией, отсутствием идеалов, пассивностью, летаргией гораздо больше производит впечатление патологического. Часто, но далеко не всегда, формирование толпы блестяще отторгает страх на длительный период. Но нельзя отрицать и противоположное – достигнутые успехи надолго не задерживаются, и чудовищная реакция разрушает структуру толпы, и при этом ненависть, жестокость, фанатизм новой толпы, пришедшей на смену старой (здесь мы можем называть ее «контр-толпа»), равны этим проявлениям у предшественницы, если не превосходят их. Впрочем, обычно многочисленные остатки прежней толпы сохраняются и переходят, часто сильно изменившись, в новую систему порядка или беспорядка.

Если сосредоточиться на сходствах, которые мы видим у человека в начале невроза, и убрать болезненные проявления, составляющие суть невроза – как и бывает, когда человека характеризуют словом «невротик», – то можно упростить нашу классификацию теории страха. Вместо того чтобы различать страх у невротиков и нормальных людей и страх как проблему коллективной психологии, мы теперь можем различить теории индивидуального и коллективного неврозов. Однако есть опасения, что здесь могут возникнуть недоразумения.

Значение вождя

Толпе требуется вождь. Часто она проталкивает на эту роль более или менее выдающегося мужчину (реже женщину); в других случаях некая доминирующая личность создает для себя послушную толпу, которая греется в лучах его величия и часто покоряется ему с настоящим воодушевлением. Человек гордится тем, что полностью принадлежит лидеру и принес ему в жертву собственную личность, ведь она тотчас же вернется, обогатившись достоинствами вождя.

[109] Th. Reik, *Warum verliess Goethe Frederike?* Wien, 1930.

Вождь управляет мышлением, управляет инстинктами, даже самыми дикими, используя их по собственному усмотрению, подхлестывает их или укрощает, как сочтет нужным, создает сублимации. В удовлетворении инстинктов, как сексуальных, так и удовольствия от агрессии или стремления к ненависти, а также в открытии пути к сублимациям, доставляющим удовольствие, он создает замену потере личностных ценностей. Он воспитывает толпу в направлении максимальной зависимости и подчинения, однако каждому отдельному человеку в своей толпе он находит такое место, что тому кажется, что в своем росте, в обладании властью, в преуспевании он обрел больше свободы.

Особенно важен следующий факт. Вождь на каждом шагу ограничивает личность человека. Он налагает чувствительные ограничения на свободу, но позволяет ему восстановить ослабленное эго намного более возвысившимся и даже идеализированным благодаря принадлежности к нему, вождю. Вождь принадлежит человеку и заботится о нем как отец. Величие и сияние вождя светит на членов толпы, проникает в их сердца, осчастливливая их. Его отважное мышление, великое сострадание и титаническая воля предлагают богатую замену мыслям, чувствам и желаниям человека, пусть даже свободным, но слишком недостаточным. Отдельная личность проецирует себя на вождя и впускает вождя в свое собственное «Я», так что он в каком-то смысле воплощен в вожде. Он живет в вожде, вождь живет в нем. Хоть эта любовь и не рождает полного отождествления, однако создает разновидность *unio mystica,* «мистического союза», который, несмотря на всю дистанцию и покорность, достигает высшей точки в предании себя вождю и полном принятии вождя в собственную личность. Здесь любовь говорит: «Ты – мой, я – твой»; и, хотя существующий дуализм не устраняется целиком, оба в каком-то смысле становятся едиными. Отсюда возникает чувство личностного роста, несмотря на сильный упадок индивидуально-личностных функций.

Вождь толпы должен, как справедливо подчеркивает Фрейд, быть сильным, тираничным. «Власть впечатляет толпы намного сильнее любви, чем любовь, но каждый должен думать, что вождь его любит. Он должен внушать уважение благодаря жестокой воле, суровой власти и успехам. Он не убеждает хитросплетенными аргументами – он, как диктатор, словно вбивает свои идеи и приказы. Для крепости толпы самое большое значение имеет личность вождя и любовь к нему»[110].

Слабые растворения в толпе могут возникнуть и без соединения с личностью вождя, что показывает мода, хотя даже там действует страх – например, стать заметным или показаться отсталым либо бедным. И в моде невозможно не заметить обычные симптомы массовости: снижение интеллекта, чувства стиля, собственных волевых суждений; ослабление или усиление моральных ограничений, вплоть до бесстыдства с одной стороны и ханжества с другой. Здесь стоит упомянуть и студенческие акции. Иногда они подразумевают поразительное подавление личной свободы, а в США заходят даже до проявлений жестокости, и тем не менее они проходят без сопротивления, хотя ими и не всегда руководит вождь-диктатор.

Возникновение толпы: причины и процесс

Как объяснить, что человек в толпе готов терпеть невероятные лишения в отношении личной свободы и унижения своей личной духовной жизни, которыми обычно так гордится?

Прежние исследования уделяли слишком мало внимания одной из предпосылок возникновения толпы – страху. Формирование толпы, как и индивидуальный невроз, предполагает наличие сильного страха и блокировок любви. Люди, благодаря внешним и внутренним бедствиям, должно быть, пришли в такое отчаяние и беспомощность, что они потеряли доверие к собственному разуму, чувствованию и воле. Это происходит тогда, когда в своих поисках и

[110] Freud, *Massenpsychologie und Ich-Analyse*, GS., VI, S. 292.

стремлениях личность не находит выхода из своей внутренней или внешней нужды; опять же, это является одним из условий формирования толпы. Человек в своей гордости, должно быть, достиг положения отрекшегося от престола короля, который рад после несчастного правления сложить свое бремя вместе с регалиями. Вождь – это сильный, дельный помощник в страданиях, который из тесноты с ее страхом приведет к свободе. Личность с радостью передает ему все свои скомпрометированные способности, подобно тому, как команда корабля, попавшего в шторм в неведомых опасных водах, охотно передает командование и руль опытному рулевому и подчиняется его приказам. Среди внутренних бедствий нужно прежде всего назвать чувство вины, сомнения и страх наказания.

Фромм упоминает среди мотивов, ведущих к формированию толп, мазохизм. Без сомнения, есть люди, которые с ужасной алчностью ищут себе того, кто может их мучить. И в толпе они также, без сомнения, встречаются. Однако сам Фромм так красноречиво описывает преимущества, получения которых от своей толпы ожидает личность и которые она в удачных случаях действительно получает, что пассивная жажда мучений точно отходит на задний план. С другой стороны, я бы очень хотел подчеркнуть страх опасных последствий отчужденности от толпы после того, как она уже обрела власть.

Еще я считаю очень важным потребность найти объект для ненависти. Там, где преобладает тревога, обычно усиливается ненависть, если только нет мощных (и в большей особенности религиозных) компенсаций. Там, где широкие слои населения страдают в нужде, ненависть к *beati possidentes*, «богатым собственникам», эксплуататорам или другим реальным или мнимым виновникам бедствий, ко всем, от кого напрасно ждали помощи, скорее всего, будет очень интенсивной. Государство запрещает личности высвобождать свою ненависть. Тем более страстно та разгорается, особенно в виде жажды разрушения, когда восстают огромные массы. Общая ненависть – мощный катализатор, и общий гнев против общего врага часто удерживает вместе сильнее, чем любовь друг к другу и к вождю. Поэтому революционное и диктаторское правительство должно в полной мере подкреплять потребность масс в ненависти и создать для той поле действий, если хочет упрочить свое господство. После того как на свободу вырываются разрушительные желания, возникает чувство вины, и оно, в свою очередь, выступает как защита против мести, наказания и угрызений совести. Последние смягчаются благодаря большому количеству соучастников, разделяющих вину.

Фрейд объясняет возникновение толп обезличиванием массы и тесной связью между участниками группы и друг с другом, и с вождем: «Такая первичная масса – множество людей, которые заместили одним и тем же объектом свое идеальное “Я”, и тем каждый из них отождествил свое “Я” с остальными»[111].

К объяснению нужно добавить: согласно Фрейду, отождествление – первейшее проявление чувственной привязанности к другой личности. Маленький мальчик хочет стать и быть таким, как его отец, и во всех областях занять его место. В то же время он испытывает или, возможно, испытывал прежде истинное влечение к объекту любви – матери. Однако вскоре он видит в отце соперника, и его отождествление приобретает оттенок враждебности – оно сливается с желанием занять место отца также и в отношениях с матерью. Поэтому у нас возникает вопрос, можно ли назвать желание «быть как отец» отождествлением. Отождествление означает не только тождественность и замещение, но и возможность думать о себе как о том, с которым человек себя отождествляет. В случае с ребенком дело вовсе не в этом. Будь правдой то, что маленький мальчик отождествляет себя с отцом, как утверждает Фрейд, он возжелал бы убить себя, в то время как он, действуя в рамках эдипова комплекса, хочет убить внешний объект, то есть соперника. Если отец, по Фрейду, принимается за идеал, то это означает осознание пропасти между его величием и собственной ничтожностью и желание эту дистанцию

[111] Freud, GS., VI, S. 316.

преодолеть. Но это подразумевает не более чем желание быть похожим. Желание быть не тем, кто ты есть, – если предположить, что имеет место враждебное «отождествление», означало бы самоуничтожение, в то время как в похожести на отца речь идет о самосовершенствовании. Когда Фрейд говорит о «частичном отождествлении», при котором «у другого заимствуется только отдельная черта», – это еще более очевидное противоречие. На вопрос Фрейда: «Не может ли отождествление (с объектом) иметь место при сохранении этого объекта?» можно ответить только «нет». Ведь идентичность в логическом смысле и с точки зрения теории познания исключает, что одна сущность и другая сущность являются одной и той же сущностью; и если бы мы сказали, что идентичность существует только для бессознательного, на это можно возразить, что, согласно Фрейду, бессознательное вообще не способно к логической функции, подобной отождествлению. В его «Толковании сновидений» можно прочитать, как плачевно обстоят дела с элементарными логическими способностями бессознательного!

Также трудно признать, что «отождествление» может быть самой ранней привязанностью к другому человеку, если перед этим, как признает Фрейд, субъект испытывал любовное влечение к собственной матери.

Оба замечательных примера, с помощью которых Фрейд описывает особенные виды «отождествления», изображают всего лишь уподобление, интроекцию или замещение. Гомосексуалист, овладевающий матерью или через некий процесс, или же интроекцию, или попытку перенять ее черты и принять ее женскую роль, насколько это возможно для мужчины, так же далек от отождествления, как меланхолик, который в своей болезни относится к себе с тем же жестоким самоуничижением, которое он подсознательно направляет на сознательно любимого, но бессознательно ненавидимого человека. «Я» наказывает здесь без реального отождествления, по правилу: «Чем человек согрешает, тем он и наказывается», – или другому: «Чего не хочешь, чтобы сделали тебе, никогда не делай другому!»

Однако то, что Фрейд в своих примерах аргументированно доказал огромную силу интроекции и уподобления, замещения и самонаказания даже при сохранении собственного «Я» и самости, остается бесспорным.

Это также относится и к влюбленности, при которой объект идеализируется, а субъект ослабевает. Фрейд предполагает, что при этом объект ставится на место «Я» или идеального «Я». – Я бы посчитал правильным говорить о переходе большой, при определенных обстоятельствах очень большой части любви к самому себе в любовь к объекту. Объект любви никогда не должен полностью занимать место «Я», так как нельзя представить себе любви без объектно-субъектных отношений. Скорее справедлив тезис: при влюбленности (идеализированный) объект ставится на место идеального «Я». Разумеется, при этом речь не идет о любой влюбленности. Даже самая сильная влюбленность чаще всего дает и принимает; то есть двойственность сохраняется, даже если объект любви включает в себя высокие ценности и самые прекрасные идеалы. Далее влюбленный ищет в любимой, кроме того, кем он сам хочет быть, еще нечто, что может дать только женщина, то есть то, чем он хочет *обладать*, а не *быть*. Относительно наиболее сильной влюбленности Фрейд принципиально прав в том отношении, что объект приобретает то значение, которое, как правило, «Я» приписывает самому себе.

Фрейд уже указал на то, что личность вождя может быть заменена руководящей идеей.

У всех в толпе, с одной стороны, царит общее чувство страха, а с другой стороны, привязанность к общему идеалу преодоления страха, к которому они стремятся, к общей ненависти, к общей жажде мести, к общему избавлению от страданий и к одному и тому же новому и прекрасному порядку. При этом любой человек в толпе воспринимает остальных как товарищей, но никоим образом не идентичных себе. Уже уверенность в том, что товарищи (так мы коротко назовем людей в толпе) тебя понимают, одобряют и поддерживают в стремлениях, а посторонние ведут себя более или менее враждебно, создает любовь. Если мы примем во внимание то, к какому ослаблению самостоятельного мышления, чувствования и желания приводит то, что

личность становится частью толпы, и подумаем, что создание такого личностного вакуума и наполнение его чуждым содержанием, которое беспристрастные наблюдатели рассматривают как нездоровое, тогда мы поймем, что товарища, который помогает в преодолении этой ненависти и поддерживает тебя, можно интроецировать без отказа от собственного «Я», и человек может представлять себя единым с товарищем с радостью и любовью. Вместо потерянных личностных ценностей, которые в лучшем случае были оставлены в страхе и страдании, человек толпы получает от вождя и товарищей освобождение от страха, уверенность, чувство силы, любовь, веру в победу общих идеалов. Неудивительно, что его переполняет и приводит в восторг бьющий через край энтузиазм.

Отсюда возникает следующее определение: толпа представляет собой множество людей, обращенных к одному предводителю (или идее) ради освобождения от общего страха, страдания или бессилия. Они оставляют свои собственные мысли, чувства и желания, покоряются и предают себя в волю предводителя настолько, насколько тот этого желает. Они чувствуют любовь, связывающую их с теми, кто в одной группе, в то время как внешних они отвергают, даже ненавидят. За принесенные в жертву личностные ценности и потерю самостоятельного управления своей жизнью они приобретают замену, рожденную из наполненной любовью и идеализированной интроекции вождя, а также благих надежд, возложенных на толпу. Среди этих надежд умиротворение страха играет главную роль.

Такое определение понятия, несмотря на свою пространность, ничего не говорит ни о сходстве человека толпы с невротиком, ни о регрессии к инфантильному содержанию и функциям (вождь как идеализированная замена отца), ни о господстве иррационального (символы и лозунги), ни о достоверности защищающих от страха представлений и действий при неврозе, с одной стороны, и в толпе – с другой; ни о навязчивом характере этих механизмов, отражающих страх; ни о магической силе, которая им постоянно приписывается; ни о других характерных свойствах толп и неврозов навязчивых состояний.

Смена толпы. Выход из толпы

Толпа теряет связующую силу и заменяется новой толпой или некой организованной группой, при следующих условиях: вера в силу вождя, которая помогает преодолеть страх и страдания, угасает, особенно если лидер терпит неудачу; вождь теряет уважение своих ведомых, чья уверенность в себе растет, и они начинают стыдиться того, что позволили лишить себя личности. Вера в любовь вождя уменьшается, а вместе с ней и любовь к нему, к толпе и к собратьям по ней. Или ослабление напряжения и избавление от страха достигло таких успехов, что больше нет побудительной причины, чтобы держаться за вождя, ограничивающего личность. Человек снова чувствует себя настолько уверенным и так мало зависимым от вождя и от толпы, что возникает чувство зрелости, о котором он не может не заявить. Прежние принесения в жертву личности и имущества становятся отвратительными. Без фонового страха или какой-либо боязни серьезного ущерба подчинение личности заставляет человека испытывать невыносимое чувство рабства и ограниченности в правах, и борьба за свободу будет проходить с той же яростью и воодушевлением, с какими перед этим велась борьба за преодоление страха и жалкого состояния с помощью вступления в толпу. Или, если присоединение к толпе не привело к ожидаемой цели, человек ищет новую группу и бросается в ее объятья. Можно назвать еще другие причины для выхода из толпы или для ее смены.

Перейти из одной толпы в другую легче, чем оставить толпу и стать полноценным ответственным членом общества. Анархия быстро ведет к формированию скопищ, низших форм толпы. *Если нужно покинуть толпу, прежде всего нужно восстановить любовь.*

Очевидно, что процессы вхождения личности в группу, смены группы и выхода из группы имеют большое значение для истории христианства. С психологической точки зре-

ния не понять ни образования Католической Церкви, ни возникновения протестантизма, если не понимать условий, управляющих этими процессами. Однако они развертываются уже на уровне общества.

Массовый психоз и невроз как реакция страха

Напоследок слегка коснемся проблемы диагноза. Когда говорят о массовом психозе или неврозе, чаще всего неясно, что под этим подразумевается. Явно возникает мысль о состоянии толпы, которое создает впечатление душевной болезни и невроза. О понятии «массового психоза» Роберт Вельдер в своей статье «Этиология и течение массового психоза»[112] пишет следующее: «Люди, охваченные массовым психозом, не страдают психозом в психиатрическом смысле. Каждый из них психически нормален, способен на контакт и вне системы, в которой царит массовый психоз, ведет себя нормально. Только внутри поля идей, составляющих массовый психоз, нет места логике, и идеи настолько же невозможно исправить, как при маниях. От личных психозов массовые отличаются тем, что им не нужно длиться всю жизнь. Массовому психозу подвержены только здоровые люди – или те, кто на грани и ищет в нем последнее убежище, чтобы не погрузиться в личный психоз»[113]. Симптомом массового психоза Вельдер считает устранение из жизни сковывающих запретов до такой степени, что той начинают управлять влечения и порывы, прежде всего склонность к агрессии, когда голос совести глохнет, а сама она передается в распоряжение вождя. В то же время принимается идеал, во имя которого человек, в иных отношениях не безумец и не преступник, с чистой совестью убивает других людей. При этом человек перестает быть цивилизованным, что прискорбно для общественной жизни, однако фундаментальные животные силы вырываются на свободу. Далее Вельдер упоминает, что человек теряет чувство реальности и перестает воспринимать логику и факты.

Вельдер не создает представления о надличностной общей душе, способной стать вдохновляющей силой массового психоза. Он проявляется только в отдельных личностях. И потому мое определение звучит так: под массовым психозом и неврозом мы понимаем однородное состояние, напоминающее психоз или невроз у людей в толпе, и именно на том основании, что они в нее входят.

Мы не будем более подробно обсуждать дифференциальную диагностику понятий «психоз» и «невроз»: наши интересы – в области религиозной психологии. Подчеркнем только, что для таких диагнозов должно присутствовать значительное отклонение от нормы в отношении как работоспособности, так и общего здоровья. Мы уже начинаем подозревать, что психотические и невротические состояния внутри группы всегда отличаются от этих состояний в одиночестве, словно земля и небо. И ясно без долгих исследований, что толпа, охваченная коллективным психозом или неврозом, может биться за свои цели с невиданной силой и мастерством, при условии, что лидер обладает достаточным даром; и это правда, хотя отдельные люди при этом, возможно, могут войти в состояние, которое по сравнению с их собственной этикой считается ненормальным. Стоит ли считать переход страхов, характерных для отдельного человека, на толпу желанным или нет, если принять во внимание успехи толпы, которых та может достичь при хорошем стечении обстоятельств, – этот вопрос вне сферы психологии.

---

[112] "Ätiologie und Verlauf der Massenpsychosen," *Imago*, XXII, S. 67–91.

[113] Не могу согласиться с Вельдером: далеко не все психозы длятся всю жизнь.

Глава 7. Социальная группа

Характерные черты

Характеристики толпы, так блестяще описанные Лебоном, нельзя без оговорок перенести на те социальные образования, которые я называю организованными группами. Мак-Дугалл в свое время занимался проблемой групп, для которых были характерны высокий уровень организации и длительный срок существования, а Фрейд посвятил свой яркий талант рассмотрению таких структур, как армия и церковь. Мак-Дугалл противопоставляет толпу и сборища (согласно Лебону, даже последние всегда обладают некоей организованностью) и расценивает толпу примерно так же, как я[114]. Он особо подчеркивает тот факт, что свободное мышление и чувство ответственности слабеют и что отдельная личность растворяется в толпе. – Организованная группа обладает совершенно иными характеристиками, среди которых Мак-Дугалл называет определенную непрерывность состава; эмоциональную установку на нее как на целое; отношение, основанное на определенных представлениях о ее природе, функциях и действиях; помимо того, характерно соперничество с похожими, но различными в частностях группами, наличие традиций, обычаев и устройства, и, наконец, разделение обязанностей, при котором отдельным людям в группе дают свое задание.

Мое определение «социальных групп» не во всем совпадает с «организованной толпой» Мак-Дугалла. Под «социальной группой» я понимаю четко определенную форму совместной жизни людей, вдохновленных возвышенной идеей, в рамках которой отдельные личности проявляют характеристики, свойственные «человеку толпы». Руководящая идея может выражать национальные, политические, социальные и также чисто духовные задачи, однако непременно должна выходить за пределы только материальных ценностей и инстинктивных целей, и ее возвышенность должна признаваться высокой.

Мы увидим, что революционная толпа может превратиться в социальную группу. Также справедливо будет сказать, что образование таких групп часто начинается с революции.

Изменения, которые происходят с отдельными личностями в социальной группе, в большинстве случаев похожи на те, которые случаются в начале революции, – в том, что касается интеллекта, чувств и воли. Чувство логики, понимание причин, способность к разумной критике, объективности и независимости в приложении к учению толпы очень сильно снижается. Однако если лидер прогрессивен, при определенных обстоятельствах толпа в итоге может вырваться из летаргии – и старые, знакомые, но до сих пор не решенные проблемы наконец находят свое разрешение. Могут усилиться душевные процессы и вне сферы влияния толпы. В качестве примера можно привести развитие японцев, до сих пор признаваемых как ультраконсервативное государство, начиная с 1868 года при поощрении со стороны прогрессивных микадо. При этом отдельные личности менее склонны проявлять странность в поведении и нестабильность, нежели в состоянии изолированности. – В то же время моральное чувство может деградировать до варварского уровня; но может обрести и нравственные ценности, например, возросшую солидарность и альтруизм, хотя в то же время жажда ненависти утоляется ее излиянием на внешних врагов и, тем более, врагов толпы. Однако чаще всего амплитуда маятника не столь сильна, как в революционной или первичной толпе. От малодушия не остается и следа, пока присутствует любовь к толпе и сама толпа не меняется. – Когда любовь направлена скорее на надежду, на вождя обращены более искренние любовь и почитание, чем

[114] С его книгой “Group Mind” (Cambridge, 1920) я изначально познакомился только через Фрейда (GS., VI, S. 278). Английское издание я увидел лишь в 1945 году.

во время революционного насилия. Любовь, освобождающая от страха, имеет более высокую природу.

Когда «человек толпы» научился думать и ощутил вкус свободы, это возвышенное состояние не позволит ему остаться в толпе, – если только страх и страдания, предшествовавшие образованию толпы, и чувство его собственной беспомощности не были очень сильны и не сохранялись из-за непрестанного порождения страха и боязни и постоянной надежды на их преодоление. Любая угнетающая тирания, сколь бы жестокой она ни была, не сможет продержаться бесконечно. То, что мы говорили о конце революционных групп, относится и к социальным группам.

На данном этапе излишне отслеживать процессы, которые происходят в отдельной личности при создании, преобразовании и развитии организованной группы. Почти все, что было сказано о толпе, относится также к объединению, стоящему на более высоком уровне культуры. Но мы должны особенно указать на один важный принцип исцеления, в высшей степени достойный внимания в отношении борьбы со страхом.

До сих пор наше исследование о действии страха в индивидуальных и коллективных неврозах строилось исключительно на наших наблюдениях за отдельными людьми. И теперь я хотел бы на одном примере показать истоки и протекание растворения личности в массе (в качестве иллюстрации – армия).

Яркое проявление отличительных черт и мотивов такого растворения я обнаружил у одного анализируемого мной унтер-офицера, который при виде войсковых маневров, растроганный, всегда начинал плакать. Он был превосходным солдатом, однако капралом оказался несостоятельным: ему не нравилось отдавать подчиненным приказы. Еще он был интровертом и очень страдал, ибо не мог ни с кем подружиться. Он с радостью погружался в мистику природы и мог часами любоваться стебельком травы, переживая его «чувства» как свои. Но при этом он проецировал себя в травинку, которая качалась в разные стороны на ветру, как он сам, склоняясь перед другими растениями, что он сам так охотно делал перед другими людьми. Она, по его мнению, даже должна была страдать меланхолией, когда ей страдал он сам.

Когда он видел передвижения войск, то всегда бывал очень растроган, ибо все маршировали в ногу – символ единства и сплоченности. «Когда я смотрю или марширую вместе с ними, – говорил он, – приходит гармония, я обретаю цель, все конфликты исчезают, меня словно наполняет сила, и я становлюсь ее частью и позволяю ей увлечь меня за собой. Сначала это вызывало радость. Но потом напряжение во мне между этой радостью и собственным состоянием стало слишком большим. Я боялся того, что меня ведут, я не хотел поддаваться. И это мешает моей религиозной вере».

Мы имеем здесь дело с невротиком, которому его интровертность приносит страх, одиночество и чувство собственной неполноценности. Он искал экстравертность в мистике природы, в чувстве локтя, и нашел ее, но не как любовь, а только как самопроекцию во внешний объект. Потрясенный и осчастливленный бурей в природе, он перестал чувствовать бурю в своей душе, он пережил ее вне себя. В марширующем строю он был уже не одинок со своими страхами и страданиями, но, с помощью чего-то подобного мистицизму толпы, стал частью мощной общности, в чьей власти он, в иных отношениях лишь зритель на сцене жизни, мог играть свою роль. Но как только он должен был отдавать приказы в роли унтер-офицера и противопоставить себя другим как отдельная личность – он не справился. В толпе он терял свою личностную жизнь, но взамен обретал долю в большей жизни толпы. Однако его эгоцентричность все время возвращала его обратно в клеть его одинокой души; он не мог любить и не мог поддерживать свое пребывание в толпе. Интровертность превзошла склонность полностью посвящать себя своей группе. Преимущества, которые он получил от вхождения в группу, очевидны: освобождение от страха, одиночества, чувства беспомощности, осознание силы, уве-

ренность в товариществе и тем самым в счастье. Но мы также видим серьезную причину отказа от пребывания в группе – стремление к возвращению к собственной личности.

Сопротивление страху и неврозам в социальной группе. Принцип прививки

Мы знаем, что слишком далеко идущие неудачи и жертвы, слишком сильные ограничения свободы мышления, чувствования и действий часто вызывают у человека блокировки, следом страх, а как защиту от страха – невротические симптомы, очень часто принимающие форму навязчивости. При этом происходит падение психических энергий в патологическое состояние, а отсюда деформация личности, которая при определенных обстоятельствах доходит до полной гибели.

Принадлежность к организованной группе создает ситуации вытеснения, которые очень близки к тем, в каких возникает опасность неврозов и психозов; порой у отдельных людей даже случаются изменения, которые явно напоминают неврозо- и психозоподобные. Однако человек, тем не менее, остается защищенным от психозов и неврозов, а в лучшем случае даже приходит в такое состояние, которое объективно и субъективно, – несмотря на неимоверное сокращение функций, которое происходит, когда некто становится частью толпы, – в высшей степени превосходит, как в эйфории, так и в динамичности, все предшествующие состояния страха и страдания. Как возможно, что невротическое заболевание может сослужить такую службу и отогнать угрозу ущерба личности?

Причина скрывается во взаимодействии различных механизмов безопасности: сильное прикрепление к группе менее благоприятствует вариациям индивидуального невроза, нежели в более свободных группировках. Социальная группа предлагает пронизанные удовольствием компенсации для воли, которую удерживает; по сути, структура поощряет человека прибегать к ним и усиливает, через влияние, исходящее от толпы, привлекательность такого приложения душевных сил. Предводитель воплощал уверенность в том, что страх и страдания будут устранены, и возникшая оттого любовь к нему таила столь мощную притягательность, что наложенные ограничения и усилия, которые требовались, несмотря ни на что, приковали психическую энергию к действительности, обещающей так много хорошего, и предотвратили падение в темную область бессознательного; прикрепленность к товарищам в группе оказывает похожий эффект.

Даже у тех, кто входит в социальную группу, можно проследить ослабление личностных сил, подобное тем, какие случаются при неврозах, но они компенсируются благодаря притоку жизненных сил и более высокой работоспособности вне, а отчасти также внутри тех сфер, в которых господствует группа. То состояние, которое преобладало до формирования группы, никоим образом не застраховано от неврозов. Сильный страх и отчаяние – условия образования и толпы, и равно так же социальной группы. Но это указывает на опасность гораздо более тяжелых личных неврозов. Опыт показывает, что пренебрежение повредит так же, а то и сильнее, нежели чрезмерное отвержение влечений[115]. Эгоистическая жажда удовлетворить свой порыв неукротимо растет и приводит к гораздо более острым столкновениям с общественными нормами.

Из этого следует вывод: благодаря воспитанию коллектива, принятому внутри своей сферы, социальная группа избегает реального возникновения личностных неврозов, которые угрожают появиться как итог наличия страха; однако в этом процессе она создает симптомы, идентичные симптомам личностного невроза; но они разделяются между всеми, кто входит в состав многочисленной и высоко оцениваемой группы, а потому теряют свой нездоровый

[115] A. Aichorn, “Verwahrlose Jugend,” 1925, S. 29.

характер. Более того, в организованной структуре происходит сверхкомпенсация перенесенных потерь личностных ценностей с помощью увеличения эйфории, как и некоторых жизненных функций и благ (сублимаций). Эту защиту от невроза можно сравнить с прививкой. Она сохраняет свое действие только тогда, когда человек рад быть частью организованной структуры; если принадлежность к ней начинает вызывать раздражение и приобретает оттенок принуждения, защита теряет ценность.

Конец социальной группы

Когда мы говорили об условиях возникновения социальной группы, мы столкнулись с тем, что среди них – воздействие страха и разрушение надежды на то, что человеку удастся справиться со страданиями собственными силами; мы обнаружили уверенность в том, что вождь олицетворяет высшие идеалы, которые принесут спасение. Преданность лидеру, его интроекция означали для отдельных людей возвышение собственной воли, в то время как товарищи в группе давали не только объект любви и, следовательно, облегчение страха, но и источник силы и защиты.

Там, где недостает этих отношений, цели и обещания группы перестают привлекать. Напротив, ограничения свободного мышления и желаний личности, которые налагает группа, начинают отторгаться. И также прекращается умиротворение страха, а сопровождающие его компенсации, которые так восхищали в организованной структуре, теряют свою привлекательность, как только эти условия не выполняются. Это происходит, когда внешние беды, жизненные невзгоды и опасность прекращаются и не поддерживаются искусственно (как это, например, можно сделать путем воспитания до самого конца), или, если вождь показал себя неспособным оправдать возложенные на него надежды, он утрачивает ореол идеала, и помощь товарищей по группе кажется излишней. Когда такое происходит, принесение в жертву самостоятельного мышления и действия, которых требует масса, воспринимаются как тягостное бремя, которое человек в ожесточении скидывает и ломает. Любовь к вождю превращается в ненависть к тирану, потребность в ненависти, которую раньше вождь направлял вовне, обращается против него самого, а потребность в любви ищет объекты за пределами прежнего узкого круга.

Как и при любых больших жизненных изменениях, так и при оставлении или разрушении социальной группы сначала наступает регрессия, прежде всего, как правило, функциональная, принимающая форму примитивных бунтарских проявлений гнева; в политике, например, произойдет возвращение к прежним формам государственности и правления, в религии – реформация, или, в прямом смысле, «ретроформация». Но в то же время начнется формирование нового. Новая форма выстраивается аналогично описанному нами выше, когда человек обретает свободу от страха, рожденного чувством вины, и его губительных последствий после того, как защитные механизмы, используемые прежде для защиты от страха, не справились со своей работой. Но есть и определенные различия. Организованная структура – жесткое формирование и, следовательно, ей нелегко приспособиться к необходимости новых и более эффективных компенсаций и способов избавления от страха. А потому опасность ухода людей является реальной, сколь бы велики ни были силы притяжения, рожденные масштабом группы и содержанием ее компенсаций. В дальнейшем нам придется обратить более пристальное внимание на социологическую возможность. Любое исцеление невроза, то есть, собственно, любое настоящее преодоление страха (в противоположность устранению боязни) является социальным достижением, поскольку происходит освобождение и активизация любви к окружающим людям и другим объектам. В таких обстоятельствах общество, свободное от элементов толпы, может занять место социальной группы, которая в таком случае теряет свою ценность. Исследуем такую возможность.

Глава 8. Защита от страха в обществе без толпы

В толпе удается защититься от страха только ценой личности; среди воли толпы личность претерпевает убыток в мышлении, чувствовании и волевых желаниях, и отчасти также в религиозном и моральном сознании, хотя в этих последних сферах есть и свои компенсации. Личность впадает в примитивизм и инфантилизм такого рода, какого, собственно, некогда было невозможно и представить у культурных людей. В качестве ответной услуги организованной структуры мы назвали умиротворение страха, затем возрастание эйфории и прилив сил у тех, кто чувствует себя в толпе как дома; создание материальных и духовных благ (политическая независимость, духовные ценности в искусстве и религии), призванных приносить счастье. Впрочем, тем, кто не хочет или не может опустошить самого себя ради толпы, грозит усиление страха и боли. Такие люди либо становятся защитниками своих подавленных личностей, отчего подвергаются жестоким преследованиям и истязаниям, либо скрывают свои чувства и страдают от мук и одиночества. В первом случае человек будет больше страдать от боязни, во втором – от страха, если не сможет создать некий вид компенсации, особенно в форме воодушевленной борьбы за свободу. Если вождя больше боялись, чем любили, то появится новая блокировка страха.

Разрушение всех социальных организаций еще отчетливей проложит путь к боязни и страху, к войне всех против всех, к праву сильного и анархии, которые будут поощрять криминальные наклонности и поставят человека в положение постоянной угрозы. Правление, основанное на варварстве и жестокой силе, брутальное насилие приводят к увеличению боязни и страха. Тотчас же возникают новые толпы, призванные дать защиту слабым и господство сильным.

Поэтому возникает вопрос, не может ли существовать такая форма человеческой организации, которая, с одной стороны, защищала бы от страха, насколько на это способно общество, с другой стороны, сохраняла бы личную свободу и давала развитие индивидуальности, чтобы в этом обществе никто не чувствовал рабства. Для этого желаемая форма свободной от массовости совместной жизни должна быть достаточно сильной, чтобы сформировать прочную связь между отдельными людьми, каждому из них предоставить необходимую безопасность, найти наилучшее применение его способностям на благо общества или даже всего человечества и таким образом исполнить справедливые требования индивидуализма и (в самом широком смысле) социализма.

Такую притягательную форму совместной жизни я называю общественным союзом и определяю его как объединенную общей фундаментальной идеей организацию; она пытается совместно преодолеть страх, исходящий из разобщения, формирования банд и возникновения толп, и создать положительные ценности; при этом она предпринимает попытки сохранить личное мышление, чувства, волю, свободу и решения в нравственных и религиозных сферах, а также дать личности право принять участие в управлении.

Это определение требует дальнейшего обсуждения; не в терминах общей социологии, а так, чтобы это вело к преодолению или целесообразному использованию религиозного страха.

В общественном союзе единство достигается не посредством подавления, насилия и угроз, а благодаря свободному волевому решению. Оно должно ориентироваться на любовь между вступившими в союз, а не на честолюбие, стремление к власти или алчность. Оно не может требовать строго аскетического образа жизни, ибо это может повлечь формирование неврозов; однако оно должно поощрять использование человеческих влечений в русле совершенного нравственного развития или полного предания себя Богу и братьям; иначе в результате запущенности могут развиться неврозы и вслед за ними грозят прийти еще большие беды.

Основная идея образования общественного союза должна развивать этическую систему, которая соответствует справедливым требованиям индивидуальной и социальной гигиены, преодолевает эгоизм с помощью братской любви; избегает чрезмерного акцентирования на материальных благах и чувственных удовольствиях путем подчеркивания стремления к идеалу и жизненным радостям, приносящим удовольствие душе; поддерживает сильное чувство долга по отношению к ближним и, открывая пути сублимации, создает максимально притягательные и приносящие максимальное удовлетворение возможности для счастья.

Того, каким образом общественный союз, в основе которого лежит религиозная идея, превращающий благочестивую личность и ее наполненную любовью связь с окружающими людьми в жизненную доминанту, должен преодолеть страх, мы не будем касаться подробно в этой подготовительной части. Мы ограничимся некоторыми признаками, имеющими отношение ко всем общественным союзам.

Для членов общественного союза любовь к его фундаментальной идее, к целому, а отсюда к другим членам союза должна стать главным законом. Девиз «один за всех и все за одного» – главное правило для предотвращения и успокоения страха. Каждый должен чувствовать себя под защитой общества, насколько люди могут защитить, и охотно предоставлять им защиту и деятельную помощь, даже ценой больших личных жертв. То, что настоящая любовь уже чисто динамически, и уж тем более в отношении качества, дает гораздо больше, чем кнут и ежовые рукавицы, знает каждый воспитатель, ибо страх и боязнь отнимают невероятно много сил.

Также и в общественном союзе успех целого сильно зависит от вождя. Но так как руководящая инстанция прежде всего является духовной, вождь никогда не получает того же значения, как в толпе и организованной структуре. Высшим авторитетом обладает лежащая в основе идея или, в христианских общинах, – духовная сила, которая передает любую фундаментальную идею как выражение своей воли, следит за ее осуществлением; первым идет Бог или Христос как воплощение любви и милости духовной власти; исполнительная власть, выраженная в Священном Писании, церквях, таинствах, получает роль значительно меньшую, нежели сама любовь. Любовь к земному вождю мирской общины превышает страх перед ним, – а о том, чтобы страх превосходил любовь или даже равнялся ей, не может быть и речи. Власть вождей небезгранична, в отличие от предводителей толпы. Они являются только исполнителями воли общины и, соответственно, воли Божией, благодаря которой получили свою власть и перед которой несут ответственность. Люди не передают свои личные силы вождю или вождям и не перекладывают на них свои обязанности. Вождь не думает вместо них, а только исполняет волю союза. Поэтому отдельные личности ему подчиняются, даже если для себя лично они считают более правильными другие приказы. Он может с помощью предложений и предупреждений, которые он волен оглашать благодаря своим превосходящим знаниям, обрести большие заслуги перед своим общественным союзом, но он никогда не должен «обезличивать» людей. Напротив, он должен заботиться об усилении каждого человека в отдельности.

В противоположность власти толпы, которая душит личность, и необузданному индивидуализму, высвобождающему эгоистический произвол за счет слабых и тем усиливающий жизненный страх так же, как и деспотичный правитель, общественный союз стремится получить как можно более совершенные личности и находит их только в тех людях, которые как можно лучше развили свои законные черты на лучшем уровне своих способностей, подчиняются своему сообществу из любви к нему и ставят целое выше самих себя. Такое сообщество защищает индивидуализм, одновременно сохраняя социальные отношения и организацию.

Макс Хубер справедливо заметил: «Не только в области политики, но не меньше и в экономике отдельные личности и группы находятся между противоположными полюсами свободы и авторитета и их внешним вырождением, анархией и порабощением. Любая свобода представляет собой функцию порядка. Однако порядок – это не только лишь внешнее властное ограничение пространства, внутри которого личность может добиваться своего, ни с кем не

считаясь. Порядок – это органическое объединение, приводящее к появлению рационального целого. В общине исчезает напряжение между свободой и авторитетом. Община – это взаимная ответственность. Чем больше несдерживаемой свободы переходит в решение нести ответственность за других и за всю общину, тем меньше должно вмешиваться государство со своим принуждением, с юридически жесткими стандартами и с неуклюжим бюрократизмом»[116]. В заключительной части мы попытаемся понять, имеет ли это силу также и для религиозных общин.

Религиозный общественный союз получает силы и единство из духовной величины, которая наполняет его душу не как идея, а как высшая реальность, проявляет и порождает любовь, устанавливает братские связи, вдохновляет на свершение нравственно высоких поступков, одаряет радостной силой и уверенностью и таким образом создает на месте связанности высшую личную свободу и единение, достаточно сильные, чтобы вынести и преодолеть любой, даже самый тяжелый страх.

Если удастся создание такой общины, то в ней будет достигнуто наилучшее из возможных преодолений патогенного страха и предотвращение симптомов невроза навязчивых состояний. Такая организация наилучшим способом препятствует подавлению влечений и блокаде совести, так как она не ограничивает стремление к действию сильнее, чем того требуют хороший порядок и права ближнего; она полагает конец одиночеству и страху перед властью и толпой, она гарантирует каждому его права, она открывает там, где необходимо наложить ограничения, более широкие возможности для любви, она дает возможность каждому принять участие в руководстве целым. Она предоставляет «высшее счастье детей земли – личность», но именно внутри пропитанного любовью объединения. Она не держится за амбивалентные «отеческие» отношения, как это происходит в толпе; отношения в ней похожи на уклад гармоничной семьи. Потому что так же, как предводитель представлял собой замену *отца*, так и общественное объединение является производным от *семьи*, в которой отец и мать сопровождают строгость добротой, а братья и сестры получают положительную оценку.

Сильные, свободные от страха личности, объединившиеся в мощном союзе, находящиеся вместе не принудительно, а благодаря любви, по собственной воле подчинившись признанному авторитету, – без сомнения, так описывается грандиозный идеал преодоления страха и вдобавок по замыслу великолепная методика для получения наиболее возвышенных и делающих счастливым духовных благ, которые основаны на прочных экономических основах. Но мы должны спросить, не порушит ли систему общественного союза слабость человеческой натуры, которая не сможет дать большое число свободных личностей, которые по собственной воле подчинятся социальному и духовному целому в жертвенной любви? И можно ли при наилучшем методе борьбы с вытеснением и страхом достичь и удержать требующийся для развития союза в целом уровень сублимации и нравственности? Без сомнения, описанная община предполагает значительную ступень развития индивидуальной и социальной этики и ее подстерегает множество опасностей: когда идея сообщества теряет свою движущую силу, поднимают голову низкий эгоизм и уродливая слепая приверженность, зараженная самомнением, ненависть к другим партиям, классовая ненависть, раздробление, внутренние распри становятся угрозой для безопасности целого, препятствуя большим общим достижениям, насаждая из-за паралича любви новый страх, создавая новые примитивные массовые образования, затягивая людей, которые возвышаются над серой массой, на более низкий усредненный уровень, внушают дух инертного отрицания и подрывают устройство общины в целом, как и личностную культуру. Только подумайте, что вся система построена на минимуме принуждения и вытеснения, которые, однако, при правильном руководстве создают определенную защиту от пони-

[116] Max Huber, *Geleitwort zur Geschichte der Aluminium-Industrie, A. G. Neuhausen, 1888–1938*, Zürich, 1942, S. 11.

жения уровня сублимации! Ведь известно, что духовность может поддерживаться только при применении усилий.

Неужели по этой причине нужно отклонить свободную от массовости, основанную на личностях, хорошо организованную общину как утопию? Для определенного круга людей – без сомнения, потому что им не хватает черт личности, чтобы стать способными к общинной жизни; а это непременное условие. Однако история показывает, что благоприятные приближения к показанному идеалу имели место в реальности и могли утверждаться в ней веками. Конечно, их не так много, и они не сильно распространены, и их существование постоянно предъявляет к членам общины высокие требования в отношении сознательности, любви к союзу и его идеалам, любви к руководству, доверия к его способностям и благим намерениям, большого смирения, терпимости, принесения в жертву собственных желаний во благо воли общины, послушания авторитету без сбивания в безвольное стадо. При воспитании людей, которым предстоит стать членами общины, нужно очень тщательно формировать личность, обладающую и желающую обладать внутренней и внешней свободой, но лишенную надменности, смиренную и одновременно гордую, и с любовью привязанную к своей общине.

Не случайно существовавшие до настоящего времени общественные союзы большого охвата и длительности были связаны с верой. Швейцария создана как конфедерация на основе религии, как и протестантизм, хотя мы не будем скрывать, что они оба уже подвергались опасности массовости как банальной уравниловки, и эта опасность сохраняется до сих пор. Причины мы рассмотрим в следующем исследовании, посвященном страху и христианству.

Теперь, обладая научной основой, мы осмелимся приблизиться к нашей теме – возвышенному и неимоверно важному предмету во всей человеческой истории.

Часть вторая (историческая)
Возникновение страха и избавление от него в истории иудео-христианской религии

Глава 9. Страх и его преодоление в первобытных религиях

Сегодняшние первобытные религии, а лучше сказать, религии первобытных людей, развиваются многие тысячи лет и потому не могут тотчас же открыть тайну изначального возникновения религии. Впрочем, очень важно отметить, что чем дальше в глубь веков мы можем проследить их развитие, тем сильнее бросается в глаза сходство этих религий с определенными порождениями страха, о которых уже шла речь в первой части.

Самые примитивные религии, без сомнения, связаны с интенсивным преодолением страха. Даже мирской человек, испытывая страх, чувствует, что столкнулся с высшей силой, к которой он адаптирует свои действия и интеллектуальные отношения. Так, даже у невротиков в развитых религиях и у совершенно нерелигиозных людей может возникнуть примитивная частная религия, которая, оставаясь в рудиментарном состоянии, стоит в одном ряду с их церковной религией – что-то вроде суеверия. С вопросами, которые так волновали историков религии прошлого поколения, глубинные психологи сталкиваются при исследовании любых примитивных воздействий страха, которые продлевают свое существование как разновидность особой и частной мирской религии. Страдающий неврозом страха и навязчивых состояний ощущает мощное влияние таинственной высшей силы, точно так же, как первобытный человек ощущает существование маны, сверхъестественной силы, природа которой ему совершенно неизвестна. Макс Халлер в своем изображении примитивных религий одобрительно цитирует Витши: «Жизнь примитивных обществ можно сравнить с человеком, который идет по современной электростанции с ее машинами и кабелями высокого напряжения. Везде желтые таблички с надписями: “Не трогать! Опасно для жизни!” Обычай объединяет все эти предупреждения и правила поведения, а ритуал обозначает меры, которые нужно предпринять, когда из-за невнимательного поведения все же случилось несчастье»[117].

Не анализируя сущность проявляющейся в страхе и навязчивости невидимой силы, человек осуществляет свои защищающие от страха внутренние и внешние действия, которые непосвященному кажутся бессмысленными, но, как мы видели выше, тщательно выстроены по законам облегчения страха и ведут к иносказательному удовлетворению, хотя в их основе не лежит ни один рациональный процесс. Мы видим, как таинственная сила наделяется самостоятельным бытием и отождествляется с разнообразными духами. Галлюцинации многих невротиков, страдающих от страха, и шизофреников очень часто проявляют этот бессознательно произведенный процесс персонализации и отождествления. Но даже без видений и слышания голосов попытки определить пугающую и принуждающую силу более точно встречаются необычно часто, при этом результат этого более близкого определения входит в сознание в форме немедленно пережитого объекта, иными словами, как откровение.

Слова Цецилия Стация: «Страх – вот кто первым богов сотворил»[118], чтобы быть психологически верными, нуждаются в некотором пояснении и исправлении. Не боязнь, а страх – один из главных корней религии. Но он не единственный. Трепет и восторг близки. Как показал мастерский анализ Рудольфа Отто[119], *tremendum,* страшное, ужасное, требует наличия *fascinosum* – чарующего, приводящего в ликование. Изначальный религиозный страх, порожденный блокировкой, и влечет, и отвергается, он таит и боязнь, и любовь[120], как отношение первобытного человека к отцу. И нельзя забывать про функцию интеллектуального осмысле-

[117] Max Haller, “Die primitiven Religionen,” *M. G. R.*, S. 20; ср.: A. Schweizer, *Afrikanische Geschichten*, S. 64.

[118] Автор ссылается на книгу G. Runze, *Katechismus der Religionsphilosophie*, S. 124. Цитата приведена по: Стаций, Публий Папиний. Фиваида. М., 1991, с. 52.

[119] R. Otto, *Das Heilige*, 1922, S. 39.

[120] Van der Leeuw, art. “Furcht,” *R. G. G.*, II, S. 839.

ния и целеполагания: она отводит место реальности и стремится к познанию, даже если еще совсем неразвита. Да и идеи о Боге, воспринятые как реальность, не всегда возникали первыми, – часто первой оказывалось переживание силы или мощи. Наконец, нужно заметить, что создание религий служит биологическому стремлению защититься от страха.

Я не считаю полезным рассматривать веру в сверхъестественные силы, магию и анимизм как разделенные во времени и последовательные стадии в истории религии. У людей, даже если те никогда не слышали о духах и заклинающих ритуалах, любому развитию магии предшествует видение духов. История первобытного человеческого общества нам слишком плохо известна, чтобы говорить об отдельных фазах развития в смысле поступательного представления об объекте. Привнесенные рационалистические схемы в духе Гегеля и эволюционизма нигде не окажутся столь неуместны, как в истории религии.

И религия родилась не только из страха. Да, религиозные ритуалы определенно могли развиться из навязчивых действий – мы и сегодня можем наблюдать, как люди, испытывающие страх, стучат по деревянному предмету; это и разновидность апотропеического ритуала, отвращающего беду, и элемент суеверных традиций. Магия, с другой стороны, может освободиться от страха и навязчивостей; там, где заговорами сводят бородавки, можно усмотреть и жажду наживы. Таинственные высшие силы, рожденные испуганным воображением страхом, обнаруживаются и в развитых религиях как источники ужаса; но они часто изменяются в объекты веры, приносящие радость и вдохновенную любовь, и почитаются свободно и не по принуждению; они являются инсессиями, а не обсессиями.

При образовании представлений о духах и демонах мы можем четко распознать тенденцию к защите от страха, однако нельзя сказать, что это намерение преобладает сознательно. После того как силы становятся уже не то чтобы абсолютно незнакомыми человеку – и после того как он разработал четкие способы взаимодействия с ними (жертвы, молитвы…), больше не нужно предаваться такому сильному ужасу, как перед лицом полностью неизвестной силы. Но было бы наивным умничаньем предполагать, что религиозные представления и обычаи созданы для этой цели. В гораздо большей степени их развитие происходит при очень сложных, переменчивых условиях за порогом сознания. Здесь сны, галлюцинации, внушения, пророчества, случайные происшествия, которые в светской жизни встречаются с большей или меньшей степенью необходимости, могут приобретать огромное значение. После того как мы признаем важность привязанности человека к родителям, мы уже не станем удивляться тому, что изначально неведомые духи позже идентифицируются с предками, прежде всего с отцом и матерью, и при этом сначала, поскольку являются интеллектуализациями страха, принимают злой и жестокий характер. Также мы не удивимся тому, что в благочестии первобытных людей господствуют вовсе не нравственные прегрешения и не искупительные жертвы.

Духи-покровители – творение интеллекта, тем не менее они воспринимаются как непосредственная данность; с ними можно вести переговоры, а со сверхъестественной силой такое не пройдет. Ее можно успокоить, и ее гнев (субъективно ощущаемый как страх) можно даже обратить на милость: на то и культ, созданный обществом из им же одобренных обязательных действий, призванных успокоить страх. Так разменяться даже выгодно. В страхе человек чувствует себя изолированным, в религиозном ритуале он находит единение с объектом ритуала, который пытается обратить к себе на пользу и чью благосклонность хочет снискать. В то же время человек един с собратьями по культу. Вот так уже в первобытных религиях любовь инстинктивно применена для исцеления от страха[121].

В тотемизме такое единение прежде всего устанавливается с помощью сакральной трапезы – теофагии, поедания бога. Здесь не стоит обсуждать лежащие в подсознании корни причащения. Для убедительных аргументов нужен самый разнообразный опытный материал.

[121] Сравн.: O. Pfister, “Instinktive Psychoanalyze bei den Navacho-Indianern,” *Imago*, XVIII (1932), S. 93, 99, 101.

Пришлось бы привести ряд наблюдений за детьми и показать, что при многочисленных проявлениях териофобий за зверем, вызывающим страх, скрывается отец, а потом продемонстрировать двойственную природу отношения к отцу, которого ребенок одновременно и любит, и ненавидит, причем вытесненная в подсознание эдипова ненависть при обусловленных страхом обсессиях и инсессиях проявляется гораздо более четко, чем детская любовь. (Также поэтому злые духи раньше стали объектами культа, чем добрые.) В дальнейшем нужно было бы показать, как в поедании – этом «оральном господстве» по Фрейду – выражаются и ненависть, и любовь. (Сравните расхожие выражения: «аппетитная», «так бы и укусил».) Одни только эти исследования займут невесть сколько и выйдут за рамки нашей задачи. Ограничимся основными признаками и постановкой проблемы.

Наряду с верой в духов и демонов первобытные народы чтят верховного бога: здесь в сублимированном и идеализированном виде почитается фигура отца, свободная от любой жестокости и гнева, в которых так часто звучат отголоски сыновней ненависти к отцу. Однако с этим сублимированным богом происходит то же самое, что часто случается с философски и богословски переработанной идеей Бога. Творец мира, созданный первобытными народами, бессилен овладеть человеческой душой, захватить ее с такой же силой и пребыть в ней столь же долго, как «слишком человеческий» бог наивной народной веры. В вопросе противодействия страху верховное божество первобытных народов не особенно принимается во внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.